Прот. Сергій Четвериковъ

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

YMCA PRESS
PARIS

Ѳ. Минихъ

О. Іеросхимонахъ Амвросій

Протоіерей Сергій Четвериковъ.

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

и

ЛИЧНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ

Съ приложеніемъ писемъ И. В. и Н. П. Кирѣевскихъ, Московскаго Митрополита Филарета, Н. В. Гоголя, Т. И. Филиппова, Ст. П. Шевырева и др. лицъ къ оптинскимъ старцамъ.

YMCA PRESS
PARIS

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ГА РФ
Инв.№ К 5763

Printed in France

ПРЕДИСЛОВІЕ

Мое знакомство съ Оптиной Пустынью началось въ Іюнѣ 1891 года, когда мы, четыре студента Московскаго Университета (одинъ медикъ, два юриста и одинъ филологъ) путешествовали пѣшкомъ изъ Москвы въ Кіевъ съ цѣлью поближе ознакомиться съ нашею родиною. Мы пробыли тогда въ Оптиной Пустини всего лишь одинъ день, и почти ничего въ ней не видѣли. Тогда еще былъ живъ знаменитый Оптинскій старецъ іеросхимонахъ Амвросій, проживавшій въ то лѣто въ Шамординѣ, въ 12 верстахъ отъ Оптиной Пустыни, но мы, по своему легкомыслію, не сочли нужнымъ сдѣлать нѣсколько лишнихъ верстъ въ сторону, чтобы повидать его и получить его благословеніе.

Въ слѣдующій разъ я пришелъ въ Оптину Пустынь уже одинъ, также изъ Москвы, лѣтомъ 1894 года, будучи уже студентомъ Московской Духовной Академіи. Старца Амвросія уже не было въ живыхъ. Скончался и его ближайшій помощникъ по устроенію Шамордина, скитоначальникъ іеросхимонахъ Анатолій. Старчествовалъ ученикъ о. Амвросія, іеросхимонахъ Іосифъ,

жившій въ его хибаркѣ, въ скиту. Въ этотъ разъ я прожилъ въ Оптиной Пустыни около недѣли, говѣлъ, посѣтилъ скитъ и о. Іосифа, былъ у настоятеля монастыря, о. архимандрита Исаакія, произведшаго на меня сильное впечатлѣніе своимъ самоуглубленнымъ спокойствіемъ, простотою и молитвенными слезами при богослуженіи. На этотъ разъ я близко разсмотрѣлъ Оптину Пустынь. И она произвела на меня глубокое впечатлѣніе запавшее въ мою душу навсегда. Я впервые ощутилъ тамъ вѣяніе истинной духовной жизни, отъ которой какъ бы расцвѣла и моя собственная душа.

Послѣ этого я не видалъ Оптиной Пустыни цѣлыхъ семь лѣтъ, отвлеченный обстоятельствами личной жизни, но я не переставалъ сохранять въ душѣ своей свѣтлое воспоминаніе объ этомъ монастырѣ, и это воспоминаніе каждый разъ дѣйствовало на мою душу оживляющимъ и освѣжающимъ образомъ. Я выписывалъ изданія Оптиной Пустыни, читалъ ихъ и перечитывалъ, и этимъ поддерживалъ свое внутреннее общеніе съ нею. Въ третій разъ я посѣтилъ Оптину Пустынь, уже будучи священникомъ, въ 1901 году, и прожилъ тамъ съ семьею все лѣто. Результатомъ этого посѣщенія была написанная мною въ слѣдующемъ году брошюра: «На Службѣ Богу — на службѣ ближнимъ». Въ четвертый разъ я былъ въ Оптиной Пустыни лѣтомъ 1905 года, занимаясь тамъ подготовленіемъ къ печати собранія писемъ старцевъ о. Амвросія и о. Анатолія,

изданныхъ обителью въ 1909 году. Знакомство съ письмами о. Амвросія возбудило во мнѣ желаніе составить его полное жизнеописаніе, что и было мною сдѣлано лѣтомъ 1911 года въ той же Оптиной Пустыни. Слѣдующее лѣто 1912 года, я провелъ въ Шамординѣ, заканчивая тамъ и подготовляя къ печати свое жизнеописаніе старца о. Амвросія. Въ Шамординѣ же и провелъ съ семьею лѣто 1913 года, посѣщая при этомъ довольно часто и Оптину Пустынь. Лѣто 1914 года я снова провелъ съ семьею въ Оптиной Пустыни. Послѣ того я еще разъ, уже одинъ, посѣтилъ Оптину Пустынь въ Сентябрѣ 1918 года, по пути изъ Москвы въ Полтаву. Это девятое посѣщеніе Оптиной Пустыни было моимъ прощаніемъ съ нею, и оставило во мнѣ неизъяснимо-грустное воспоминаніе. Чувствовалось, что надъ обителью нависла жуткая власть большевиковъ, и что недалеки дни ея полнаго запустѣнія. Съ тѣхъ поръ я потерялъ возможность не только бывать въ Оптиной Пустыни, но даже и получать оттуда письма.

Всѣ вышеизложенныя подробности разсказаны мною съ тою цѣлью, чтобы показать, что Оптина Пустынь извѣстна мнѣ не изъ вторыхъ рукъ и не по чужимъ разсказамъ, и что весь мой послѣдующій разсказъ будетъ основанъ, главнымъ образомъ на моихъ собственныхъ наблюденіяхъ и впечатлѣніяхъ.

Въ приложеніи къ описанію Оптиной Пустыни помѣщаются письма къ Оптинскимъ Старцамъ И. В. и Н. П. Кирѣевскихъ, Московскаго Митрополита Филарета, Н. В. Гоголя, Т. И. Филиппова, проф. Ст. П. Шевырева и другихъ лицъ, ярко освѣщающія издательскую дѣятельность Оптиной Пустыни при старцѣ Макаріи въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, а также и личность незабвеннаго русскаго философа Ивана Васильевича Кирѣевскаго.

Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ были уже напечатаны раньше въ русскихъ духовныхъ журналахъ, другія появляются въ печати впервые.

Письма были получены мною отъ Русской Матицы, которой они были предоставлены В. М. Кашкаревымъ. За сообщеніе писемъ приношу глубокую благодарность проф. А. Д. Билимовичу.

Протоіерей Сергій Четвериковъ.

Братислава.
1926. 2. II.

I.

МѢСТОПОЛОЖЕНІЕ И ВНѢШНІЙ ВИДЪ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ.

Оптина Пустынь расположена въ двухъ верстахъ отъ небольшого, стариннаго уѣзднаго города Козельска Калужской губ., на правомъ берегу не широкой, но глубокой и полноводной рѣки Жиздры, у опушки огромнаго вѣкового бора, который въ глубину тянется на 30 верстъ, а въ длину идетъ отъ знаменитыхъ Брянскихъ лѣсовъ Орловской губерніи до столь же знаменитыхъ Муромскихъ лѣсовъ Владимірской губерніи. Бѣлыя монастырскія зданія и стѣны и голубыя главы церквей съ золотыми крестами красиво

и величаво выступаютъ на зеленомъ фонѣ сосенъ и елей. Глубокая тишина лѣса нарушается лишь шорохомъ падающей вѣтки или звукомъ птичьихъ голосовъ. Воздухъ напоенъ дивнымъ ароматомъ. Въ отдаленіи живописно раскинулся на холмѣ Козельскъ, оживляя общую картину, но не нарушая тишины и безмолвія. Откуда бы ни приближался путникъ къ Оптиной Пустыни, отъ Лихвина ли по глухой лѣсной дорогѣ, мимо такъ называемаго «Чортова Городища» (неизвѣстно откуда взявшейся груды огромныхъ, въ безпорядкѣ нагромажденныхъ, камней и скалъ среди сплошного лѣса), или отъ Калуги по «большаку», или, наконецъ, отъ Козельска лѣсомъ по правому берегу Жиздры, или лугомъ по лѣвому ея берегу — Оптина Пустынь производитъ одинаково сильное, глубокое и какое-то умиротворяющее душу впечатлѣніе. Обычно богомольцы направляются въ Оптину Пустынь со станціи желѣзной дороги черезъ Козельскъ лугомъ по лѣвому берегу Жиздры, которую уже подъ самымъ монастыремъ переѣзжаютъ на монастырскомъ паромѣ. Не разъ Оптинцамъ совѣтовали замѣнить паромъ постояннымъ мостомъ для удобства богомольцевъ, но они упорно хранили свою старину, какъ бы опасаясь устройствомъ моста уничтожить преграду, отдѣляющую монастырь отъ міра. И, несомнѣнно, въ этомъ паромѣ заключалась какая-то особенная прелесть. Неоднократно подъѣзжая и подходя къ Оптиной Пустыни и днемъ и поздно вечеромъ, я каждый разъ испытывалъ одно и тоже ощущеніе.

Прежде всего, съ наслажденіемъ чувствуешь, что оторвался отъ городской, суетливой, духовно безплодной, и утомительной жизни. Всею грудью вдыхаешь чистый, легкій, ароматный луговый воздухъ, напоенный благоуханіемъ травъ и цвѣтовъ, любуешься открывающимися передъ тобою далями и видами, раскинувшимся надъ тобою необъятнымъ небеснымъ сводомъ, ночью усыпаннымъ яркими прекрасными звѣздами, которыхъ въ городѣ почти никогда не видишь. Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ монастырю, тѣмъ сильнѣе охватываетъ душу особое чувство: Словно открывается дверь въ XIV и XV вѣкъ, и оттуда вѣетъ старинною, благочестивою Русью, словно души древнихъ подвижниковъ и молитвенниковъ и ихъ тихія кельи раскрываютъ передъ вами свой внутренній міръ. Экипажъ тихо спускается къ рѣкѣ, и мы поджидаемъ паромъ, который медленно перегоняется съ противоположной стороны рѣки монахомъ-паромщикомъ. Осторожно и медленно, привычнымъ шагомъ, всходятъ кони на паромъ, громко стуча по доскамъ копытами. Монахъ привѣтливо здоровается съ прибывшими и беретъ благословеніе у священника. Ямщикъ сходитъ съ облучка, разминаетъ застывшія ноги, и помогаетъ паромщику тянуть канатъ. Они уже давно знакомы между собою и обмѣниваются другъ съ другомъ словами. Рѣка тихо плещется у парома. Всплескиваетъ рыба. Слышатся привычныя рѣчи о глубинѣ рѣки, и о ея рыбномъ богатствѣ. Проходитъ моментъ, и паромъ тихо ударяетъ въ мо-

настырскій берегъ. Ямщикъ и паромщикъ закрѣпляютъ паромъ, монахъ отодвигаетъ загражданющее бревно,ямщикъ садится на свое мѣсто, подбираетъ возжи, и экипажъ быстро въѣзжаетъ на высокій берегъ. Направо стоитъ сторожка паромщика, а у самой дороги столбъ съ укрѣпленной на ней иконой Богоматери, имени которой посвящена обитель. Обогнувъ яблоневый садъ и повернувъ направо, ямщикъ подвозитъ насъ къ ближайшей гостинницѣ, которою много лѣтъ завѣдуетъ о. Михаилъ. Это та самая гостинница, въ которой останавливался въ послѣдній свой пріѣздъ въ Оптину Пустынь гр. Л. Н. Толстой. Гостинница о. Михаила вмѣстѣ съ гостинницей о. Іоны расположены по правую и лѣвую сторону отъ Св. вратъ. По деревянной лѣстницѣ, покрытой чистой дорожкой, мы поднимаемся во второй этажъ, гдѣ намъ отводятъ номеръ, уютно обставленный старинною разнокалиберною мебелью, съ иконами въ кіотахъ въ переднемъ углу, съ теплящеюся передъ ними лампадою, съ видами св. обителей по стѣнамъ, съ цвѣтами на окошкахъ, съ кроватями, покрытыми чистымъ и свѣжимъ бѣльемъ, съ запахомъ ладана, кипариса, хлѣба и постныхъ щей. Если мы пріѣзжаемъ поздно вечеромъ, о.Михаилъ приглашаетъ насъ не вставать къ. заутренѣ, которая начинается въ часъ ночи. Мы однако слышимъ сквозь сонъ звонъ будильнаго колокольчика и слова монаха «*пѣснію — время, молитвѣ—часъ*», слышимъ и благовѣстъ монастырскаго колокола, возвѣщающаго о началѣ

утрени, но успокоенные разрѣшеніелъ о. Михаила безмятежно спимъ до утра. Но если бы мы не полѣнились, встать къ заутрени—мы объ этомъ на пожалѣли бы. Будничная предразсвѣтная заутреня имѣетъ свою прелесть. Предразсвѣтныя звѣзды ярко сверкаютъ на темномъ небѣ. Чувствуется ночная свѣжесть. Рѣдкія фигуры богомольцевъ съ разныхъ сторонъ направляются къ храму. Въ храмѣ, слабо освѣщенномъ лампадами, очередной чтецъ уставнымъ способомъ читаетъ полунощницу, освѣщая страницы старинной, закапанной воскомъ, большой книги огаркомъ восковой свѣчи. Въ полумракѣ видны стоящія у стѣнъ темныя фигуры монаховъ, погруженныхъ въ молитву. Продолжительная и однообразная служба утомляетъ насъ, и насъ начинаетъ клонить ко сну. Но мы преодолѣваемъ дремоту и къ концу службы снова чувствуемъ себя бодрыми. Отъ заутрени мы выходимъ изъ храма, когда на востокѣ уже появляется свѣтлая полоса наступающаго дня. Усталые, мы приходимъ въ свой номеръ и, согрѣтые его теплomъ, крѣпко засыпаемъ.

Часовъ въ девять утра идемъ къ поздней обѣднѣ По широкой, каменной лѣстницѣ мы поднимаемся къ Св. воротамъ подъ колокольнею, минуя находящуюся на лѣстницѣ по правую сторону монастырскую лавочку запертую въ часы богослуженія. Въ окнѣ лавочки выставленъ портретъ старца іеросхимонаха Амвросія, почивающаго въ гробу, написанный красками въ натуральную

величину, и такъ живо, что у окна всегда собирается группа богомольцевъ, удивляющаяся натуральности изображенія. Пройдя св. врата, мы входимъ въ монастырскій дворъ, и прямо передъ собою видимъ главный монастырскій храмъ во имя Введенія во храмъ Божіей Матери. Храмъ не отличается ни красотою архитектуры, ни размѣрами.

Какъ и все въ Оптиной Пустыни, онъ носитъ на себѣ печать скромности и простоты. Неспѣшно, но и безъ утомительной медлительности, чинно и строго, совершается богослуженіе. Чинно и благоговѣйно, въ клобукахъ и мантіяхъ, стоятъ у стѣнъ монахи, совершая уставные поклоны и колѣнопреклоненія. Міряне, столпившись ближе къ алтарю, слѣдуютъ въ поклонахъ примѣру иноковъ. Хоры пѣвчихъ, на правомъ и лѣвомъ клиросахъ, не поражая стройностью и тонкостью исполненія, захватываютъ молящихся своимъ одушевленіемъ. Въ свое время отчетливо читаются краткія, простыя и назидательныя поученія.

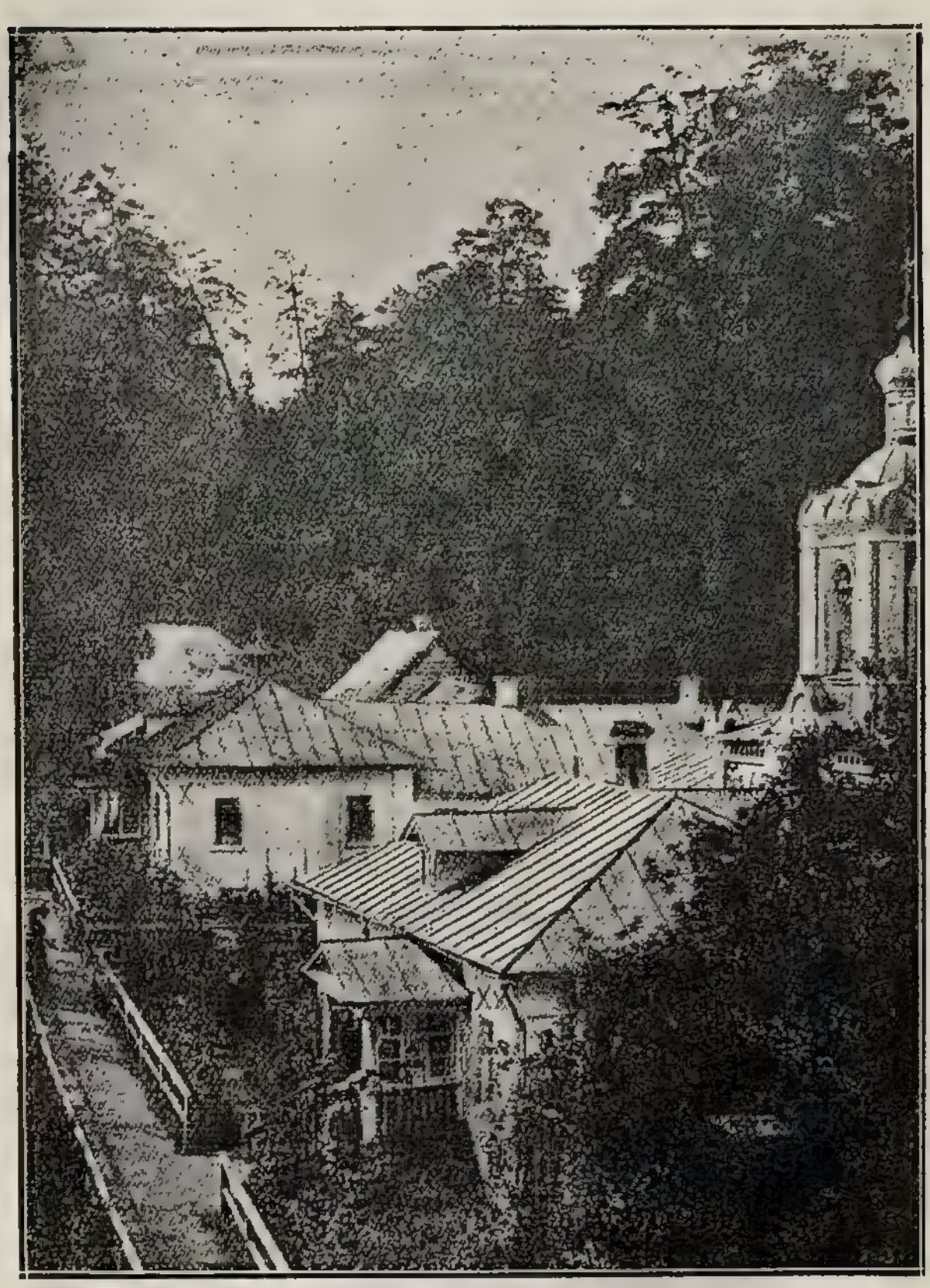
Направо отъ храма Введенія Богородицы находится зимній храмъ во имя Казанской иконы Божьей Матери, въ которомъ погребены бывшіе настоятели Оптиной Пустыни — о. архимандритъ Моисей, о. архимандритъ Исаакій, и др. Налѣво отъ Введенскаго храма находится храмъ въ честь препод. Маріи Египетской, въ которомъ ежедневно служатся раннія обѣдни. Впереди Введенскаго храма, къ востоку отъ него, находится храмъ въ честь Владимірской Иконы

Божіей Матери. Въ этомъ храмѣ день и ночь читается заупокойная псалтирь и устроено нѣсколько келлій для братіи. Все пространство между названными четырьмя храмами занято братскимъ кладбищемъ, которое можно назвать надгробною лѣтописью монастыря. Можно часами ходить по этому кладбищу, читая надмогильныя надписи, и вся прошлая жизнь обители въ лицѣ ея умершихъ иноковъ и подвижниковъ выростаетъ передъ духовнымъ взоромъ читающаго. Вотъ съ южной стороны алтаря Введенскаго храма расположены рядомъ могилы трехъ великихъ Старцевъ — іеросхимонаховъ Льва (Наголкина), Макарія (Иванова) и Амвросія (Гренкова), съ характерными и знаменательными на нихъ надписями. У ногъ старца Макарія почиваетъ его духовный сынъ, русскій философъ, Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій. Слѣва отъ него его братъ Петръ Васильевичъ, собиратель народныхъ пѣсенъ, справа — его жена, Наталья Петровна. У ногъ старца Амвросія находится могила его ученика старца іеросхимонаха Іосифа. Далѣе идутъ могилы — скитоначальниковъ Иларіона, Анатолія и Пафнутія, іеромонаха Даніила (Болотова), почитателей и благотворителей Оптиной Пустыни, еще дальше, около Казанскаго собора, могила о. Архимандрита Сераліона (Машкина) и другихъ, имена которыхъ вызываютъ въ душѣ волнующія воспоминанія. За кладбищемъ къ юго-востоку виденъ небольшой, одноэтажный деревянный домикъ настояте-

ля Пустыни, въ чистенькомъ, свѣтломъ и уютномъ зальцѣ котораго развѣшаны по стѣнамъ портреты Калужскихъ архіереевъ, настоятелей и старцевъ Оптиной Пустыни. Кто только не перебывалъ въ этомъ зальцѣ, начиная отъ царственныхъ особъ и высшихъ представителей церкви, отъ ученыхъ и писателей, и кончая простыми крестьянами, студентами и курсистками!

Далѣе, вдоль монастырскихъ стѣнъ тянутся корпуса монастырскихъ зданій, въ которыхъ помѣщаются трапезная, мастерскія и келліи монастырскихъ братій. Весь монастырь окруженъ выбѣленною кирпичною оградою съ башнями по угламъ, представляющею правильный четыреугольникъ, съ воротами на каждой изъ его четырехъ сторонъ. О св. вратахъ, находящихся на западной сторонѣ, мы уже упоминали. Ворота, находящіяся на сѣверной сторонѣ, ведутъ во дворъ новой монастырской гостинницы, за которымъ идутъ домикъ Шамординскихъ сестеръ, «консульскій» домъ, гдѣ проживалъ К. Н. Леонтьевъ, и другія зданія. Южныя ворота выходятъ на больничный дворъ, гдѣ помѣщается отлично устроенная, чистая и просторная братская больница, съ храмомъ.

Черезъ восточныя ворота мы выходимъ въ чащу окружающаго Оптину Пустынь лѣса, и по узенькой дорожкѣ, проходящей между огромными соснами, доходимъ до Скита во имя Усѣкновеніи Главы Св. Іоанна Предтечи. Скитъ, это отдѣленіе монастыря, гдѣ жизнь проводится



Внутренній видъ скита

(*) Келлія старца Амвросія
(**) Келлія скитоначальника О. Макарія и его преемниковъ)

болѣе уединенно и по отличному отъ монастырскаго порядку. Внѣшній видъ Оптинскаго Скита подробно описанъ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» Достоевскаго. Дорожка, ведущая отъ монастыря къ скиту, дѣлаетъ нѣсколько изгибовъ, и вотъ за послѣднимъ изгибомъ открывается невысокая розовая колоколенка, со св. вратами подъ нею. Надъ вратами находится образъ Усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи, а около вратъ, по стѣнамъ, помѣщены изображенія святыхъ пустынножителей восточныхъ и русскихъ. Рядомъ съ колокольнею, съ обѣихъ ея сторонъ, находятся такъ называемыя «хибарки», куда старцы выходили внутренними ходами изъ своихъ келлій, находившихся внутри скита, для пріема лицъ женскаго пола, не имѣющихъ права входить въ самый скитъ. Отъ «хибарокъ» начинается деревянная ограда, охватывающая четыреугольникомъ весь скитъ. Переступивъ порогъ св. воротъ, мы сразу проникаемъ въ міръ особеннаго глубокаго безмолвія, какъ будто бы здѣсь, за этимъ порогомъ, нѣтъ ни одной живой души человѣческой. Въ то же время насъ поражаетъ богатство разнообразныхъ цвѣтовъ, которые широкими лентами тянутся вдоль всѣхъ дорожекъ скита, отъ св. вратъ къ церкви, отъ церкви къ трапезной и т. д. Лѣтомъ, въ тихій солнечный день, они наполняютъ скитъ своимъ благоуханіемъ, а надъ ними слышится непрерывное жужжаніе пчелъ, единственный, кажется, звукъ, нарушающій, или, лучше сказать, оживляющій глу-

17
...БЛИОТЕКА
ГАРФ
Инв. № К 5763

бокое безмолвіе скита. Ни одного человѣка не видно внутри скита. Мы идемъ къ небольшой деревянной церковкѣ, стоящей прямо противъ св. вратъ. Церковь эта отличается особенною простотою. Въ сѣняхъ стоитъ ведро съ свѣжею, чистою водою, и около него кружка. Тутъ же видна дверь въ небольшую келлійку монаха, наблюдающаго за церковью. Сама церковь напоминаетъ обычный небольшой залъ, очень чистый и свѣтлый. Въ окнахъ нѣтъ рѣшетокъ. На стѣнѣ висятъ часы. Мы осматриваемъ церковь, заходимъ въ алтарь; прикладываемся къ иконамъ, и уходимъ, не встрѣтивъ ни души. Кромѣ этой первоначальной скитской церкви, недавно выстроена въ скиту другая, каменная, церковь, но она по своей архитектурѣ какъ-то не подходитъ къ пустынному виду скита. Внутри скитъ имѣетъ слѣдующее расположеніе. Направо отъ св. вратъ находится знаменитая келлія старца іеросхимонаха Амвросія. Это — небольшой домикъ, выходящій окнами въ цвѣтникъ. Мы входимъ въ него по деревянному крылечку черезъ тѣсныя сѣнечки, увѣшанныя лубочными картинками и текстами духовнаго содержанія. Изъ сѣней входимъ въ узкій корридорчикъ, раздѣляющій домикъ на двѣ половины. Первая дверь направо ведетъ въ небольшую зальцу, парадную пріемную старца. Въ этой комнатѣ весь передній уголъ уставленъ иконами, передъ которыми теплятся лампады. Стѣны сплошь увѣшаны портретами извѣстныхъ подвижниковъ, видами монасты-

рей и другими картинами духовнаго содержанія. Мебель состоитъ изъ старенькаго дивана, нѣсколькихъ столовъ и стульевъ. По другую сторону корридора находится собственная келлія старца, въ которой онъ жилъ, а дальше по корридору келліи его келейниковъ. Въ концѣ корридора находится выходъ въ хибарку, состоящую изъ ряда небольшихъ комнатъ. Такой же точно домикъ находится и по лѣвую сторону отъ св. вратъ, и въ немъ обычно проживали начальники скита — старецъ о. іеросхимонахъ Макарій, о. Пафнутій, о. Иларіонъ и ихъ преемники. По всему скиту между деревьями разбросаны другіе небольшіе домики, обычно раздѣленные на четыре келліи для четырехъ иноковъ. Одинъ изъ домиковъ назначенъ для трапезной, другой для скитской библіотеки, въ которой имѣется много цѣнныхъ рукописей. Въ концѣ скита находится небольшой прудъ съ кое-какой рыбой, а дальше — пчельникъ. Литургія въ скиту совершается только по субботамъ, воскресеньямъ и праздникамъ, въ остальные же дни только вечернее правило. Братіямъ предоставляется совершать молитвенное правило по своимъ келліямъ. Здѣсь же, въ скитской оградѣ находится и братское кладбище скитянъ.

Таковы внѣшній видъ и расположеніе Оптиной Пустыни и принадлежащаго къ ней Іоанно-Предтечевскаго скита. Прибавимъ еще, что этотъ монастырь какъ бы притиснутъ огромнымъ, густымъ и тѣнистымъ лѣсомъ къ берегу Жиздры,

на противоположной сторонѣ которой разстилается ровный, свѣтлый и веселый лугъ. Въ Оптинскомъ лѣсу имѣется неисчерпаемое богатство разнаго сорта грибовъ и ягодъ, особенно земляники и брусники, протекаетъ источникъ желѣзистой воды и имѣется сѣрнистый Пафнутіевскій колодезь, при которомъ устроенъ бассейнъ, гдѣ купаются богомольцы. Въ Оптинскомъ лѣсу водятся и волки, которые по зимамъ иногда появляются около самого монастыря.

II.

ВНУТРЕННІЙ УКЛАДЪ ЖИЗНИ ВЪ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ.

Въ Оптиной Пустыни передъ революціей было около трехсотъ монаховъ. Монастырь строго сохранялъ общежительные завѣты Старца Паисія Величковскаго. Братія дѣлились, какъ обычно и полагается, на послушниковъ, рясофорныхъ и манатейныхъ. Были и схимники. Въ Оптиной Пустыни существовалъ обычай даже и молодыхъ манатейныхъ монаховъ, въ случаѣ опасной болѣзни, постригать въ великій ангельскій образъ, въ схиму.

Никто изъ монаховъ, не исключая и настоятеля не имѣлъ своей собственности. Все, необходимое для него, оптинецъ получалъ отъ монастыря: пищу въ трапезной, чай и сахаръ отъ настоятеля, одѣяніе и обувь — отъ «рухольнаго».

Одежду и обувь всѣ оптинцы, не исключая и настоятеля, носили совершенно одинаковаго ка-

чества, и по одному и тому же образцу, такъ что старецъ о. Амвросій иногда говорилъ, шутя: «Оптинцевъ вездѣ узнаешь: у нихъ у всѣхъ сапоги на прямую колодку». Каждому иноку, не исключая и послушниковъ, предоставлялась отдѣльная келлія, чтобы онъ могъ съ полнымъ удобствомъ, безъ помѣхи, отдаваться своимъ келейнымъ занятіямъ —молитвѣ, чтенію Слова Божія и отеческихъ книгъ и рукодѣлію. Порядокъ дня опредѣлялся, главнымъ образомъ, церковными службами: въ будни день начинался въ часъ по полу ночи полунощницей, за которой непосредственно слѣдовала утреня. Въ шесть часовъ утра совершалась ранняя литургія, въ девять часовъ утра — поздняя, въ четыре часа дня — вечерня, и въ семь часовъ вечера — правило. Въ воскресеные и праздничные дни въ этотъ порядокъ богослуженія вносилось то измѣненіе, что вмѣсто полунощницы и утрени совершалось всенощное бдѣніе въ шесть часовъ вечера, а передъ бдѣніемъ въ 3 ½ часа дня малая вечерня. Богослуженіе посѣщала вся братія, свободные отъ спеціальныхъ послушаній — въ поварнѣ, въ пекарнѣ, въ мастерскихъ — сапожной, швальной, столярной, на конномъ дворѣ, въ лѣсу, на дачахъ и т.д. Однако, въ этомъ посѣщеніи церковнаго богослуженія не было ничего внѣшне и формально принудительнаго. Судьею каждаго въ этомъ случаѣ являлась его собственная монашеская совѣсть, воспитанная его монашескими обѣтами и общимъ строемъ и обычаями монастырской жизни. Сво-

бодное отъ церковныхъ службъ и отъ послушаній время каждый инокъ могъ проводить всецѣло по своему личному усмотрѣнію, не забывая, конечно, о своемъ званіи инока. Весь обиходъ своей жизни, какъ богослужебной, такъ и хозяйственной, Оптина Пустынь всегда обслуживала преимущественно своими собственными силами, не прибѣгая къ наемному труду. Всѣ хозяйственныя работы, не исключая разработки лѣса, рыбной ловли, сѣнокоса, посѣва и уборки хлѣба и т. д. производились самими монахами. Ими же производились и всѣ штукатурныя, малярныя, кровельныя, плотничныя и строительныя работы, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда требовались какія-либо спеціальныя знанія. Впрочемъ, въ числѣ братіи были и спеціалистъ-фельдшеръ, и спеціалистъ-инженеръ, подъ руководствомъ котораго строилась новая каменная церковь въ Скиту. Сельско-хозяйственная дѣятельность въ Оптиной Пустыни, въ общемъ, была поставлена такъ хорошо, что монастырь получалъ даже награды за свой скотъ на земскихъ выставкахъ.

Возвращаясь снова къ Оптинскому богослуженію, мы должны сказать, что именно оно являлось, главнымъ образомъ, тою религіозно-воспитывающего духовною силою, благодаря которой Оптина Пустынь имѣла такое благотворное вліяніе и на окрестное населеніе — крестьянское, городское и помѣщичье, и на всѣхъ прибывавшихъ откуда бы то ни было въ Оптину Пустынь. Богослуженію отводилось въ Оптиной

пустыни ежедневно отъ 7 до 8 часовъ. Оно совершалось строго по церковному уставу, безъ пропусковъ, съ канонархомъ, съ положенными чтеніями, неторопливо, ясно, отчетливо. Благодаря этому содержаніе церковныхъ пѣснопѣній, псалмовъ и поученій со всѣмъ ихъ разнообразнымъ, глубокимъ смысломъ и со всею ихъ красотою, безъ затрудненія воспринималось и сердцемъ и умомъ молящихся, становилось неотъемлемымъ достояніемъ ихъ душъ и, такимъ образомъ, воспитывало ихъ духовно, налагало на нихъ свою духовную печать, которую они и уносили по своимъ домамъ, чтобы и тамъ подѣлиться полученными ими въ монастырѣ духовными впечатлѣніями. Богослуженіе Оптиной Пустыни было, т. о., духовной школой, въ которой незамѣтно, но постоянно, день за днемъ, и годъ за годомъ, получали духовное, православное воспитаніе въ теченіе многихъ лѣтъ тысячи и десятки тысячъ слушателей изъ самыхъ различныхъ слоевъ русскаго общества. Это былъ своеобразный духовный университетъ русскаго народа, учившій не внѣшнимъ познаніямъ, но воспитывавшій чувства въ разумѣ истины. Впрочемъ, нужно сказать, что въ этомъ отношеніи Оптина Пустынь не является чѣмъ либо исключительнымъ въ ряду другихъ нашихъ благоустроенныхъ монастырей, оказывавшихъ своимъ богослуженіемъ, его содержаніемъ и напѣвами такое же благотворное воспитательное вліяніе на богомольцевъ. Дивная Кіево-Печерская Лавра, своеобразная

Глинская Пустынь, величавая въ своей простотѣ Троице-Сергіева Лавра, Пустынный Валаамъ — всѣ они дѣлали одно общее всенародное, духовно-просвѣтительное дѣло.

Своеобразною особенностью внутренней жизни Оптиной Пустыни является ея «старчество», появившееся въ ней въ концѣ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія, и составлявшее ея славу въ теченіе всего XIX вѣка. Исторію Оптинскаго старчества мы изложимъ ниже, а пока лишь отмѣтимъ то обстоятельство, что именно благодаря своему старчеству Оптина Пустынь стала нѣкоторой духовной лѣчебницей для душъ, исковерканныхъ грѣхомъ, потерявшихъ или не нашедшихъ смысла жизни, скорбящихъ и страждущихъ, ищущихъ вразумленія, утѣшенія и духовнаго руководства. Можно безошибочно сказать, что значительная часть Оптинскаго Братства пришла подъ кровъ этой обители, привлекаемая жаждою старческаго «окормленія», и нашла здѣсь, при помощи старцевъ, душевный покой и спасеніе. Да и большинство богомольцевъ ищетъ въ Оптиной Пустыни не только молитвеннаго утѣшенія, но и разрѣшенія своихъ сомнѣній и недоумѣній, а нерѣдко и тяжелыхъ жизненныхъ драмъ изъ устъ ея мудрыхъ старцевъ и черезъ ихъ молитвы и наставленія.

Старчество придало Оптиной Пустыни особый духовно-свѣтлый обликъ, пронизало ее духомъ благожелательной и снисходительной любви, сдѣлало ее привлекательной и безконечно дорогой

для грѣшныхъ душъ, ищущихъ спасенія. Въ старчествѣ раскрылось истинное значеніе и истинное назначеніе Оптиной Пустыни. И неудивительно, что у стѣнъ этой обители возникъ цѣлый поселокъ мірянъ, мужчинъ и женщинъ, семейныхъ и одинокихъ, для которыхъ стало жизненною потребностью ежедневно слушать Оптинское богослуженіе и ежедневно получать благословеніе и наставленіе Оптинскихъ старцевъ.

III.

ПРОШЛОЕ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ, ЕЯ ВОЗОБНОВЛЕНІЕ ПРИ МОСКОВСКОМЪ МИТРОПОЛИТѢ ПЛАТОНѢ И УСТРОЙСТВО ПРИ НЕЙ СКИТА.

Оптина Пустынь пріобрѣла славу въ XIX вѣкѣ, но возникла она въ очень давнія времена. Имѣются указанія, что еще царь Михаилъ Федоровичъ жаловалъ этому монастырю земли и разныя угодья. Старинные монастырскіе синодики свидѣтельствуютъ о томъ, что Оптина Пустынь, какъ и нѣкоторые другіе монастыри стараго времени была смѣшаннымъ монастыремъ — въ ней жили и схимники и схимницы. А такъ какъ совмѣстные монастыри были отмѣнены постановленіемъ Стоглаваго Собора, бывшаго въ половинѣ XVI вѣка, то отсюда видно, что Оптина Пустынь уже существовала въ первой половинѣ XVI столѣтія. Не отсюда ли произошло и ея неименованіе — Оптина, т.е. общая, каковое наименованіе

имѣютъ и нѣкоторые другіе монастыри, напримѣръ, Болховскій Оптинъ монастырь. Впрочемъ, по мнѣнію другихъ, идущему отъ прежнихъ временъ, Оптина Пустынь обязана своимъ наименованіемъ разбойнику Оптѣ, который, покаявшись въ своихъ душегубствахъ, пожелалъ молитвами, слезами и подвигами искупить свои грѣхи, и положилъ начало монастырю. Въ XVIII вѣкѣ Оптина Пустынь, какъ и многіе другіе монастыри того неблагопріятнаго для монашества времени, пришла въ запустѣніе. Въ концѣ столѣтія въ ней оставалось всего только три монаха, изъ которыхъ одинъ былъ слѣпой. И вотъ, какъ разъ въ это время, знаменитый московскій митрополитъ Платонъ, объѣзжалъ свою епархію, въ составъ которой тогда входила и Калужская губернія, плѣнился прекраснымъ мѣстоположеніемъ Оптиной Пустыни, и у него явилась мысль вывести ее изъ запустѣнія. Возвратившись въ Москву, онъ вызвалъ къ себѣ извѣстнаго въ то время своею высокою духовною жизнью настоятеля Пѣшношской обители московской епархіи, архимандрита Макарія, состоявшаго заочно въ духовномъ общеніи съ молдавскимъ старцемъ Архимандритомъ Паисіемъ Величковскимъ. Старецъ Паисій высоко цѣнилъ архимандрита Макарія и въ знакъ своего расположенія прислалъ ему архимандричій посохъ. Вызвавъ къ себѣ о. Макарія, митрополитъ сообщилъ ему о своемъ намѣреніи вообновить Оптину Пустынь и просилъ его дать изъ своего монастыря настоятеля, который

могъ бы устроить эту обитель. Послѣ долгаго раздумья о. Макарій сказалъ: «Изъ нашей обители я не могу предложить болѣе необходимаго человѣка, какъ огородника Авраамія, но боюсь, что онъ, по своему смиренію, не пойдетъ».

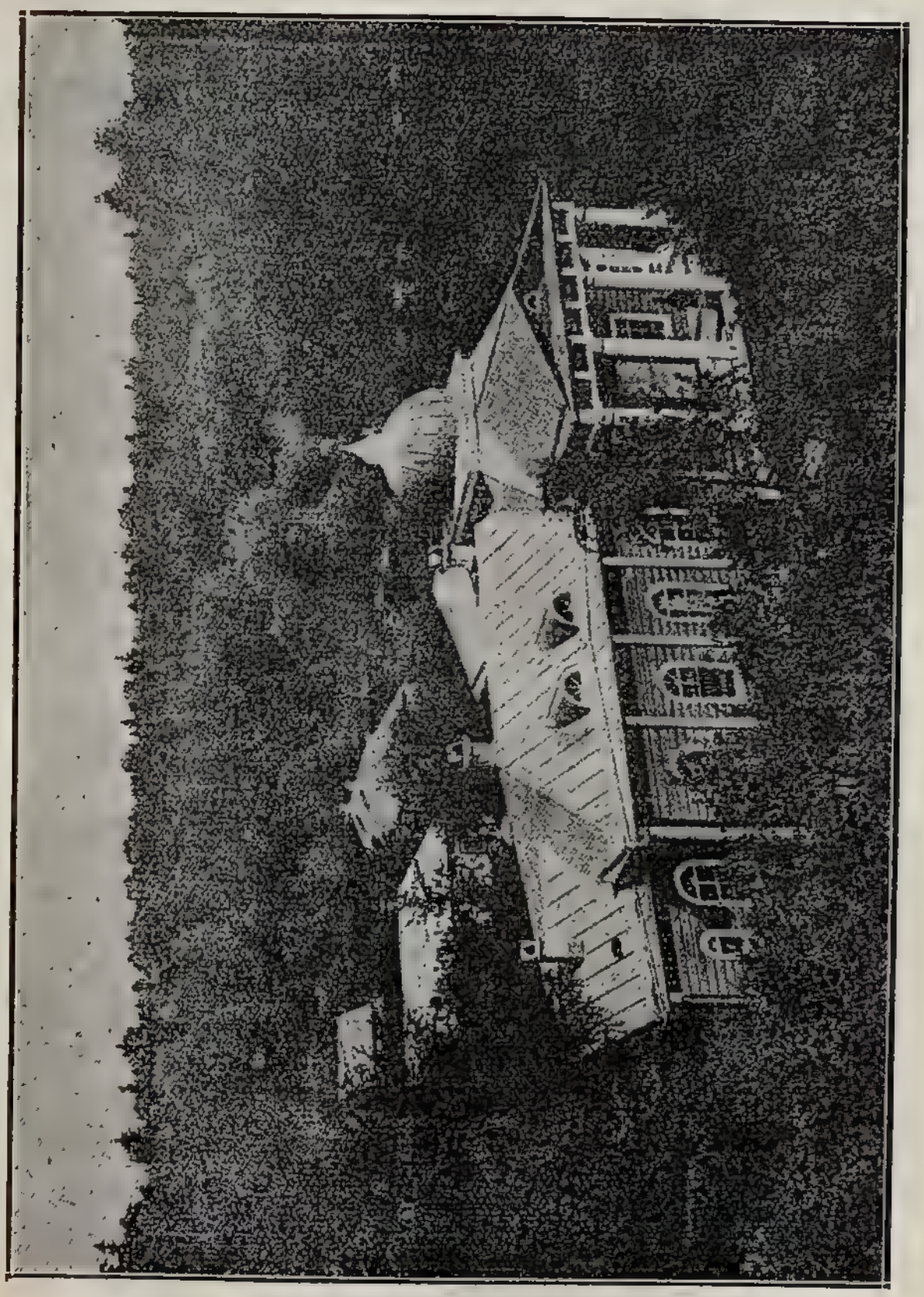
Было рѣшено, что о. Макарій пришлетъ Авраамія къ митрополиту съ какимъ-либо порученіемъ, и митрополитъ посмотритъ его. Присланный къ митрополиту, Авраамій понравился ему и, противъ собственнаго желанія былъ посланъ устраивать Оптину Пустынь. Взявъ съ собою нѣсколько человѣкъ изъ Пѣшношской братіи, Авраамій прибылъ въ Оптину и сталъ приводить ее въ порядокъ. Много горя пришлось ему, натерпѣться здѣсь; обитель была запущенная. Бѣдность была крайняя. Не было полотенца вытереть руки за литургіей. Промучившись нѣкоторое время, Авраамій вернулся въ Пѣшношу и со слезами просилъ о. Макарія освободить его отъ его должности. Макарій успокоилъ его, объѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ знакомыхъ сосѣднихъ помѣщиковъ, и они снабдили Авраамія необходимыми для первоначальнаго обзаведенія обители предметами. Обрадованный и утѣшенный, Авраамій вернулся въ Оптину, и бодро принялся за труды настоятельства. Исторію возобновленной Оптиной Пустыни можно раздѣлить на четыре тридцатилѣтнихъ періода. Со вступленіемъ въ настоятельство о. Авраамія начался первый изъ этихъ періодовъ, закончившійся къ началу 30-хъ годовъ XIX ст. Второй періодъ совпадаетъ со

временемъ настоятельства о. архимандрита Моисея и старчества о. Льва и о. Макарія, третій періодъ совпадаетъ со временемъ настоятельства о. архимандрита Исаакія и старчества о. Амвросія, и четвертый обнимаетъ собою время послѣ 1894 года. Память о. Авраамія глубоко чтится въ Оптиной Пустыни, какъ ея возстановителя и опытнаго руководителя въ духовной жизни, воспріявшаго отъ своего духовнаго отца, архимандрита Макарія, завѣты старца Паисія Величковскаго. Слѣдующимъ выдающимся событіемъ въ исторіи Оптиной Пустыни было устроеніе при ней скита во имя Усѣкновенія Главы св. Іоанна Крестителя. Начало Оптинскому скиту было положено въ 1821 году. Въ то время уже была образована самостоятельная Калужская Епархія, и ея первымъ Епархіальнымъ Архіереемъ былъ бывшій ректоръ Московской Духовной Академіи епископъ Филаретъ (Амфитеатровъ), впослѣдствіи знаменитый митрополитъ Кіевскій. Епископъ Филаретъ, по замѣчанію Оптинскаго лѣтописца, былъ очень монахолюбивъ, и очень заботился о процвѣтаніи монашеской жизни въ Оптиной Пустыни. Для большаго преуспѣянія въ ней монашескаго подвижничества, онъ задумалъ основать при обители скитъ, гдѣ иноки, ищущіе болѣе уединенной, строгой и молитвенной жизни, находили бы удовлетвореніе этой своей потребности. Задуманное Епископомъ Филаретомъ дѣло было огромной трудности: для успѣшной постановки оно требовало людей не только высокой и

строгой монашеской жизни, но и понимающихъ науку православнаго подвижничества, способныхъ быть руководителями иноковъ на пути духовнаго ихъ усовершенствованія и знакомыхъ съ порядками скитскаго жительства. Послѣ долгихъ размышленій, совѣщаній и поисковъ преосв. Филаретъ остановилъ свой выборъ на двухъ братьяхъ — Путиловыхъ, Моисеѣ и Антоніи, подвизавшихся въ то время уже около 10 лѣтъ въ пустынныхъ Рославльскихъ скитахъ, Смоленской губ. подъ руководствомъ учениковъ старца Паисія Величковскаго, вышедшихъ изъ Молдавіи старцевъ — Досиѳея, Аѳанасія, Анастасія и др. По приглашенію Преосв. Филарета братья Путиловы прибыли въ Калугу и получили порученіе приступить къ устройству скита при Оптиной Пустыни. Они испросили разрѣшеніе взять съ собою изъ Рославльскихъ скитовъ нѣсколькихъ братій и вмѣстѣ съ ними прибыли въ Оптину Пустынь. Въ разстояніи четверти версты отъ монастыря, въ густомъ лѣсу, выбрали они мѣсто, стали рубить деревья и выкорчевывать пни, поставили церковь, кельи и ограду и, такимъ образомъ, положили начало скиту и установили порядокъ скитскаго жительства. Первымъ начальникомъ скита былъ о. Моисей, а когда онъ былъ перемѣщенъ въ настоятеля Оптиной Пустыни, начальникомъ скита сдѣлался о. Антоній. Управленіе Оптиной Пустынью о. Моисея было временемъ ея наибольшаго расцвѣта, какъ въ духовномъ, такъ и въ хозяйственномъ отноше-

ніяхъ. Все, что дѣлалось въ Оптиной Пустыни до него, имѣло характеръ лишь подготовительной работы, и все, что дѣлалось послѣ него, было лишь поддержаніемъ и продолженіемъ его дѣла.

О. Моисей происходилъ изъ зажиточной и благочестивой московской купеческой семьи, и до монашества носилъ имя Тимоѳея. Какъ и два его младшихъ брата, Александръ и Іона, онъ съ дѣтства отличался религіозною настроенностью, и эта настроенность была въ нихъ трехъ поддержана и осмыслена духовнымъ вліяніемъ старцевъ Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ, Филарета и Александра, состоявшихъ въ духономъ общеніи и въ переписке со старцемъ Паисіемъ Величковскимъ. Большое вліяніе имѣла на юношей также и старица московскаго Ивановскаго монастыря, монахиня Досиѳея. Увлекаемые своимъ настроеніемъ, братья Путиловы въ молодыхъ годахъ покинули міръ и ушли въ монашество. Іона ушелъ въ Саровскую Пустынь, гдѣ впослѣдствіи былъ настоятелемъ, а Тимоѳей и Александръ поселились въ Рославльскихъ лѣсахъ у старцевъ Дороѳея, Досиѳея и Арсенія. Много лѣтъ провели братья въ своемъ безмолвномъ уединеніи, занимались молитвою, чтеніемъ Слова Божія и святоотеческихъ книгъ, и различными тѣлесными трудами. Подъ руководствомъ своихъ старцевъ, вышедшихъ изъ обители Паисія Величковскаго, они опытнымъ путемъ учились «умному дѣланію», т.е. внутреннему вниманію, искусству разбираться въ своихъ



Скитская Церковь

помыслахъ, бороться со своими страстями, и преодолѣвать ихъ непрестанною внутреннею Іисусовою молитвою. Здѣсь, въ лѣсномъ своемъ уединеніи, братья Путиловы приняли монашескій постригъ — Тимоѳей съ именемъ Моисея, а Александръ съ именемъ Антонія. Послѣ 10-ти лѣтняго пребыванія въ пустынѣ, они переселились въ 1821 году въ Оптину Пустынь и занялись здѣсь устроеніемъ скита.

IV.

НАЧАЛО ОПТИНСКАГО СТАРЧЕСТВА: ІЕРОСХИМОНАХЪ ЛЕВЪ.

Въ 1829 году, почти одновременно съ тѣмъ, какъ о. Моисей былъ назначенъ настоятелемъ Оптиной Пустыни, а о. Антоній начальникомъ скита, произошло въ жизни Оптиной Пустыни еще одно, очень важное, событіе — прибылъ въ скитъ на жительство іеромонахъ о. Леонидъ (Наголкинъ), въ схимѣ о. Левъ, положившій начало Оптинскому старчеству. О. Леонидъ былъ родомъ изъ купцовъ г. Карачева Орловской губерніи. Въ молодости онъ занимался торговлею и ѣздилъ по ярмаркамъ. Почувствовавъ пустоту этого занятія, онъ оставилъ міръ и ушелъ въ Оптину Пустынь. Это было его первое пребываніе въ Оптиной Пустыни, еще до прибытія въ нее о. Авраамія. Проживъ недолго въ Оптиной Пустыни, о. Леонидъ перешелъ въ Бѣлые Берега, Орловской епархіи, гдѣ сблизился и подружился

со своимъ землякомъ, схимонахомъ Ѳеодоромъ, проживавшимъ нѣкоторое время въ Нямцѣ, въ Молдавіи, у старца Паисія Величковскаго. Молодость о. Ѳеодора прошла довольно бурно, но онъ, преодолѣвъ всѣ соблазны, нашелъ своей душѣ глубокое удовлетвореніе въ обители старца Паисія и, будучи имъ хорошо заправленъ къ духовной жизни, возвратился въ Россію. О. Леонидъ проживъ въ Бѣлыхъ Берегахъ нѣсколько лѣтъ, проходя обычныя монашескія послушанія, пекъ хлѣбы, чистилъ картофель на кухнѣ, варилъ квасъ. Однажды, когда братія обители собралась для избранія новаго настоятеля, о. Леонидъ, полагая, что ему нечего дѣлать на этомъ собраніи, занялся приготовленіемъ кваса. Черезъ нѣкоторое время къ нему въ квасоварню прихоцятъ братія и объявляютъ, что онъ выбранъ настоятелемъ, и что ему нужно сейчасъ же ѣхать въ Орелъ къ Преосвященному. О. Леонидъ смиренно подчинился волѣ братіи, но настоятелемъ пробылъ недолго. Отказавшись отъ этого званія, онъ поселился въ сосѣднемъ лѣсу, въ уединенной келліи, вмѣстѣ съ единодушными братіями — Ѳеодоромъ и Клеопой, который также былъ ученикомъ старца Паисія. Въ своемъ уединеніи они проводили время въ «духовномъ трезвеніи». Когда въ ихъ келлію стали приходить посѣтители за совѣтами, ради душевной пользы, старцы увидѣли, что здѣсь имъ оставаться уже нельзя, и рѣшили искать болѣе уединеннаго мѣста. Сперва Клеопа, а за нимъ и Ѳеодоръ съ Леонидомъ

переселились на Валаамъ. На Валаамѣ Клеопа скончался, а Ѳеодоръ и Леонидъ, претерпѣвъ не мало непріятностей отъ завистливыхъ людей, ушли въ Алксандро-Свирскій монастырь. Въ Александро-Свирскомъ монастырѣ на нихъ обратилъ вниманіе Императоръ Александръ I, посѣтившій проѣздомъ этотъ монастырь, и пожелалъ принять благословеніе отъ старца Ѳеодора. Но тотъ разъяснилъ ,что онъ простой схимонахъ, не имѣющій священнаго сана, и благословлять не можетъ. Тогда Императоръ откланялся и уѣхалъ. Въ 1822 году схимонахъ Ѳеодоръ скончался на Пасхальной недѣлѣ, а о. Леонидъ, потерявъ своего друга, рѣшилъ удалиться въ свои родныя мѣста, и перешелъ въ Чолнскій монастырь Орловской епархіи, а оттуда въ Оптину Пустынь, гдѣ и оставался до самой своей кончины въ 1841 году. Изъ сказаннаго видно, какъ мало по малу сосредоточивались въ Оптиной Пустыни преданія и завѣты старца Паисія Величковскаго, приносимыя туда со всѣхъ сторонъ разными лицами: настоятелемъ обители Авраамiемъ отъ Макарія Пѣшношскаго, Моисеемъ и Антоніемъ отъ рославльскихъ пустынножителей, о. Леонидомъ отъ старцевъ Клеопы и Ѳеодора. Словно ручьи живой воды стекаются отовсюду вліянія великаго старца, чтобы соединиться въ одинъ глубокій и свѣтлый потокъ Оптинскаго старчества.

Поселившись въ 1829 году въ скиту Оптиной Пустыни о. Леонидъ сдѣлался средоточіемъ

духовной жизни въ обители. Онъ отличался необычайною живостью и яркостью внутренней жизни, но старался прикрывать свои дарованія нѣкоторымъ видомъ юродства.

Самый наружный видъ его былъ поразителенъ. Онъ былъ высокаго роста, довольно полный, но легкій и быстрый, съ небольшими, проницательными и живыми глазами, съ длинными, густыми и волнистыми волосами, напоминающими львиную гриву, съ живою, рѣзкою, прямою, простонародною рѣчью. Въ немъ не было ничего напускного, заученаго, формальнаго. Народъ любилъ его и тѣснился къ нему. Келлія его всегда была переполнена посѣтителями. Старецъ, въ бѣломъ балахонѣ, сидѣлъ на своей кровати и плелъ пояски (это было его обычное рукодѣліе), бесѣдуя съ окружающими. Извѣстный странникъ по святымъ мѣстамъ, инокъ Парѳеній, посѣтившій Оптину Пустынь, очень живо и интересно описываетъ пріемъ у старца Леонида.

Старецъ сидитъ на кровати. Вокругъ него на колѣняхъ стоятъ посѣтители, слушая его бесѣду. Вмѣстѣ съ другими стоитъ какой-то купецъ. Когда очередь дошла до него, старецъ спросилъ его, что ему нужно? Купецъ сказалъ: «прошу вашего наставленія, отче, какъ жить?» Старецъ сказалъ: «А выполнилъ ли ты то, что я тебѣ назначилъ въ послѣдній разъ?» «Простите, отче, не могу выполнить». Тогда старецъ обратился къ своимъ келейникамъ и сказалъ: «ну такъ вытолкайте его вонъ»! И купца вывели изъ келліи. Уходя,

онъ уронилъ золотую монету. Старецъ сказалъ: А монету отдайте прохожему иноку. Онъ человѣкъ дорожный — ему пригодится!» Всѣ со страхомъ смотрѣли на эту сцену. Тогда инокъ Парѳеній спросилъ старецa: «Отче, за что это вы такъ строго поступили съ купцомъ?» О. Леонидъ отвѣтилъ: «да какъ же было поступить иначе? Онъ уже не одинъ разъ приходитъ ко мнѣ, и проситъ наставленій. Я ему сказалъ послѣдній разъ, чтобы онъ оставилъ куреніе табаку, и онъ обѣщалъ, а теперь говоритъ — не могу оставить... Пусть сначала исполнитъ одну заповѣдь, а потомъ приходитъ за новыми наставленіями». При инокѣ Парѳеніи приходили къ о. Леониду многіе больные и бѣсноватые, и онъ, читая молитвы надъ ними и помазывая св. масломъ, отъ чудотворной Владимірской иконы Богоматери, исцѣлялъ ихъ. Инокъ удивлялся силѣ его молитвы и спрашивалъ: «Отче, какъ вы дерзаете исцѣлять бѣсноватыхъ?» Старецъ отвѣтилъ: «Это не отъ меня. Каждому, по силѣ вѣры его, Богъ подаетъ исцѣленіе по молитвамъ Богородицы». Въ теченіе всего дня старецъ былъ занятъ съ посѣтителями. А когда вечеромъ освобождался отъ нихъ, келлейники вычитывали ему положенное иноческое правило. Евангеліе читалъ обыкновенно самъ старецъ особымъ молдавскимъ способомъ. Спалъ старецъ въ сутки не болѣе 3-4 часовъ. Своею святою жизнью, мудростью, прозорливостью, даромъ исцѣленій, милосердіемъ къ страждущимъ, прямотою и смѣлыми обличеніями людей порочныхъ,

старецъ Леонидъ пріобрѣлъ общую любовь и глубокое почитаніе. Къ нему стали приходить люди всѣхъ классовъ и состояній — купцы помѣщики, крестьяне, мѣщане, священники, не говоря уже о монахахъ и монахиняхъ, и всѣ получали отъ него полезный совѣтъ и утѣшеніе въ постигшемъ ихъ горѣ. Съ каждымъ годомъ возрастало стеченіе къ нему народа. Однажды пріѣхалъ къ старцу изъ сосѣдняго Козельска уѣздный протоіерей и, увидѣвъ старца, окруженнаго толпою крестьянъ, сказалъ: «И охота вамъ, батюшка, такъ утруждать себя и возиться цѣлые дни съ народомъ».. Старецъ отвѣтилъ: «Конечно, по настоящему, это — дѣло ваше, мірскихъ іереевъ но такъ какъ у васъ для этого мало времени, то, поневолѣ, приходится возиться съ народомъ намъ—инокамъ»: Недалеко отъ Оптиной проживалъ богатый помѣщикъ, человѣкъ гордый, крутой и своенравный. Семнадцать лѣтъ не былъ онъ у исповѣди, и, имѣя взрослыхъ сыновей и дочерей, завелъ незаконную связь со своею крѣпостною женщиною. Слухи о прозорливомъ старцѣ Леонидѣ дошли до него, и онъ пожелалъ посмотрѣть старца. Старца предупредили объ этомъ. И вотъ, когда помѣщикъ вошелъ въ его келлію, старецъ, сидя, по обыкновенію, на кровати среди своихъ учениковъ, прикрылъ глаза свои сверху рукою, въ видѣ козырька, какъ бы всматриваясь попристальнѣе въ лицо входящаго и сказалъ грозно: «Вотъ, идетъ остолопина смотрѣть грѣшнаго Леонида! А самъ, шельма, семнадцать лѣтъ не

былъ у исповѣди!» Пораженный непривычнымъ для гордаго барина обращеніемъ старца, помѣщикъ пожелалъ исповѣдаться у него, и просилъ настоятеля Оптиной Пустыни переговорить объ этомъ со старцемъ. Старецъ согласился исповѣдывать помѣщика, но наложилъ на него эпитимію, и не допустилъ до причащенія св. Таинъ, пока онъ не разорветъ свою незаконную связь. Возвратившись домой, помѣщикъ черезъ нѣкоторое время отослалъ отъ себя свою сожительницу, къ большой радости своихъ дѣтей, пріѣзжавшихъ въ Оптину Пустынь благодарить старца за его строгость. Дѣятельность о. Леонида, всегда окруженнаго множествомъ посѣтителей, не нравилась епархіальному начальству: оно полагало, что инокъ, принявшій на себя обѣты схимничества, великій ангельскій образъ, долженъ былъ проводить свою жизнь въ совершенномъ уединеніи и молитвѣ, а никакъ не въ бесѣдахъ съ народомъ. Непрерывнымъ стеченіемъ народа нарушалось безмолвіе скита и скитъ уже переставалъ чѣмъ-либо отличаться отъ монастыря. Поэтому старцу Леониду было предложено прекратить пріемъ посѣтителей. Старецъ исполнилъ распоряженіе духовной власти. Но народъ продолжалъ идти къ нему. Собравшись у дверей его келліи, или у воротъ скита, люди часами и днями ожидали его выхода, окружали его, просили его благословенія и молитвы, спрашивали совѣтовъ, просили помочь больнымъ. Тогда было предписано перевести старца въ монастырь, но по прежнему не допускать

къ нему посѣтителей. Устраивали разнаго рода загражденія изъ досокъ, запирали ворота, чтобы народъ не могъ проникать къ о. Леониду, но все оказывалось напраснымъ. Однажды настоятель монастыря, о. Моисей, пришелъ посмотрѣть, что дѣлается у старца, и увидѣлъ, что его келья полна народа — здѣсь были и здоровые и больные. Старецъ читалъ надъ больными молитвы и помазывалъ ихъ св. елеемъ изъ лампадки, висѣвшей передъ его келейной Владимірской иконой Божьей Матери. Настоятель ужаснулся и сказалъ: «Батюшка! Что же это вы дѣлаете? Вѣдь вамъ же запрещено принимать народъ! Васъ могутъ подъ началъ упрятать, сослать въ Соловки!»... Старецъ отвѣтилъ: «Что хотите, то и дѣлайте со мною! Хоть въ Сибирь меня пошлите, я останусь тѣмъ же Леонидомъ! Посмотрите на этихъ больныхъ — могу ли я отказать имъ въ молитвѣ, на которую они только и надѣются, которой ждутъ, и которая, по ихъ вѣрѣ и усердію къ Божьей Матери подаетъ имъ исцѣленіе?!» О. Моисей махнулъ рукою и ушелъ изъ келіи старца, промолвивъ: «Дѣлайте, какъ знаете!» Нѣсколько разъ старца переводили изъ одной келліи въ другую. Получивъ распоряженіе о переходѣ въ новую келлію, старецъ бралъ на руки свою Владимірскую икону Божіей Матери, и съ пѣніемъ: «Достойно есть»... отправлялся въ указанное ему помѣщеніе. Ученики несли за нимъ остальныя его вещи. — Наконецъ, старцу запретили носить схимническое одѣяніе, вѣроятно, полагая что онъ ведетъ слишкомъ разсѣянную

жизнь, не подобающую его схимническому положенію. Въ это время пріѣхалъ въ Оптину Пустынь, проѣздомъ въ Петербургъ, высокопреосвященный Филаретъ, митрополитъ Кіевскій. Въ Оптиной Пустыни онъ былъ встрѣченъ Калужскимъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ и всѣмъ монастырскимъ братствомъ. Митрополиту Филарету, любившему и почитавшему о. Леонида, хорошо было извѣстно положеніе старца въ обители и отношеніе къ нему Епархіальнаго Владыки. Замѣтивъ, что старецъ былъ безъ схимническаго одѣянія, митрополитъ спросилъ, почему онъ не въ схимѣ. Старецъ молчалъ. Митрополитъ понялъ причину его молчанія и сказалъ: «Ты — схимникъ, а потому и долженъ носить схиму». Послѣ этого случая запрещеніе о. Леониду носить схиму было отмѣнено. Гоненіе, постигшее о. Леонида со стороны противниковъ старчества, распространилось и на его учениковъ. Ихъ называли «фармазонами», и подвергали всяческимъ стѣсненіямъ и запрещеніямъ. Много непріятностей претерпѣли изъ-за старца, между прочимъ, его вѣрнѣйшія ученицы изъ Бѣлевскаго монастыря — игуменія Павлина и монахиня Анфія. Старецъ Левъ скончался въ 1841 году, 11-го октября, 72-хъ лѣтъ отъ рожденія. До самой своей кончины онъ сохранилъ ясное сознаніе, много разъ причащался во время болѣзни св. Христовыхъ Таинъ, былъ особорованъ, и до послѣдняго вздоха призывалъ имя Божіе, часто осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Благословивъ въ послѣдній разъ братію, онъ тихо

предалъ духъ свой въ руки Божіи. Передъ кончиною посѣтилъ его извѣстный въ той мѣстности своею святою жизнью юродивый Брагузинъ, и старецъ просилъ его помолиться о немъ, чтобы Богъ помиловалъ его. Юродивый отвѣтилъ: «Авось, помилуетъ!»*)

---

*) Болѣе подробныя свѣдѣнія о старцѣ Леонидѣ можно найти въ его жизнеописаніяхъ, составленныхъ о. Климентомъ (Зедергольмомъ) и о. архимандритомъ Агапитомъ,-

V.

ОПТИНСКІЙ СТАРЕЦЪ О. ІЕРОСХИМОНАХЪ МАКАРІЙ И ЕГО ТРУДЫ ПО ИЗДАНІЮ ПИСАНІЙ СТАРЦА ПАИСІЯ ВЕЛИЧКОВСКАГО.

За семь лѣтъ до кончины о. Леонида прибылъ въ скитъ Оптиной Пустыни іеросхимонахъ Макарій. О. Макарій происходилъ изъ дворянской помѣщичьей семьи Ивановыхъ, Орловской губерніи. Въ молодости онъ думалъ жениться, но, побывавъ однажды въ Площанской Пустыни Орловской епархіи, онъ такъ плѣнился красотою монашества («всѣ монахи показались ему, по его словамъ, земными ангелами»), что уже не захотѣлъ вернуться домой изъ этой обители. Въ Площанской Пустыни онъ нашелъ себѣ руководителя въ лицѣ ученика старца Паисія Величковскаго, схимонаха Аѳанасія (Захарова, бывшаго гусарскаго ротмистра), того самого, подъ вліяніемъ котораго находились въ Москвѣ старцы Новоспасскаго монастыря Филаретъ и Александръ, и черезъ нихъ оптинскій архимандритъ Моисей и духовный сынъ о. Филарета Иванъ Василье-

вичъ Кирѣевскій, которому потомъ пришлось вмѣстѣ со старцемъ Макаріемъ работать надъ изданіемъ рукописей старца Паисія Величковскаго. Такъ удивительно переплетались духовныя нити, связывавшія старца Паисія съ Оптиной Пустынью. О. Макарій жилъ въ Площанской Пустыни отъ 1810 по 1834-й годъ. Въ 1823 году скончался его духовный отецъ, старецъ Аѳанасій, послѣ чего началось его сближеніе и переписка со старцемъ Леонидомъ, результатомъ которыхъ было переселеніе о. Макарія въ скитъ Оптиной Пустыни. По прибытіи въ скитъ о. Макарій сдѣлался ближайшимъ помощникомъ о. Леонида по старчеству, а послѣ его кончины самъ вступилъ въ подвигъ старчества, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ скита вмѣсто о. Антонія, назначеннаго настоятелемъ Николаевскаго монастыря въ Малоярославцѣ, Калужской епархіи. Семь лѣтъ продолжалась совмѣстная жизнь и дѣятельность старцевъ Леонида и Макарія. Тѣсная духовная дружба связывала ихъ. Нерѣдко они даже писали общія письма своимъ духовнымъ дѣтямъ за своею общею подписью.—

Между тѣмъ они были совершенно не похожи другъ на друга ни по внѣшности, ни по характеру. О. Левъ, изъ купцовъ, крупный и представительный, былъ прямъ, грубоватъ и рѣзокъ и отличался не столько начитанностью въ духовныхъ писаніяхъ, сколько духовно-практическою мудростью. О. Макарій, изъ дворянъ, былъ слабаго сложенія, некрасивъ, съ неправильностью

въ устройствѣ глазъ и въ рѣчи, обладалъ мягкимъ и кроткимъ характеромъ, эстетическими наклонностями, въ молодости даже игралъ на скрипкѣ, зналъ и любилъ церковное пѣніе, любилъ цвѣты, былъ очень начитанъ въ церковной литературѣ, имѣлъ склонность къ ученымъ, кабинетнымъ занятіямъ. Оба старца какъ бы дополняли другъ друга. Со смертью о. Леонида бремя старчества легло всецѣло на одного о. Макарія и онъ несъ это бремя въ теченіе 19 лѣтъ, до самой своей кончины, послѣдовавшей 7-го Сентября 1860 года. При немъ дѣятельность Оптинскаго старчества получила новое направленіе. О. Леонидъ являлся по преимуществу практическимъ руководителемъ душъ, прибѣгавшихъ къ нему за помощью, и цѣлителемъ ихъ немощей и болѣзней. Онъ имѣлъ дѣло большею частью съ иноками и крестьянами. При о. Макаріи впервые началось сближеніе съ Оптиной Пустынью представителей русской науки и литературы. Произошло это, главнымъ образомъ, на почвѣ издательства Оптиной Пустынью рукописей старца Паисія Величковскаго, хранившихся въ скитской библіотекѣ и занесенныхъ туда въ разное время, разными лицами. Мы уже говорили, что вліяніе старца Паисія различными путями сосредоточилось въ Оптиной Пустыни. Ученики Великаго Старца и его преемники, передавали другъ другу завѣты и преданія своего учителя, распространяли вмѣстѣ съ тѣмъ въ рукописяхъ и его переводы святоотеческихъ подвижническихъ книгъ

Существовавшія до старца Паисія славянскіе переводы аскетической свято-отеческой литературы не были свободны отъ неясностей и неправильностей, и нуждались въ исправленіи по греческимъ подлинникамъ. Иныя же изъ отеческихъ писаній, очень цѣнныя въ аскетическомъ отношеніи, и совсѣмъ не были переведены съ греческаго языка. Стерецъ Паисій восполнилъ этотъ пробѣлъ въ русской духовной литературѣ и трудами всей своей жизни, при содѣйствіи подготовленныхъ имъ учениковъ, исправилъ по греческимъ подлинникамъ многіе неточные древніе славянскіе переводы отеческихъ книгъ, а иныя книги перевелъ заново съ греческаго языка. Всѣ эти писанія старца Паисія, очень высоко цѣнимыя въ монашескомъ мірѣ, въ рукописяхъ распространялись по русскимъ обителямъ, а нѣкоторыя, напримѣръ, Добротолюбіе, были и напечатаны въ Петербургѣ, въ началѣ XIX столѣтія. Большинство же писаній сохранилось въ рукописяхъ по библіотекамъ монастырей и по келліямъ иноковъ. Немало такихъ рукописей имѣлось и въ Оптиной Пустыни, откуда они и были извлечены на свѣтъ Божій заботами и трудами старца Макарія, при содѣйствіи его просвѣщенныхъ духовныхъ дѣтей и почитателей.

Въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія недалеко отъ Оптиной Пустыни, въ своемъ имѣніи Долбинѣ, Бѣльскаго уѣзда, проживали супруги Иванъ Васильевичъ и Наталья Петровна Кирѣевскіе Оба они были люди глубоко религіозные. Про-

живая передъ тѣмъ въ Москвѣ, они находились въ духовномъ общеніи со старцемъ Новоспасскаго монастыря Филаретомъ, были его духовными дѣтьми. Въ особенности близка была къ о. Филарету Наталья Петровна, которая сблизила съ нимъ и своего мужа, извѣстнаго публициста и философа, редактора-издателя журнала «Телескопъ». Оба они отъ о. Филарета слышали о старцѣ Паисіи и о его писаніяхъ, и были почитателями памяти Великаго Старца. Поселившись въ Болдинѣ, они часто бывали въ Оптиной Пустыни, познакомились съ ея старцами — о. Моисеемъ и о. Макаріемъ, и особенно сблизились съ послѣднимъ, который сталъ ихъ духовнымъ отцомъ. Старецъ Макарій нерѣдко посѣщалъ Кирѣевскихъ въ ихъ имѣніи, гостилъ у нихъ по нѣсколько дней и пользовался ихъ безграничною любовью и уваженіемъ. Между ними часто шли бесѣды о старцѣ Паисіи, о его литературныхъ занятіяхъ, и о его рукописяхъ, хранившихся въ библіотекѣ Оптинскаго Скита, причемъ всѣ они единодушно высказывали свое сожалѣніе, что эти драгоцѣнныя въ духовно-подвижническомъ отношеніи писанія, остаются никому неизвѣстными, ни инокамъ, ни мірянамъ, интересующимся духовною жизнью. Мало по малу у нихъ созрѣла мысль явить эти рукописныя сокровища міру и приступить къ ихъ печатанію. Задумавъ это большое дѣло, они рѣшили испросить на него благословеніе Московскаго митрополита Филарета, передъ мудростью и святостью котораго всѣ

они благоговѣли, и который былъ лично извѣстенъ Кирѣевскимъ. Митрополитъ отнесся очень сочувственно къ задуманному предпріятію, далъ свое благословеніе и обѣщалъ поддержку. Въ одно изъ посѣщеній старцемъ Макаріемъ Долбина было рѣшено начать издательство съ жизнеописанія старца Паисія, составленнаго его учениками вскорѣ послѣ его смерти, присоединивъ къ нему нѣкоторыя ихъ писаній и писемъ старца, а также изъ писаній его друга и единомышленника, старца Василія Поляномерульскаго. Въ тотъ же день, когда состоялось это рѣшеніе, старецъ Макарій написалъ первыя страницы предисловія къ изданію. Такъ было положено начало дѣлу. Въ дѣлѣ издательства принимали близкое участіе профессоръ Московскаго Университета Ст. Петр. Шевыревъ, и профессоръ Московской Духовной Академіи Протоіерей Ѳеод. Александр. Голубинскій, который былъ и цензоромъ изданія. Во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, при редактированіи текста, обращались за совѣтомъ и указаніемъ къ митрополиту Филарету, который внимательно слѣдилъ за изданіемъ, и даже вызывалъ къ себѣ старца Макарія для личнаго знакомства съ нимъ и бесѣды. Впрочемъ, это было уже въ послѣдующемъ періодѣ издательства, въ 50-хъ годахъ. Сами Кирѣевскіе проживая по временамъ въ Москвѣ, непосредственно наблюдали за изданіемъ. Печатаніе жизнеописанія Старца Паисія началось въ 1846 году, а въ Январѣ 1847 года книга уже вышла изъ печати. Всѣ любители

духовнаго чтенія были очень заинтересованы этою книгою и она расходилась въ большомъ количествѣ, и очень быстро, такъ что вслѣдъ за первымъ изданіемъ сейчасъ же была приступлено и ко второму. За жизнеописаніемъ Старца Паисія послѣдовало изданіе его переводовъ святоотеческихъ книгъ. Въ теченіе ряда лѣтъ были изданы: преподобнаго Исаака Сирина слова подвижнические, писанія преп. Іоанна и Варсануфія, Марка Подвижника, Симеона Новаго Богослова, Максима Исповѣдника, Ѳеодора Студита, аввы Ѳалассія, житіе Григорія Синаита и другія. Издательская дѣятельность старца Макарія совмѣстно съ Кирѣевскими продолжалась до самой кончины Ивана Васильевича, послѣдовавшей въ 1856 году, но не прекратилась и послѣ его смерти, поддерживаемая другими лицами. Изъ сохранившихся писемъ Ивана Васильевича и Натальи Петровны къ о. Макарію видно, съ какимъ горячимъ сочувствіемъ, съ какимъ вниманіемъ и заботливостью они относились къ дѣлу издательства, на участіе свое въ которомъ смотрѣли, какъ на особое служеніе, возложенное на нихъ Богомъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ близкое участіе въ издательской дѣятельности о. Макарія принялъ Тертій Ивановичъ Филипповъ, о которомъ сохранился слѣдующій благожелательный отзывъ старца: «Т. И. очень понравился намъ по своей христіанской, пріятной простотѣ, и не изысканному деликатно-свободному обращенію». Въ эти

же годы посѣтилъ Оптину Пустынь и старца Макарія Н. В. Гоголь. Сложное дѣло издательства, пересмотра и провѣрки рукописей, корректура и т. д. не могли быть выполнены трудами одного о. Макарія, и около него, какъ нѣкогда и около старца Паисія, составилась группа помощниковъ, обладавшихъ богословскимъ и высшимъ образованіемъ, въ которую входили: о. Амвросій Гренковъ (впослѣдствіи знаменитый старецъ и преемникъ о. Макарія), о. Леонидъ Кавелинъ (впослѣдствіи намѣстникъ Троице-Сергіевой Лавры), о. Климентъ Зедергольмъ (магистръ классической филологіи Московскаго Университета), о. Ювеналій Половцевъ (впослѣдствіи Архіепископъ Литовскій) и др. лица. Уже послѣ кончины о. Макарія, эти ученики его, вспоминая свои занятія съ покойнымъ старцемъ, съ отрадою и благодарнымъ чувствомъ передавали, какъ имъ приходилось по ходу работъ слышать отъ старца толкованія такихъ мѣстъ изъ святоотеческихъ книгъ, на объясненіе которыхъ при другихъ обстоятельствахъ они не могли бы и разсчитывать, такъ какъ, если бы стали спрашивать его, то онъ, по своему глубокому смиренію, отвѣтилъ бы имъ: «Не моей мѣры углубляться въ толкованіе подобныхъ мѣстъ».

Въ 1852 году старецъ Макарій по вызову митрополита Филарета посѣтилъ Москву и видѣлся съ митрополитомъ. Въ эту же поѣздку онъ посѣтилъ Троице-Сергіеву Лавру и видѣлся съ профессоромъ протоіереемъ Ѳ. А. Голубинскимъ. Такъ

укрѣплялась связь Оптиной Пустыни съ ученымъ, литературнымъ и богословскимъ міромъ Москвы. Вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе возрастало духовное вліяніе и значеніе о. Макарія среди монашествующихъ разныхъ монастырей. Подъ его руководствомъ находились женскія обители въ Великихъ Лукахъ, Вязьмѣ, Курскѣ, Серпуховѣ, Севскѣ, Калугѣ, Ельцѣ, Брянскѣ, Казани, Остатковѣ, Смоленскѣ и другихъ мѣстахъ. Отовсюду къ нему обращались и міряне, лично и письменно, и пріѣзжали къ нему исповѣдываться. Послѣ кончины о. Макарія заботами Н. П. Кирѣевской были напечатаны его письма къ монашествующимъ въ 4 томахъ, и къ мірскимъ особамъ въ одномъ томѣ, заключающія въ себѣ драгоцѣнные уроки христіанской жизни, основанные на писаніяхъ отцовъ-подвижниковъ и собственномъ огромномъ духовномъ опытѣ, чуткости и проницательности смиреннаго и любящаго сердца, изложенныя съ удивительною простотою, напоминающею Писанія Святителя Тихона Задонскаго. Жизнь старца Макарія, какъ и его предшественника, о. Льва, не обошлась безъ скорбей, и огорченій, во исполненіе Словъ Спасителя: «Въ мірѣ скорбни будете». Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ жизнеописанія старца Паисія Величковскаго съ приложеніемъ его писаній и между ними статьи объ умной Іисусовой молитвѣ и о пріемахъ обученія этой молитвѣ, получено было на имя Натальи Петровны Кирѣевской анонимное письмо съ рѣзкими нападками на эту

молитву, на старца о. Макарія и на Наталью Петровну, выпустившую въ свѣтъ такое сочиненіе. Нашлись и другія лица, также осуждавшія опубликованіе статьи старца Паисія и полагавшія, что подобныя вещи должны храниться въ глубинѣ монастырскихъ келлій и не выноситься на улицу, къ соблазну непосвященныхъ. Упреки, высказываемые Н. П. Кирѣевской, были въ сущности обращены къ о. Макарію, и доставили ему немалую скорбь. Въ началѣ 50-хъ годовъ новая непріятность постигла старца. Кирѣевскіе любили иногда приглашать его къ себѣ, въ с. Долбино, и для его успокоенія выстроили ему небольшой особый домикъ въ саду, гдѣ онъ и проживалъ день, два и три, во время своего пребыванія въ Долбинѣ, отдыхая отъ непрерывнаго пріема народа въ монастырѣ. Слухи о томъ, что старецъ покидаетъ по временамъ свой скитъ и живетъ вдали отъ него у свѣтскихъ лицъ, были доведены до свѣдѣнія митрополита Филарета, причемъ митрополиту жаловались, что посѣтители Оптиной Пустыни лишены возможности видѣть старца и пользоваться его совѣтами вслѣдствіе его отсутствія изъ монастыря. Митрополитъ написалъ по этому поводу письмо Н. П. Кирѣевской, въ которомъ мягко, но рѣшительно указалъ недопустимость проживанія старца въ Долбинѣ.*) Наконецъ, въ тѣхъ же пятидесятыхъ годахъ еще одна непріятность постигла о. Макарія. По чье-

*) Письмо митрополита и отвѣтъ Н. П. Кирѣевской мы помѣщаемъ въ приложеніи.

му-то ходатайству митрополитъ Филаретъ возбудилъ въ Синодѣ вопросъ о назначеніи о. Макарія настоятелемъ Болховскаго монастыря Орловской Епархіи. Это предположеніе вызвало крайнюю тревогу какъ среди братіи Оптиной Пустыни, такъ и среди свѣтскихъ почитателей старца, которымъ пришлось употребить не мало усилій убѣдить высшія духовныя власти въ томъ, что о. Макарій и по своему возрасту, и по своему здоровью, и по своему положенію въ Оптиной Пустыни не можетъ быть взятъ оттуда. Такъ, среди всевозможныхъ огорченій и тревогъ подходила къ концу жизнь о. Макарія, и, наконецъ, 7 сентября 1860 года послѣдовала его мирная кончина. День кончины старца Макарія — единственный день въ году, когда разрѣшается доступъ въ Оптинскій Скитъ женщинамъ, желающимъ помолиться въ скитской церкви объ упокоеніи души его. Это обстоятельство лишній разъ подтверждаетъ, какою исключительною и благоговѣйною любовью была окружена память кроткаго и учительнаго старца.

VI.

ОПТИНСКІЙ СТАРЕЦЪ О. ІЕРОСХИМОНАХЪ АМВРОСІЙ.

Общепризнаннаго, безспорнаго преемника себѣ старецъ Макарій не оставилъ. Одни изъ его духовныхъ дѣтей перешли къ его бывшему келейнику, О. Иларіону, пользовавшемуся общимъ уваженіемъ, и назначенному вмѣсто о. Макарія начальникомъ скита. Другіе выбрали своимъ старцемъ бывшаго главнаго помощника о. Макарія по просмотру и изданію писаній старца Паисія о. Амвросія (Гренкова), который послѣ смерти о. Иларіона въ 1873 году сдѣлался единственнымъ общепризнаннымъ Оптинскимъ старцемъ, носителемъ духа и завѣтовъ старцевъ Леонида и Макарія.

Вскорѣ послѣ кончины о. Макарія произошли большія перемѣны въ составѣ лицъ, возглавлявшихъ Оптину Пустынь. Въ 1862 году скончался о. Архимандритъ Моисей, управлявшій обителью болѣе тридцати лѣтъ, устроитель скита при

Оптиной Пустыни, учредитель ея старчества, создатель всего ея духовнаго и хозяйственнаго распорядка и благосостоянія. Черезъ три года послѣ него умеръ его братъ, и ближайшій его сотрудникъ, о. игуменъ Антоній, проживавшій послѣдніе годы своей жизни на покоѣ въ Оптиной Пустыни. Оба брата были крѣпко связаны не только кровнымъ родствомъ, но и духовною дружбою. Съ юныхъ лѣтъ они пошли однимъ и тѣмъ же путемъ монашескаго подвига, вмѣстѣ подвизались въ Рославльскихъ лѣсахъ, вмѣстѣ трудились надъ устроеніемъ Оптинскаго скита. До самой кончины о. Моисея о. Антоній оставался неизмѣнно его духовнымъ сыномъ. Если о. Моисею преимущественно былъ присущъ даръ мудрости, то о. Антонію было болѣе свойственно нѣжное, любящее сердце, о чемъ свидѣтельствуютъ и его записки, и его письма, напечатанныя послѣ его смерти.

Н. П. Кирѣевская, послѣ перваго знакомства съ нимъ, отозвалась о немъ, что въ этомъ старцѣ «особенно отличаются его возвышенное простодушіе и всеобъемлющая любовь».

Со смертью трехъ вышеупомянутыхъ лицъ закончился второй тридцатилѣтній періодъ въ жизни Оптиной Пустыни. Во все продолженіе этого періода старцы Макарій, Моисей и Антоній являлись вдохновителями и руководителями духовной и матеріальной жизни Оптинскаго Братства. Но и послѣ ихъ смерти начатое и совершаемое ими дѣло воспитанія духа и строительства

жизни монашеской общины не прекратилось и не заглохло, а нашло себѣ новыхъ исполнителей въ лицѣ ихъ преемниковъ и продолжателей — настоятеля Оптиной Пустыни — о. Исаакія, старца о. Амвросія и скитоначальниковъ о. Пафнутія, о. Иларіона, и заступившаго его мѣсто съ 1874 года о. Анатолія (Зерцалова), явившихся вѣрными хранителями и исполнителями завѣтовъ оптинскихъ старцевъ перваго-старшаго-поколѣнія.

Къ болѣе близкому знакомству съ этими новыми дѣятелями Оптиной Пустыни мы теперь и обратимся.

О. Исаакій, замѣстившій о. архимандрита Моисея, происходилъ изъ богатой купеческой семьи г. Курска — Антимоновыхъ. Его отецъ торговалъ скотомъ, и самъ о. Исаакій, въ молодости своей, ѣздилъ по ярмаркамъ. Эта жизнь не удовлетворила его. Въ душѣ его жило и тянуло его въ иной міръ глубокое религіозное чувство. И вотъ въ одинъ прекрасный день произошла обычная въ жизни нашихъ подвижниковъ исторія. Выѣхавъ изъ дому на одну изъ украинскихъ ярмарокъ, молодой купецъ, губернскій франтикъ, какъ онъ самъ о себѣ потомъ отзывался, Иванъ Антимоновъ приказалъ своему кучеру повернуть лошадей на сѣверъ, и черезъ нѣсколько дней вмѣсто украинской ярмарки оказался въ Оптиной Пустыни, слухи о которой, вѣроятно, уже доходили до него. Въ то время еще былъ живъ старецъ о. Левъ. По примѣру другихъ, Иванъ Антимоновъ

явился къ нему въ келлію за благословеніемъ, и скромно помѣстился позади всѣхъ посѣтителей на стулѣ. Вдругъ онъ слышитъ окликъ старца: «Ванюшка, поди сюда». Онъ никакъ не могъ предположить, чтобы этотъ окрикъ относился къ нему, такъ какъ во первыхъ въ Оптиной Пустыни никто въ то время не зналъ его, тѣмъ болѣе, по имени, и, во вторыхъ, онъ не привыкъ къ тому, чтобы его, богатаго купеческаго сынка, кто-нибудь чужой называлъ и такъ запросто «Ванюшка» Этимъ именемъ его называлъ только его покойный дѣдъ. Поэтому онъ не обращая никакого вниманія на окрикъ, продолжалъ спокойно сидѣть на своемъ мѣстѣ.*) Однако стоявшіе около него засуетились, и стали толкать его, говоря: «иди, это тебя старецъ требуетъ!» Тогда Антимоновъ, пораженный тѣмъ, что старцу извѣстно его имя, поспѣшилъ къ нему, и происшедшій между ними разговоръ опредѣлилъ его судьбу; Антимоновъ навсегда остался въ Оптиной Пустыни. При постригѣ въ монашество онъ получилъ имя Исаакія. Это былъ удивительный человѣкъ, олицетвореніе простоты, естественности, скромности и глубокой молитвенной собранности. Онъ не могъ безъ слезъ совершать лиургію. Его преданность и послушаніе старцу были всецѣлы. Болѣе тридцати лѣтъ (знаменательное число въ исторіи Оптиной Пустыни) онъ оставался настоятелемъ монастыря, и говорили, что по молитвамъ старца

*) Весь этотъ разсказъ мы лично слышали отъ о. Исаакія, и передаемъ его съ его словъ.

онъ за все это время не зналъ никакой скорби. О его необыкновенной молчаливости ходило не мало разсказовъ. Однажды, по случаю какого-то праздника въ одномъ изъ монастырей, тамъ было архіерейское служеніе. Въ числѣ сослужащихъ былъ и о. Исаакій. Послѣ службы всѣ собрались въ покояхъ настоятеля пить чай. Шелъ оживленный разговоръ. Одинъ только о. Исаакій молчалъ. Наконецъ, Владыка, желая и его втянуть въ разговоръ, обратился къ нему и сказалъ: «А что же вы, о. архимандритъ, ничего намъ не скажете? Я вижу, что вы только слущаете»... «Владыко Святый!» отвѣтилъ о. Исаакій: «если всѣ будутъ говорить, то кто же будетъ слушать?» О простотѣ, скромности и незлобіи о. Иссакія можно судить по слѣдующему случаю. Какой-то проходимецъ-странникъ, какихъ не мало шатается по монастырямъ, проживая по страннопріимнымъ, питаясь по трапезнымъ и получая милостыню отъ настоятелей и казнаечевъ, пришелъ за милостыней и къ о. Исаакію, и оставшись имъ почему-то недоволенъ, грубо сказалъ: «Вотъ ты и игуменъ, да не уменъ!» О. Исаакій добродушно ему отвѣтилъ: «А ты братъ, хотя и уменъ, да не игуменъ!» Мнѣ пришлось видѣть о. архимандрита Исаакія въ Іюнѣ 1894 года, за два мѣсяца до его кончины, когда онъ уже былъ глубокимъ старцемъ. Онъ былъ средняго роста, довольно полный, сутуловатый старецъ, съ длинными, густыми, сѣдыми волосами, со спокойнымъ, серьезнымъ, прямымъ взглядомъ большихъ, сѣрыхъ, красивыхъ глазъ.

Меня, студента духовной академіи, мальчишку, онъ принялъ внимательно, ласково, сердечно, и много разсказывалъ о себѣ. На прощанье онъ вынесъ мнѣ жизнеописаніе Оптинскаго старца Леонида, и, подавая его, сказалъ: «возьмите, читайте: онъ тоже былъ изъ купцовъ». Меня очень тронули тогда и эти слова его, и его богослуженіе, совершаемое имъ со слезами на глазахъ, и благодаря ему навсегда установилась сердечная связь между мною и Оптиной Пустынью съ ея старчествомъ.

О скитоначальникѣ іеромонахѣ Иларіонѣ говорятъ, какъ о вѣрномъ о опытномъ въ духовной жизни ученикѣ старца Макарія. По смерти послѣдняго онъ былъ духовнымъ отцомъ Н. П. Кирѣевской и былъ ею очень почитаемъ. Ходили слухи, что между его духовными дѣтьми и духовными дѣтьми о. Амвросія происходили споры изъза того, кто изъ этихъ двухъ старцевъ «выше», но нужно сказать, что Н. П. Кирѣевская не принимала участія въ этихъ спорахъ, и считала, что «оба старца лучше». Когда о. Иларіонъ скончался въ 1874 году, его мѣсто начальника скита заступилъ молодой еще іеромонахъ Анатолій (Зерцаловъ), студентъ Калужской Духовной Семинаріи и ученикъ старцевъ Макарія и Амвросія. Онъ говорилъ о себѣ, что онъ двадцать лѣтъ молилъ Бога дать ему простоту, и, наконецъ, вымолилъ ее. Его считаютъ опытнымъ дѣлателемъ Іисусовой молитвы. Когда впослѣдствіи старцемъ Амвросіемъ была устроена Казанская Шамор-

динская женская община, о. Анатолій сталъ ближайшимъ помощникомъ старца въ дѣлѣ устроенія этой обители и въ духовномъ руководительствѣ сестеръ. Имѣются въ печати его письма къ монахинямъ, проникнутыя особеннымъ, восторженнымъ, какимъ-то «пасхальнымъ» одушевленіемъ, и въ этихъ письмахъ онъ постоянно напоминаетъ о необходимости неустанной внутренней Іисусовой молитвы и указываетъ, какъ можно научиться и преуспѣть въ этой молитвѣ. Будучи весьма скромнымъ, онъ обладалъ чувствомъ высокаго личнаго достоинства, и во всякомъ обществѣ умѣлъ быть одинаково общительнымъ, занимательнымъ и учительнымъ. Шамординскіе сестры сохранили о немъ самое свѣтлое и благодарное воспоминаніе, какъ о своемъ мудромъ и любвеобильномъ старцѣ.

Со старцемъ Амвросіемъ у него всегда были самыя искреннія и близкія сыновнія духовныя отношенія. О. Анатолій скончался въ январѣ 1894 года, за семь мѣсяцевъ до кончины о. архимандрита Исаакія, и два съ половиною года спустя по смерти о. Амвросія. Центральное мѣсто среди главныхъ дѣятелей Оптиной Пустыни въ третье тридцатилѣтіе ея возстановленнаго бытія занималъ старецъ іеросхимонахъ Амвросій, пріобрѣвшій, можно сказать, наибольшую славу изъ всѣхъ Оптинскихъ старцевъ, хотя самъ о себѣ онъ выражался такъ: «Славны бубны за горами, а посмотришь близко — простое лукошко», и еще: «я всю жизнь свою крылъ чужія крыши, а своя

осталась непокрытою». Старецъ іеросхимонахъ Амвросій, въ мірѣ Александръ Михайловичъ Гренковъ, родился въ духовной семьѣ села Большія Липовицы Тамбовской епархіи 21-го или 23-го Ноября 1812 года. Самъ старецъ не зналъ точно дня своего рожденія. Онъ прошелъ обычную для духовнаго мальчика школу — сперва духовное училище, потомъ духовную семинарію. Учился онъ успѣшно, но не пошелъ ни въ Духовную Академію, ни въ священники. Онъ какъ будто чувствовалъ въ душѣ своей особое призваніе, и не спѣшилъ пристроить себя къ опредѣленному положенію, какъ бы ожидая зова Божія. Нѣкоторое время онъ былъ домашнимъ учителемъ въ одной помѣщичьей семьѣ, а затѣмъ преподавателемъ Липецкаго Духовнаго Училища. Обладая живымъ и веселымъ характеромъ, добротою и остроуміемъ, Александръ Михайловичъ былъ очень любимъ своими товарищами и сослуживцами. Въ послѣднемъ классѣ семинаріи ему пришлось перенести опасную болѣзнь, и онъ далъ обѣтъ постричься въ монахи, если выздоровѣетъ. По выздоровленіи онъ не забылъ своего обѣта, но нѣсколько лѣтъ откладывалъ его исполненіе, «жался», по его выраженію. Однако, совѣсть не давала ему покоя. И чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ мучительнѣе становились укоры Совѣсти. Періоды беззаботнаго юношескаго веселья и безпечности смѣнялись періодами острой тоски и грусти, усиленной молитвы и слезъ. Однажды, будучи уже въ Ли-

пецкѣ и гуляя въ сосѣднемъ лѣсу, онъ, стоя на берегу ручья, явственно разслышалъ въ его журчаніи слова: «Хвалите Бога, любите Бога»... Дома, уединяясь отъ любопытныхъ взоровъ, онъ пламенно молился Божіей Матери просвѣтить его умъ и направить его волю. Вообще, онъ не обладалъ настойчивою волею, и уже въ старости говорилъ своимъ духовнымъ дѣтямъ: «Вы должны слушаться меня съ перваго слова. Я — человѣкъ уступчивый. Если будете спорить со мною, я могу уступить вамъ, но это не будетъ вамъ на пользу». Въ той же Тамбовской епархіи, въ селѣ Троекуровѣ, проживалъ извѣстный въ то время въ той мѣстности подвижникъ Иларіонъ. Александръ Михайловичъ пришелъ къ нему за совѣтомъ, и старецъ сказалъ ему: «Иди въ Оптину Пустынь — и будешь опытенъ. Можно бы пойти и въ Саровъ, но тамъ уже нѣтъ теперь такихъ опытныхъ старцевъ, какъ прежде». (Старецъ преп. Серафимъ незадолго передъ этимъ скончался). Вѣроятно, прежде чѣмъ окончательно принять рѣшеніе, Александру Михайловичу захотѣлось посмотрѣть Оптину Пустынь. И вотъ онъ, когда наступили лѣтніе каникулы, 1839-го года, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ по семинаріи и сослуживцемъ по Липецкому Училищу, Покровскимъ снарядивъ кибитку, отправились на богомолье въ Троице-Сергіеву Лавру, и по пути останавливались въ Оптиной Пустыни. Кога послѣ этого начался учебный годъ и наступила осень, Александръ Михайловичъ, послѣ одного особенно

весело проведеннаго въ гостяхъ вечера, сказалъ по секрету Покровскому: «Я не могу дальше оставаться здѣсь. Уйду въ Оптину». И, дѣйствительно спустя немного дней, преподаватель Липецкаго Училища Гренковъ исчезъ изъ Липецка и оказался въ Оптиной Пустыни. Старецъ Левъ съ любовью принялъ Гренкова подъ свое ближайшее руководство и назначилъ ему послушаніе — читать старцу молитвенное правило. Александръ Михайловичъ поселился въ скиту.

Неизвѣстно почему, старецъ Левъ, шутя, называлъ Гренкова «химерою». Умирая, онъ передалъ Гренкова о. Макарію, сказавъ при этомъ: «Передаю его тебѣ изъ полы въ полу. Ужъ больно онъ ютится къ намъ, старцамъ». Для характеристики о. Амвросія и оптинскихъ старцевъ интересенъ сообщаемый о. Амвросіемъ небольшой разговоръ его съ о. игуменомъ Антоніемъ въ алтарѣ Введенскаго храма. Скоро послѣ того, какъ о. Амвросій былъ посвященъ въ діакона и долженъ былъ однажды служить литургію въ Введенскомъ храмѣ, подходитъ онъ передъ службою къ стоявшему въ алтарѣ игумену Антонію, чтобы принять отъ него благословеніе. О. Антоній спрашиваетъ его: «ну что, привыкаете?» О. Амвросій развязно отвѣчаетъ ему: «Вашими молитвами, батюшка!» Тогда о. Антоній продолжаетъ: «Къ страху-то Божьему?...» О. Амвросій понялъ неумѣстность своего тона въ алтарѣ и смутился. «Такъ то, заключалъ свой разсказъ о. Амвросій, умѣли пріучать насъ къ благоговѣнію прежніе старцы».

О. Іеросхимонахъ Амвросій

Въ годы старчества о. Макарія, о. Амвросій, какъ окончившій семинарію и знакомый съ древними языками, былъ однимъ изъ его ближайшихъ помощниковъ по подготовкѣ къ печати Писаній старца Паисія Величковскаго, и это занятіе послужило ему хорошей подготовкой къ его будущему старчеству. Въ 40-хъ годахъ онъ, простудившись, перенесъ продолжительную и тяжелую болѣзнь, навсегда подорвавшую его здоровье, и почти приковавшую его къ постели. Вслѣдствіе своего болѣзненнго состоянія онъ до самой своей кончины не могъ совершать литургіи.

Постигшая о. Амвросія тяжелая болѣзнь имѣла для него несомнѣнное провиденціальное значеніе. Она умѣрила живость его характера, предохранила его, быть можетъ, отъ развитія въ немъ самомнѣнія, и заставила его глубже войти въ себя, лучше понять и себя самого, и человѣческую природу. Не даромъ же впослѣдствіи о. Амвросій говорилъ: «Монаху полезно болѣть. И въ болѣзни не надо лѣчиться, а только подлѣчиваться!» Помогая старцу Макарію въ издательской дѣятельности, о. Амвросій, и послѣ его кончины, продолжалъ заниматься этою дѣятельностью. Подъ его руководствомъ были изданы «Лѣствица» преп. Іоанна Лѣствичника, письма и жизнеописаніе о. Макарія, жизнеописаніе о. Моисея, жизнеописаніе и переписка о. Антонія, «Царскій путь Креста Господня» и «Иліотропіонъ» Преосв. Іоанна Максимовича и другія книги. Помощника-

ми старца Амвросія въ издательской работѣ были — о. Климентъ (Зедергольмъ), о. Леонидъ (Кавелинъ), о. Ювеналій (Половцевъ), и впослѣдствіи о. Агапитъ, о. Эрастъ (Вытропскій) и другія лица.

Но не издательская дѣятельность была средоточіемъ старческихъ трудовъ о. Амвросія. У старца Амвросія не было особенной склонности къ книжнымъ и кабинетнымъ занятіямъ. Его душа искала живого, личнаго общенія съ людьми, и онъ скоро сталъ пріобрѣтать славу опытнаго наставника и руководителя въ дѣлахъ не только духовной, но и практической жизни. Онъ обладалъ необыкновенно живымъ, острымъ, наблюдательнымъ и проницательнымъ умомъ, просвѣтленнымъ и углубленнымъ, постоянною сосредоточенною молитвою, вниманіемъ къ себѣ и знаніемъ подвижнической литературы. По благодати Божіей его проницательность переходила въ прозорливость. Онъ глубоко проникалъ въ душу своего собесѣдника и читалъ въ ней, какъ въ раскрытой книгѣ, не нуждаясь въ его признаніяхъ. Легкимъ, никому незамѣтнымъ намекомъ, онъ указывалъ людямъ ихъ слабости и заставлялъ ихъ серьезно подумать о нихъ. Одна дама, часто бывавшая у старца Амвросія, сильно пристратилась къ игрѣ въ карты, и стѣснялась сознаться ему въ этомъ. Однажды, на общемъ пріемѣ, она стала просить у старца карточку. Старецъ, внимательно своимъ особеннымъ, пристальнымъ взглядомъ посмотрѣвъ на нее, сказалъ: «Что ты, мать? Развѣ мы

въ монастырѣ играемъ въ карточки?» Она поняла намекъ, и покаялась старцу въ своей слабости. Своею прозорливостью старецъ сильно удивлялъ многихъ и располагалъ ихъ сразу всецѣло отдаваться его руководству, въ увѣренности, что «батюшка» лучше ихъ знаетъ, въ чемъ они нуждаются, и что имъ полезно, или вредно. Одна молодая дѣвушка, окончившая высшіе курсы въ Москвѣ, мать которой давно уже была духовной дочерью о. Амвросія, никогда не видя старца, не любила его и называла его «лицемѣромъ». Мать уговорила ее побывать у о. Амвросія. Придя къ старцу на общій пріемъ, дѣвушка стала позади всѣхъ, у самой двери. Вошелъ старецъ, и отворивъ дверь, закрылъ ею молодую дѣвушку. Помолившись и оглядѣвъ всѣхъ, онъ вдругъ заглянулъ за дверь и говоритъ: «А это что за за великанъ стоитъ? Это — Вѣра пришла смотрѣть лицемѣра?» Послѣ этого онъ побесѣдовалъ съ нею наединѣ, и отношенія къ нему молодой дѣвушки совершенно перемѣнились: она горячо полюбила его, и судьба ея рѣшилась — она поступила въ Шамординскій монастырь. Кто съ полнымъ довѣріемъ предавались руководству старца, никогда въ этомъ не раскаивались, хотя и слышали они отъ него иногда такіе совѣты, которые съ перваго раза казались имъ странными и совершенно неисполнимыми. Мы уже приводили слова настоятеля Оптиной Пустыни, архимандрита Исаакія, что онъ тридцать лѣтъ жилъ по указа-

ніямъ старца Амвросія и не испыталъ за это время ни одной скорби.

Острота ума и прозорливость совмѣщались въ старцѣ Амвросіи съ удивительною, чисто материнскою нѣжностью сердца, благодаря которой онъ умѣлъ облегчить самое тяжелое горе и утѣшить самую скорбную душу. Съ этими качествами своей богато одаренной души о. Амвросій, несмотря на свою постоянную болѣзненность и хилость, соединялъ неизсякаемую жизнерадостность, и умѣлъ давать свои наставленія въ такой простой, ясной, наглядной и шутливой формѣ, что они легко и навсегда запоминались каждымъ слушающимъ. Подтвердимъ все сказанное немногими примѣрами. Въ Оптиной Пустыни устанавливалъ иконостасъ иконостасный мастеръ изъ Калуги. Окончивъ работу и получивъ большія деньги, онъ собирался въ тотъ же день уѣхать домой, въ Калугу. Мастеръ торопился со своимъ отъѣздомъ, потому что на слѣдующій день къ нему долженъ былъ по условію пріѣхать заказчикъ на новую большую работу. Ѣхать нужно было лошадьми верстъ 60. По обычаю, мастеръ отправился въ скитъ проститься со старцемъ и поблагословиться у него. Старецъ принялъ его очень радушно, усадилъ, долго бесѣдовалъ съ нимъ, хвалилъ его работу и, прежде чѣмъ мастеръ успѣлъ попросить благословенія на отъѣздъ, старецъ, перебивая его, сказалъ: «А завтра, послѣ ранней обѣдни, приходи опять ко мнѣ: попьемъ чайку и побесѣдуемъ».

Послѣ такого приглашенія со стороны почитаемаго старца мастеръ не счелъ удобнымъ заикаться объ отъѣздѣ, и рѣшиль, скрѣпя сердце, отложить поѣздку до утра, думая: «если я послѣ ранней обѣдни, отпивши чаю со старцемъ, выѣду изъ монастыря, то часамъ къ тремъ-четыремъ дня буду въ Калугѣ, и застану еще тамъ своего заказчика». Каково-же было его удивленіе, когда на слѣдующій день утромъ старецъ, напоивъ его чаемъ, и не давъ ему сказать слова, снова пригласилъ его приходить къ нему въ тотъ же день передъ вечерней пить чай. Мастеръ и на этотъ разъ не посмѣлъ отказаться, чувствуя себя очень польщеннымъ вниманіемъ старца. Утѣшая себя, онъ думалъ: «Ну, можетъ быть, мой заказчикъ подождетъ меня одинъ денекъ»!

Однако, послѣ вечерняго чая, старецъ опять пригласилъ мастера приходить къ нему на слѣдующій день послѣ ранней обѣдни пить чай. «Что за чудеса!» думалъ мастеръ, «ужъ не смѣется ли старецъ надо мною!» Но не видно было, чтобы старецъ смѣялся. Мастеру уже и досадно стало — изъ-за старца онъ могъ потерять выгоднаго заказчика. Однако, дѣлать было нечего: перечить старцу было неудобно, и мастеръ снова явился къ старцу послѣ ранней обѣдни пить чай. Уже и чай этотъ сталъ ему не въ сладость. Старецъ принялъ его еще ласковѣе. Посидѣли, поговорили, попили чайку. «Ну, другъ, говоритъ старецъ, приходи и сегодня передъ вечерней, посидимъ!» Разсердился мастеръ: «Горе мнѣ! «думаетъ», пропалъ мой

заработокъ! Третій день не выпускаетъ меня старецъ изъ обители! Какой же онъ послѣ этого прозорливецъ!» Но ужъ теперь ему было все равно и онъ передъ вечерней снова пришелъ къ старцу. Старецъ опять напоилъ его чаемъ. А на прощанье сказалъ: «Завтра послѣ ранней обѣдни приходи ко мнѣ еще разъ попить чайку, и послѣ того — поѣзжай съ Богомъ!» Чуть не заплакалъ мастеръ, но и на этотъ разъ послушался старца. Провожая на другой день мастера, старецъ сказалъ ему: «Спасибо тебѣ, другъ, что послушалъ меня! Богъ сохранитъ тебя!» Впослѣдствіи оказалось, что втеченіе этихъ трехъ дней и ночей, пока старецъ удерживалъ мастера въ Оптиной Путсыни, два бывшихъ его подмастерья, зная, что онъ будетъ возвращаться домой изъ монастыря съ большими деньгами, стерегли его въ лѣсу на Калужской дорогѣ съ цѣлью убить и ограбить, но, не дождавшись, вынуждены были отказаться отъ своего намѣренія. Заказчикъ же, котораго мастеръ считалъ уже потерянным, не могъ по своимъ обстоятельствамъ пріѣхать къ нему въ условленное время, и пріѣхалъ послѣ. — В. В. Розановъ, въ своей статьѣ о старцѣ Амвросіи, разсказываетъ трогательный случай, въ которомъ ярко обнаружилась заботливоя любовь старца къ несчастнымъ. Я не могу передать этотъ разсказъ съ присущею В.В. Розанову выразительностью, и передамъ его, какъ съумѣю. Въ одномъ городѣ одной изъ центральныхъ губерній молодая дѣвушка, дочь богатаго старозавѣтнаго купца, по не-

опытности, довѣрчивости и увлеченію совершила тяжкій грѣхъ. Когда послѣдствія грѣха стали ясны, разсвирѣпѣвшій отецъ не вынесъ семейнаго срама, проклялъ дочь и выгналъ ее изъ дому. Какъ и всѣ несчастные въ тѣхъ мѣстахъ потерявшіе дорогу люди, молодая дѣвушка кинулась къ старцу Амвросію искать у него утѣшенія и совѣта. Старецъ обласкалъ ее, успокоилъ и помѣстилъ у своихъ знакомыхъ, не то въ Вязьмѣ, не то въ Смоленскѣ, гдѣ она благополучно и родила сына. Старецъ не оставлялъ ее и аккуратно посылалъ ей свое ежемѣсячное пособіе. Молодая женщина знала живопись, и стала писать иконы, чѣмъ и зарабатывала хлѣбъ себѣ и своему сыну. Нѣсколько разъ въ годь она пріѣзжала съ мальчикомъ къ отцу Амвросію, и тотъ ихъ всегда принималъ съ неизмѣнною ласкою. Поѣздки къ старцу для мальчика всегда были праздникомъ, и онъ чувствовалъ себя у старца, какъ дома: бѣгалъ по келліямъ и прыгалъ по стульямъ и диванамъ. Съ теченіемъ времени и суровый отецъ примирился съ дочерью, помогалъ ей и полюбилъ своего внука.

У того же В. В. Розанова есть разсказъ о томъ, какъ одна бѣдная вдова священника привезла къ старцу своего безпутнаго сына — пьяницу, котораго никакими увѣщаніями, никакимъ лѣченіемъ не могли отучить отъ его порока. Старецъ предсказалъ ей, что этотъ горькій пьяница не только исправится, но женится, будетъ священникомъ и его мать будетъ жить при немъ и на

своихъ рукахъ будетъ няньчить его дѣтей, своихъ внучатъ.

Такое невѣроятное, счастливое предсказаніе даже смутило мать пьяницы, и она усумнилась въ прозорливости старца, но, въ концѣ концовъ, слова старца исполнились съ буквальною точностью. Въ 1894 году, спустя три года послѣ смерти о. Амвросія, я былъ въ Оптиной Пустыни. Вся окрестность еще полна была воспоминаній и разговоровъ о немъ. Мнѣ лично пришлось идти изъ Козельска въ Оптину Пустынь съ одной старухой, городской мѣщанкой. И она мнѣ разсказала: «У меня былъ сынъ, служилъ на телеграфѣ, разносилъ телеграммы. Батюшка зналъ и его и меня. Сынъ часто носилъ ему телеграммы, а я ходила за благословеніемъ. Но вотъ сынъ мой заболѣлъ чахоткой и умеръ. Пришла я къ батюшкѣ — мы всѣ къ нему шли со своимъ горемъ. Онъ погладилъ меня по головѣ и говоритъ: «оборвалась твоя телеграмма!». «Оборвалась, говорю, батюшка!» и заплакала. И такъ мнѣ легко на душѣ стало отъ его ласки, как будто камень свалился. Мы жили при немъ, какъ при отцѣ родномъ. Всѣхъ онъ любилъ, и обо всѣхъ заботился! Теперь ужъ нѣтъ такихъ старцевъ. А, можетъ быть, Богъ и еще пошлетъ!» Одна молодая француженка, католичка, по смерти любимаго ею человѣка испытывала сильную тоску и обратилась къ старцу съ письмомъ, ища у него нравственной поддержки и совѣта. Старецъ отвѣтилъ ей задушевнымъ письмомъ, убѣждая имѣть вѣру

въ Бога и полагаться на волю Божію. Жизнеописаніе старца Амвросія полно разсказовъ о многочисленныхъ случаяхъ его сострадательной любви къ людямъ и его прозорливости, но мы не имѣемъ возможности по памяти воспроизвести ихъ здѣсь*). Кажется, въ 1875 году пріѣхалъ въ Оптину Пустынь бывшій русскій консулъ въ Турціи, К. Н. Леонтьевъ, извѣсный писатель и философъ. Не заставъ о. Амвросія въ скиту, онъ отправился на его лѣсную дачу, въ глубину сосноваго бора, куда старецъ любилъ уединяться съ цѣлью отдохнуть отъ своей ежедневной суеты. Тамъ онъ увидѣлъ старца, окруженнаго народною толпою. Онъ рзсказалъ старцу о своихъ внутреннихъ переживаніяхъ, о своемъ обращеніи къ вѣрѣ, о чудѣ, бывшемъ съ нимъ на Аѳонѣ, объ Аѳонскихъ Старцахъ. Это свиданіе опредѣлило дальнѣйшій жизненный путь Леонтьева. Онъ поселился въ Оптиной Пустыни, вблизи старца, въ домѣ, который получилъ наименованіе консульскаго, и прожилъ тамъ болѣе 15 лѣтъ. Незадолго до кончины о. Амвросія, Леонтьевъ, по его указанію переѣхалъ въ Троице-Сергіеву Лавру, въ Черниговскій скитъ Божьей Матери, принялъ тамъ монашество и скончался, кажется, въ 1892-мъ году. Въ 1878 году пріѣзжали къ о. Амвросію Достоевскій съ Вл. Соловьевымъ. Нѣсколько разъ бывалъ у о. Амвросія и гр. Л. Н. Толстой;

*) Интересующіеся пусть смотрятъ мою книгу: «Жизнеописаніе Оптинскаго старца іеросхимонаха Амвросія» Изд. Козельской Введенской Пустыни. 1912 г. 420 стр.

Въ послѣдніе годы жизни о. Амвросія, когда имя его было уже извѣстно всей Россіи, день его распредѣлялся такъ: Онъ просыпался очень рано, часа въ четыре или пять утра, но по своей болѣзненности, немощи и постоянной усталости отъ множества посѣтителей поднимался иногда съ большимъ трудомъ и неохотою, со стонами и охами, умывался теплою водою, не сходя съ кровати, и стоя на ней на колѣняхъ. Затѣмъ, келейники вычитывали ему утреннее правило. Во время чая келейники, по просьбѣ и порученію разныхъ лицъ, задавали ему вопросы о тѣхъ и другихъ предметахъ.

Напившись чаю, о. Амвросій принимался за корреспонденцію. Корреспонденція его была огромная. Иногда онъ получалъ до шестидесяти писемъ въ день. На нѣкоторыя письма, въ дѣлахъ важныхъ и интимныхъ, онъ отвѣчалъ собственноручно; на другія письма диктовалъ отвѣты своимъ секретарямъ, самъ же только подписывалъ ихъ; на третьи письма поручалъ отвѣчать, давая только указанія для отвѣта. Такъ проходило утро часовъ до 8, до 9.

Въ это время уже собирались понемногу посѣтители, желавшіе лично видѣть старца. Мужчины приходили извнутри скита и собирались въ сѣняхъ передъ дверью, которая еще была заперта. То и дѣло раздавались звонки, и къ выходившему келейнику обращались съ просьбами доложить старцу о желаніи видѣть его. Келейникъ отвѣчалъ, что старецъ сейчасъ занятъ письмами и

просилъ обождать немного. Въ это время съ наружной стороны скита хибарка наполнялась посѣтительницами. Мало по малу нетерпѣніе посѣтителей и на мужской и на женской половинѣ все болѣе возрастало, звонки становились чаще и сильнѣе, келейника начинали упрекать въ томъ, что онъ не докладываетъ старцу. Келейникъ передавалъ всѣ эти рѣчи старцу, а старецъ, поглощенный письмами, разсѣянно отвѣчалъ:— «Попроси подождать». Желая протянуть время, келейникъ иногда спрашивалъ посѣтителей — «Да какъ о васъ доложить?» Каждый говорилъ ему свою фамилію, и откуда онъ пріѣхалъ, но келейникъ, конечно, не могъ всего этого запомнить, и войдя къ старцу, говорилъ: «тамъ, батюшка, собрались разные народы — московскіе смоленскіе, вяземскіе, тульскіе, калужскіе, орловскіе — хотятъ васъ видѣть». Наконецъ, старецъ оканчивалъ свою переписку. Входныя двери открывались, и посѣтители наполняли назначенныя имъ помѣщенія, корридорчикъ, зальцу, хибарочныя помѣщенія и т. д. Черезъ нѣкоторое время выходилъ старецъ. Онъ былъ довольно высокаго роста, немного сгорбленный, худощавый, блѣдный, съ довольно длинной рѣдкой бородой, съ живыми, добрыми, и проницательными небольшими глазами, въ ватномъ подрясникѣ, и въ ватной камилавкѣ на головѣ, съ четками въ рукахъ. Когда онъ снималъ камилавку, открывался большой, умный лобъ, увеличиваемый лысиною. Выйдя изъ своей келліи, старецъ сперва

направлялся на женскую половину, въ хибарку. Входя въ хибарку, старецъ благоговѣйно молился передъ большою иконою Богоматери «Достойно есть», присланною съ Аѳона, и начиналъ благословлять кинувшихся къ нему женщинъ. Въ лѣтнее время, когда бывало особенно много посѣтителей, старецъ черезъ хибарку выходилъ въ лѣсъ, подъ открытое небо, и тамъ обходилъ и благословлялъ собравшихся, останавливаясь съ тѣмъ или другимъ, чтобы выслушать вопросъ и дать отвѣтъ. И съ какими только просьбами и жалобами, съ какими только своими горестями и нуждами ни приходили къ старцу люди! Одна крестьянка со слезами просила его научить ее, чѣмъ кормить порученныхъ ей господскихъ индюшекъ, чтобы онѣ не дохли, и старецъ, разспросивъ, какъ она ихъ кормитъ, далъ ей соотвѣтствующее наставленіе. Когда ему указывали, что онъ напрасно теряетъ съ нею время, онъ отвѣчалъ: «Давѣдь въ этихъ индюшкахъ вся ея жизнь».

Для старца не существовало неважнаго человѣческаго горя. Каждаго онъ выслушивалъ съ одинаковымъ вниманіемъ. Ни къ кому онъ не относился безразлично. Это и было дорого всѣмъ, это и привлекало всѣхъ къ нему.

И сенаторъ, и простая, бѣдная крестьянка, и студентъ университета — всѣ въ его глазахъ были равно нуждающимися духовными паціентами, требующими вниманія, ласки, духовной помощи. Иные приходили къ старцу за благословеніемъ, выдавать ли дочь замужъ, женить ли

сына, принимать ту или другую должность, ѣхать ли въ то или другое мѣсто на заработки, оставаться ли въ міру, или уходить въ монастырь, какъ жить вообще и т.д. И для каждаго у старца находилось соотвѣтствующее полезное слово, приноровленное и къ его обстоятельствамъ, и къ его характеру, указывавшее ему наилучшій и разумнѣйшій выходъ изъ того или другого труднаго положенія.

Слова старца не были просто прописною, общеизвѣстною моралью, они всегда носили индивидуальный характеръ, всегда сообразовались съ особенностями даннаго лица. Приходитъ къ старцу молодой священникъ, годъ тому назадъ назначенный, по собственному желанію, на самый послѣдній приходъ въ епархіи. Не выдержалъ онъ скудости своего приходскаго существованія и пришелъ къ старцу просить благословенія на перемѣну мѣста. Увидѣвъ его издали, старецъ закричалъе му :«иди, иди назадъ, отецъ! Онъодинъ, а васъ двое!» Священникъ, недоумѣвая, спросилъ старца, что значатъ его слова. Старецъ отвѣтилъ: «Да вѣдь діаволъ, который тебя искушаетъ, одинъ, а у тебя помощникъ — Богъ! Иди назадъ, и не бойся ничего: грѣшно уходить съ прихода! Служи каждый :день литургію, и все будетъ хорошо!» Обрадованный священникъ воспрянулъ духомъ и, вернувшись на свой приходъ, терпѣливо повелъ тамъ свою пастырскую работу, и черезъ много лѣтъ прославился, какъ второй старецъ Амвро-

сій.*) Обойдя всѣхъ въ хибаркѣ и около хибарки, старецъ шелъ на мужскую половину, если чувствовалъ себя въ силахъ. Если же былъ слабъ, то принималъ посѣтителей, лежа въ своей келліи. Пріемъ посѣтителей продолжался до 12 часовъ и далѣе. Иногда келейники, видя усталость старца, напоминали ему, что уже начался первый часъ. Тогда старецъ говорилъ: «А ты переведи часы назадъ, и будетъ 12». Окончивъ пріемъ, старецъ обѣдалъ, и до половины второго отдыхалъ. Затѣмъ снова выходилъ въ хибарку для бесѣды и благословенія, или же принималъ у себя въ келліи, лежа на койкѣ, если чувствовалъ слабость. Пріемы и бесѣды съ монастырскою братіею и съ посторонними продолжались непрерывно до 9 и 10 часовъ вечера, и позже. Совсѣмъ усталый и слабый, старецъ выслушивалъ вечернее молитвенное правило и отпускалъ своихъ келейниковъ, за день также совершенно измаявшихся. Иногда въ это время начнутъ бить часы. Старецъ спроситъ: «сколько?» «Дѣнадцать», отвѣчаютъ келейники. «Запоздали»... скажетъ старецъ.

Въ такомъ порядкѣ изо-дня въ день шла жизнь о. Амвросія въ теченіе многихъ лѣтъ, прерываясь иногда поѣздками на лѣсную дачу, или путешествіями въ Шамордино, и оживляясь праздничными богослуженіями въ кельѣ старца и посѣщеніями чудотворныхъ иконъ. О. Амвросій всегда съ особенною радостью и умиленіемъ встрѣчалъ

*) О. Георгій Косовъ, священникъ погоста Спасъ-Чокряко, Орловской епархіи.

приносимыя къ нему чудотворныя иконы Богоматери — Калужскую и Ахтырскую. Лицо его преображалось, сіяло особеннымъ внутреннимъ свѣтомъ, изъ глазъ лились слезы... По временамъ онъ подпѣвалъ пѣвчимъ своимъ старческимъ, слабымъ, но пріятнымъ теноромъ.

VII.

СТАРЕЦЪ О. АМВРОСІЙ — УСТРОИТЕЛЬ ЖЕНСКОЙ КАЗАНСКОЙ ШАМОРДИНСКОЙ ПУСТЫНИ.

Съ конца семидесятыхъ годовъ о. Амвросій отдается новому большому дѣлу, глубоко захватившему его, и до конца жизни составлявшему главную его заботу.

Мы говоримъ объ устроеніи имъ Казанской женской Пустыни близъ деревни Шамордино, въ 12 верстахъ отъ Оптиной Пустыни. На высокомъ, покрытомъ лѣсомъ, берегу тихой, спокойной Серены, въ уединенной и живописной мѣстности, стояла давнишняя усадьба мелкихъ помѣщиковъ, мужа и жены, бездѣтныхъ стариковъ. Будучи очень религіозными, старички часто посѣщали Оптину Пустынь, бывали у старца Амвросія, жаловались ему на свою безпріютную старость, выражали готовность продать свою усадьбу, если бы нашелся подходящій покупатель,

Первоначальный Видъ Шамординской Пустыни

а самимъ поселиться въ гостинницѣ при Оптиной Пустыни, и доживать тамъ свой вѣкъ.

Какъ разъ въ это время богатая помѣщица Ключарева, давнишняя духовная дочь о. Амвросія, желая жить поближе къ Оптиной, искала для себя небольшую усадьбу, гдѣ бы она могла поселиться съ двумя своими внучками, крестницами о. Амвросія, Вѣрою и Любовью, принявтыми ею на воспитаніе. О. Амвросій посовѣтовалъ ей купить усадьбу вышеупомянутыхъ старичковъ. Усадьба была куплена, старички переселились въ Оптину, а ихъ домъ стали приспособлять для жительства Ключаревой и ея внучекъ. Когда намѣчали въ домѣ предполагаемыя перестройки и совѣтовались съ о. Амвросіемъ, который по этому случаю пріѣзжалъ въ усадьбу, то всѣ удивлялись его указаніямъ, которыя, повидимому, имѣли въ виду не удобства барской квартиры, а будущее монашеское общежитіе.

На это обратила вниманіе и сама Ключарева, и была недовольна распоряженіями старца. Послѣдующія событія разъяснили загадку. Обѣ дѣвочки, горячо любившія другъ друга и старца, и всѣми любимыя, одновременно заболѣли дифтеритомъ, и черезъ нѣсколько дней къ общему горю и особенному горю бабушки, скончались. Послѣ смерти дѣвочекъ приспособленіе усадьбы для барской жизни потеряло смыслъ, настроеніе Ключаревой перемѣнилось, и усадьба получила новое назначеніе — стала приспособляться подъ женскую иноческую обитель.

При Ключаревой состоялъ большой штатъ женской прислуги, частью еще изъ ея бывшихъ крѣпостныхъ. Эти женщины, богомольныя и расположенныя къ монашеской жизни, положили начало монашеской общинѣ. Залъ дома, устроенный по указаніямъ о. Амвросія въ восточной части дома, сдѣлался домашнею церковью, гдѣ и отправлялись положенныя службы. Постепенно обитель стала расти. Начальницей обители о. Амвросій избралъ другую свою духовную дочь, также богатую и родовитую помѣщицу, Софью Михайловну Астафьеву, урожденную Болотову, братъ которой, іеромонахъ Даніилъ, получившій спеціальное образованіе въ Петербургской Академіи Художествъ, талантливый художникъ-портретистъ, жилъ въ скиту Оптиной Пустыни. Софья Михайловна, будучи еще въ міру, отличалась высокимъ духовнымъ настроеніемъ, соединяя молитвенный подвигъ съ дѣлами самоотверженнаго служенія ближнимъ. Овдовѣвъ послѣ перваго брака, она хотѣла поступить въ монастырь, но по благословенію старца Амвросія вышла вторично замужъ за больного и стараго Астафьева и нѣсколько лѣтъ жила при немъ какъ бы сидѣлкой и сестрой милосердія. Овдовѣвъ вторично, умудренная скорбнымъ жизненнымъ подвигомъ, она была, наконецъ, поставлена во главѣ возникшей Шамординской общины. 1-го октября 1881 года состоялось открытіе общины. О. Амвросій не присутствовалъ на открытіи. Затворившись у себя въ келліи, онъ цѣлый день провелъ въ усиленной

молитвѣ. Вновь открытая община росла съ такою быстротою, что не успѣвали строить новые корпуса для вновь принимаемыхъ сестеръ. Дѣло требовало огромныхъ заботъ и огромныхъ средствъ, и всею своею тяжестью легло на престарѣлаго и болѣзненнаго старца. Старецъ всею душою отдался этому дѣлу. Онъ послалъ въ Шамордино нѣсколько ближайшихъ къ нему и опытнѣйшихъ братій для помощи матушкѣ Софіи въ устроеніи обители, и самъ ежедневно выслушивалъ ихъ отчеты и давалъ имъ руководящія указанія. Имя старца Амвросія привлекло въ обитель сестеръ со всѣхъ концовъ Россіи, изъ всѣхъ классовъ общества. Пришли сюда и молодыя курсистки, искавшія и находившія у старца указаніе смысла жизни; пришли богатыя и знатныя помѣщицы, вкладывавшія свои матеріальныя средства на созиданіе обители. Были здѣсь и любительницы благочестія изъ купеческаго званія, принимавшія иногда тайный постригъ еще до поступленія своего въ монастырь. И особенно много было здѣсь простыхъ крестьянокъ. Всѣ онѣ составили одну тѣсную семью, объединенную безграничною любовью къ собравшему ихъ старцу, который со своей стороны любилъ ихъ также искреннею отеческою любовью. Съ особенною любовью принималъ онъ въ свою обитель всѣхъ обездоленныхъ, несчастныхъ, безпріютныхъ: «Такихъ-то, говорилъ онъ, намъ и нужно!» Пришла къ нему одна молодая крестьянка, оставшаяся по смерти мужа бездѣтной вдовой въ мужниной семьѣ, больная, неспособная къ

работѣ, всѣмъ чужая и никому не нужная. Свекровь ей говорила: «Ты-бы, милая, хоть удавилась — тебѣ не грѣхъ!» Пришла она къ старцу вся въ слезахъ и повѣдала ему свое горе. Старецъ внимательно выслушалъ ее и сказалъ: «Этотъ хламъ и у насъ сойдетъ». И велѣлъ принять ее въ Шамордино. И вотъ, изъ такихъ-то несчастныхъ и имъ подобныхъ набралось въ Шамординѣ еще при жизни старца до тысячи сестеръ. Нашлись благочестивые и щедрые благотворители, извѣстная московская купеческая семья Перловыхъ, и выстроили въ Шамординѣ величественный храмъ, трапезную и другія зданія. Главною святынею храма была чудотворная Казанская икона Божьей Матери, по имени которой и сама обитель стала именоваться Казанскою. Когда о. Амвросій въ первый разъ пріѣхалъ въ Шамординскую усадьбу, послѣ того, какъ она была куплена Ключаревой, и вошелъ въ залу, онъ обратилъ вниманіе на эту икону Богоматери, висѣвшую въ углу, долго разсматривалъ ее и сказалъ: «Эта икона чудотворная — почитайте ее!» Слова старца подтвердились многими послѣдующими случаями. Алтарь новаго, большого храма былъ устроенъ такъ, что отдѣлялся на нѣкоторое разстояніе отъ его восточной стѣны, и это давало возможность отчетливо слышать возгласы священнослужителей во всѣхъ концахъ храма. Особенно внимательно старецъ слѣдилъ за благоговѣйнымъ и уставнымъ выполненіемъ церковныхъ службъ. На одномъ изъ клиросовъ онъ сдѣлалъ

собственноручную надпись: «Не ревнуй лукавнующимъ, зане лукавнующіе потребятся» (Псал. 36. 1.1.). Тихое и стройное пѣніе двухъ клиросовъ подъ управленіемъ опытныхъ регентшъ, обученныхъ московскими спеціалистами, неспѣшное, ясное, уставное чтеніе, и весь благоговѣйный, неспѣшный и стройный чинъ богослуженія производилъ сильное впечатлѣніе на присутствующихъ въ храмѣ и располагалъ къ молитвѣ. По благословенію старца Шамординскія сестры во всѣхъ своихъ монастырскихъ нуждахъ старались сами себя обслуживать: сами вели все свое хозяйство, занимались полевыми работами, работали въ мастерскихъ — швейной и сапожной, пекли хлѣбы, вели молочное дѣло, занимались въ иконописной мастерской, сами золотили и чеканили иконостасъ въ своемъ храмѣ, производили эмалевыя украшенія на иконахъ, дѣлали тонкую художественную работу — вышивали золотомъ и шелками, писали красками на атласѣ, вышили, напримѣръ, и написали красками великолѣпное художественное золототканное изображеніе Тайной Вечери на передней сторонѣ малиноваго бархатнаго напрестольнаго одѣянія, и даже устроили собственную типографію. Не чуждались онѣ и самой тяжелой, черной работы: напримѣръ, сами копали канавы для укладки фундамента при постройкѣ церкви. О. Амвросій заботился о томъ, чтобы въ его обители процвѣтали не только молитва и трудъ, но и дѣла милосердія и помощи нуждающимся. Поэтому, по его благословенію въ

Шамординѣ былъ открытъ дѣтскій пріютъ, была устроена богадѣльня для неспособныхъ къ труду и безпомощныхъ старухъ, не только монахинь, но и мірскихъ, и открыта школа для приходящихъ крестьянскихъ дѣвочекъ. Каждое лѣто о. Амвросій пріѣзжалъ въ Шамордино, чтобы лично руководить жизнью сестеръ обители, какъ духовною, такъ и хозяйственною. Эти пріѣзды старца были величайшимъ праздникомъ и радостью для обители. Всѣхъ сестеръ охватывало особенное одушевленіе, и усердіе къ своему дѣлу. Каждой хотѣлось быть замѣченной старцемъ, услышать отъ него похвалу, или хотя бы простое ласковое слово. Старецъ обходилъ всѣ помѣщенія обители, наблюдалъ за ходомъ работъ, вникалъ во всѣ подробности, указывалъ, направлялъ въ надлежащую сторону. Его неутомимыми и постоянными помощниками, съ любовью заботившимися о юной обители, были скитоначальникъ о. Анатолій, о. іеромонахъ Іосифъ, будущій преемникъ старца, о. Венедиктъ, будущій замѣститель о. Анатолія, о. Іоиль, наблюдавшій за постройками, о. Піоръ, будущій духовникъ обители и другіе братья изъ Оптиной Пустыни. Въ самой же обители первою и незамѣнимою исполнительницей воли старца и руководительницею сестеръ была начальница обители, схимонахиня Софія, память которой глубоко чтится въ обители, считающей ее праведницею. Самъ старецъ, когда получилъ извѣстіе о кончинѣ матушки Софіи, умершей еще не въ преклонныхъ лѣтахъ, сказалъ:

«Ахъ, мать! Обрѣла благодать у Бога!» Преемницей матушки Софіи была слѣпая игуменія Евфросинія, послѣ которой управляла обителью игуменія Екатерина, а затѣмъ, игуменія Валентина, при которой и произошелъ большевицкій разгромъ монастыря. Игуменію Валентину мнѣ пришлось видѣть и знать лично. Она происходила изъ купеческаго званія, калужской губерніи, и говорила чистѣйшимъ калужскимъ нарѣчіемъ. Еще до поступленія въ монастырь она приняла тайный постригъ, такъ какъ по семейнымъ обстоятельствамъ не могла открыто поступить въ монастырь. Она была для всѣхъ примѣромъ смиренія, кротости и усердной молитвы. Высокая, блѣдная, съ благообразнымъ лицомъ и добрымъ взглядомъ темныхъ глазъ, тихая и скромная, вся окутанная черным покрываломъ монашескихъ одеждъ, она невольно располагала къ себѣ сердца всѣхъ, узнававшихъ ее. Немало было въ Шамординѣ и другихъ монахинь высокой духовной жизни, истинныхъ подвижницъ и труженицъ Христа ради, имена которыхъ я считаю преждевременнымъ называть, но не могу не отмѣтить того особеннаго. свѣтлаго, радостнаго, и благожелательнаго настроенія, которымъ были проникнуты всѣ Шамординскія сестры: мнѣ никогда не приходилось наблюдать въ нихъ напускного, внѣшняго, неискренняго благочестія.

Въ этой обители удивительнымъ образомъ успѣли сочетаться культурность и просвѣщенность русской образованной женщины съ благо-

говѣйною настроенностью вѣрующей народной души. Удивительное впечатлѣніе оставляло въ душѣ время пребыванія въ Шамординѣ чудотворной Калужской иконы Богоматери. Эта икона, обычно пребывавшая въ селѣ Калуженкѣ, неподалеку отъ Калуги, лѣтомъ странствовала по городамъ и селамъ Калужской епархіи, и въ Іюлѣ достигала Шамордина. Отношеніе русскаго народа къ святымъ иконамъ иногда приравнивають къ идолопоклонству, но такая оцѣнка русскаго народнаго благочестія основана лишь на поверхностномъ съ нимъ знакомствѣ.

Я родился и выросъ среди простого народа. Я съ дѣтства принималъ участіе въ многочисленныхъ крестныхъ ходахъ, въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, на югѣ и на сѣверѣ, — близко видѣлъ народное религіозное настроеніе и самъ раздѣлялъ его, и потому съ полнымъ убѣжденіемъ могу утверждать, что отношеніе русскаго народа къ иконамъ имѣетъ характеръ истинно-духовный и православный. Сквозь икону народъ видитъ живое лицо Спасителя, Богоматери, Святителя Николая или кого-либо другого изъ святыхъ угодниковъ. Онъ падаетъ предъ иконою на колѣни и лобзаетъ ее, но лобзаетъ не дерево и краски, а это живое существо, которое онъ видитъ сквозь это дерево и краски. Когда онъ видитъ величественно шествующій на носилкахъ надъ толпою образъ Богоматери, онъ не говоритъ: «икону несутъ», онъ говоритъ: «Пречистая идетъ»; онъ забываетъ въ эту минуту о матеріальномъ со-

ставѣ иконы, и видитъ лишь соприкасающуюся съ нимъ живую, невидимую Царицу Небесную.

Такое отношеніе нельзя назвать идолопоклонствомъ, такъ какъ здѣсь нѣтъ обожествленія матеріи. Здѣсь имѣется на лицо нѣчто совершенно иное — ощущеніе близости и вездѣ присутствія Божества, «соприкосновеніе міру иному», по выраженію Достоевскаго. Икона есть, въ данномъ случаѣ, только тотъ матеріальный поводъ, который даетъ возможность вѣрующей душѣ легче и очевиднѣе войти въ общеніе съ міромъ невидимымъ. И вотъ, когда въ Шамордино приносили чудотворную Калужскую икону Богоматери, то для всѣхъ это было посѣщеніемъ самой Пресвятой Богородицы. Можно представить, съ какимъ чувствомъ, съ какими радостными слезами, съ какою любовью повергались всѣ ницъ передъ грядущею съ обитель Царицею Небесною! Съ необычайнымъ подъемомъ духа, торжественно, всею обителью встрѣчали святую икону,у святыхъ воротъ монастыря, и съ крестнымъ ходомъ, при торжественномъ трезвонѣ колоколовъ вносили въ храмъ, гдѣ и начиналось праздничное всенощное бдѣніе. По окончаніи богослуженія начиналось пѣніе молебновъ. Святая икона поднималась съ мѣста и торжественно шествовала изъ келліи въ келлію, изъ корпуса въ корпусъ по всей обители въ продолженіе всей ночи. Это было, какъ бы вторая пасхальная ночь. Во мракѣ ночи ярко горѣли свѣчи въ рукахъ монахинь, сопровождающихъ икону и отчетливо раздавались

умилительные напѣвы стихиръ и ирмосовъ въ честь Богоматери. Изъ монастыря крестный ходъ направлялся полемъ въ сосѣднюю монастырскую дачу, такъ называемую Лапеху, и это шествіе по окрытому мѣсту подъ необъятнымъ ночнымъ небеснымъ куполомъ, сіяющимъ звѣздами, было еще красивѣе и величественнѣе. Такъ проходила ночь и къ утру икона возвращалась въ храмъ, гдѣ молебное пѣніе продолжалось до начала литургіи.

Въ различномъ разстояніи отъ Шамордина находились нѣсколько принадлежавшихъ ему дачъ. Кромѣ упомянутой Лапехи, была еще дача въ великолѣпномъ сосновомъ лѣсу, такъ называемомъ царскомъ, пожертвованномъ обители покойнымъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ. Другая дача, Акатово, гдѣ велось полевое хозяйство, находилась довольно далеко отъ монастыря, и мнѣ въ ней не пришлось побывать. Третья дача, Рудново, гдѣ еще при старцѣ Амвросіи былъ найденъ источникъ воды, считавшійся чудотворнымъ. Въ Рудновѣ существовала небольшая, деревянная, очень красивая церковь во имя Успенія Богоматери. Тамъ же существовали пещеры, ископанныя какими-то прежними подвижниками, предсказывавшими, что придетъ время, когда на этомъ мѣстѣ устроится женская обитель, и сестрамъ обители придется спасаться отъ враговъ въ вырытыхъ подвижниками пещерахъ. Это сказаніе намъ передавали еще въ 1913 году, т.е. до войны

и революціи и оно совпадаетъ съ предсказаніемъ преп. Серафима о томъ, что послѣ его прославленія настанетъ такая скорбь и такое лютое время когда ангелы не будутъ успѣвать носить на небо души убитыхъ и замученныхъ. Вообще Рудново въ сознаніи Шамординскихъ монахинь представлялось мѣстомъ таинственнымъ, окутаннымъ какою-то особенною чудесностью.-

Оно считалось мѣстомъ, имѣющимъ какое-то особенное предназначеніе. Кстати скажу: на половинѣ пути между Шамординымъ и Рудновымъ, тамъ, гдѣ дорога, поднимаясь въ гору, достигаетъ высшаго подъема, становится виденъ сіяющій крестъ Оптинской колокольни. Въ самомъ Шамординѣ въ тихій лѣтній вечеръ наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней ясно бываетъ слышенъ звонъ большого «семисотеннаго» Оптинскаго колокола. Обитель молитвенную вѣсть подаетъ.

Послѣдніе годы жизни старца Амвросія были ознаменованы немалыми горестями. Частыя отлучки старца изъ Оптинскаго скита въ Шамордино и особенно послѣднее, предсмертное, самое продолжительное его тамъ пребываніе въ 1891 году — вызывали ропотъ Оптинской братіи, лишавшейся возможности ежедневнаго посѣщенія старца. Чтобы сказать старцу свои духовныя нужды, братія должны были идти, и въ одиночку, и группами, за 12 верстъ, въ Шамордино. Огорчался, но молчалъ и смиренный настоятель Оптиной Пустыни, о. архимандритъ Исаакій. Не нравились эти

отлучки и Епархіальной власти, разсуждавшей съ формальной точки зрѣнія, что монаху-схимнику не подобаетъ оставлять свой скитъ и проживать въ женской обители. Съ о. Амвросіемъ повторялась таже исторія, которая уже бывала раньше со старцами Львомъ и Макаріемъ. И тѣхъ упрекали въ нарушеніи схимническихъ обѣтовъ за ихъ общеніе съ народомъ, за посѣщеніе свѣтскихъ домовъ. Пришлось понести этотъ крестъ и о. Амвросію, и онъ иногда говорилъ по этому поводу: «немало я принялъ назаслуженной славы на своемъ вѣку. А кто пользовался славой на землѣ, тотъ долженъ пострадать за это, или въ здѣшней временной жизни, или въ будущей вѣчной. Лучше же пострадать временно въ здѣшней жизни, нежели вѣчно въ будущей».

1891-й годъ былъ послѣднимъ годомъ въ земной жизни старца. Все лѣто этого года онъ провелъ въ своей любимой обители, какъ бы спѣша закончить и устроить тамъ все незаконченное. Онъ ясно сознавалъ приближеніе своей кончины, и это видно было изъ всѣхъ его словъ, изъ всѣхъ распоряженій. Многое объяснилось уже только послѣ его кончины. Пріѣхавъ въ Шамордино въ началѣ лѣта, старецъ задержался тамъ по разнымъ обстоятельствамъ. Шли спѣшныя работы, по которымъ требовались указанія. Новая настоятельница, игуменія Евфросинія, нуждалась въ руководствѣ. Старецъ, повинуясь распоряженіямъ консисторіи, неоднократно назначалъ дни своего отъѣзда, но ухудшеніе здоровья, наступав-

шая слабость заставляли его откладывать свой отъѣздъ. Такъ протянулось дѣло до осени, и всѣмъ стало ясно, что старецъ останется и на зиму въ Шамординѣ. Стали приготовлять для него зимнее помѣщеніе. Сестры радовались, что старецъ не покинетъ ихъ. Между тѣмъ изъ Калуги шли все болѣе и болѣе настойчивыя требованія о возвращеніи старца въ скитъ. Наконецъ, было получено извѣстіе, что самъ преосвященный, недовольный медлительностью старца, собирается пріѣхать въ Шамордино, и увезти о. Амвросія въ Оптину Пустынь. Обиженныя за старца сестры сильно волновались. Одинъ старецъ оставался спокоенъ и благодушенъ. Осеннее время неблагопріятно отразилось на здоровьѣ старца. Онъ простудился и, наконецъ, пересталъ вставать съ постели. Это была его послѣдняя предсмертная болѣзнь. Не сознававшія опасности положенія старца, сестры, встревоженныя вѣстями о пріѣздѣ архіерея, спрашивали старца: «какъ мы будемъ встрѣчать Владыку, если онъ пріѣдетъ къ намъ»? Старецъ отвѣчалъ: «мы пропоемъ ему — со святыми упокой!».

Наконецъ, въ Шамординѣ получено было извѣстіе, что Владыка выѣхалъ изъ Калуги. А старецъ слабѣлъ все болѣе и болѣе. И вотъ—едва преосвященный успѣлъ проѣхать половину пути до Шамордина, и остановился ночевать въ Перемышльскомъ монастырѣ, и сидѣлъ вечеромъ за чаемъ съ настоятелемъ монастыря, какъ ему подали телеграмму, извѣщающую его о кончинѣ

старца. Преосвященный измѣнился въ лицѣ и, подавая телеграмму настоятелю, смущенно сказалъ: «что же это значитъ?» Былъ вечеръ 10-го октября.

Преосвященному совѣтовали на другой день вернуться въ Калугу, но онъ отвѣтилъ: «Нѣтъ, вѣроятно, такова ужъ воля Божія! Простыхъ іеромонаховъ архіереи не отпѣваютъ, но это особенный іеромонахъ — я хочу самъ совершить отпѣваніе старца!» Прибывъ въ Шамордино, Владыка направился прямо въ церковь, гдѣ уже находилось тѣло старца. Шла панихида. Когда Владыко вступилъ въ храмъ, пѣвчіе пѣли: «Со святыми упокой»... Сестры вспомнили пророчество старца, и грмкія рыданія огласили церковь. Шамординскія сестры очень хотѣли, чтобы тѣло старца было предано землѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ застигла его смерть, т. е. въ Шамординѣ. Онѣ усматривали въ этомъ волю Божію. Оптинцы же находили,что старецъ долженъ быть погребенъ въ той обители, въ которой онъ числился, въ которой онъ полагалъ начало монашеству, въ которой протекла вся его жизнь, и въ которой почивали его наставники — старцы Левъ и Макарій. Тамъ, около этихъ старцевъ, слѣдовало почивать и тѣлу о. Амвросія. За разрѣшеніемъ возникшаго затрудненія обратились въ Св. Синодъ, и Синодъ предписалъ предать землѣ останки старца Амвросія въ Оптиной Пустыни. Была дождливая осенняя погода. Но это не помѣшало огромному стеченію народа, отовсюду собравшагося на погребеніе

чтимаго старца. Послѣ продолжительнаго отпѣванія, совершеннаго въ Шамординѣ, во время котораго было произнесено много глубокопрочувствованныхъ рѣчей, отмѣтившихъ великое значеніе русскаго старчества вообще и старца о. Амвросія въ частности, гробъ старца, при громкомъ плачѣ осиротѣвшихъ шамординскихъ сестеръ былъ вынесенъ изъ церкви, и похоронная процессія двинулась въ Оптину Пустынь. Сопровождаемая хоругвями и иконами, встрѣчаемая въ попутныхъ селеніяхъ крестными ходами и духовенствомъ въ облаченіи, процессія была болѣе похожа на перенесеніе мощей, нежели на обычное погребеніе умершаго. Всю дорогу до Оптиной Пустыни гробъ несли на рукахъ. Несмотря на моросившій дождь и грязную дорогу, не уменьшалось число людей, сопровождавшихъ процессію, не умолкали погребальныя пѣснопѣнія и ярко горѣли свѣчи въ рукахъ молящихся. Уже въ сумерки процессія достигла Оптиной Пустыни, откуда навстрѣчу ей уныло неслись звуки большого колокола. Тѣло старца Амвросія предано было землѣ на общемъ кладбищѣ по правую сторону отъ алтаря Введенскаго храма рядомъ съ могилою старца Макарія. Такъ закончилось многотрудное старческое служеніе о. Амвросія, въ теченіе тридцати лѣтъ облегчавшаго и несшаго на себѣ скорби и тяготы безчисленнаго числа людей, искавшихъ у него помощи и утѣшенія! Впослѣдствіи, надъ могилой старца была воздвигнута часовня, въ которой предъ иконами Казанской Божьей Матери и

святителя Амвросія Медіоланскаго теплились неугасимыя лампады.

На свѣтломъ, бѣло-мраморномъ надгробіи, золотыми буквами были начертаны слова Ап. Павла, точно выражающія смыслъ жизненнаго подвига старца: «Быхъ немощнымъ, яко немощенъ, да немощныя пріобрящу. Всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу». (1 Кор. IX. 22.).

Общій видъ Оптиной Пустыни

VIII

ПОСЛѢДНІЕ ОПТИНСКІЕ СТАРЦЫ.

Черезъ два года послѣ о. Амвросія, въ Январѣ 1894 года скончался его ближайшій помощникъ по духовничеству въ Шамординѣ—начальникъ Оптинскаго Скита іеросхимонахъ Анатолій, и въ томъ же 1894 году въ Августѣ скончался и настоятель Оптиной Пустыни о, архимандритъ Исаакій. Съ кончиною этихъ трехъ духовныхъ руководителей Оптинскаго Братства, закончился періодъ высшаго духовнаго расцвѣта и высшей славы Оптиной Пустыни. Въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи Оптина Пустынь жила уже только воспоминаніями своего славнаго прошлаго, и посильнымъ храненіемъ своихъ славныхъ традицій. И хотя старчество въ Оптиной Пустыни не угасло, но уже не имѣло прежней силы и славы. Послѣ кончины о. Амвросія старчество сперва распредѣлилось между двумя его ближайшими учениками и помощниками — скито-

начальникомъ о. Анатоліемъ и іеромонахомъ о. Іосифомъ. По смерти же о. Анатолія главнымъ старцемъ сдѣлался о. Іосифъ. Онъ жилъ въ кельѣ о. Амвросія, и своею кротостью, смиреніемъ и преданностью памяти своего наставника пріобрѣлъ общую любовь и уваженіе.

Всѣ, любившіе о. Амвросія, не могли не любить и о. Іосифа, котораго высоко цѣнилъ и самъ покойный старецъ, говорившій о немъ своимъ духовнымъ дѣтямъ: «Я поилъ васъ виномъ съ водою, а Іосифъ будетъ поить васъ цѣльнымъ виномъ». Самъ престарѣлый настоятель Оптиной Пустыни, о. Исаакій, видѣлъ въ о. Іосифѣ преемника о. Амвросія по старчеству. Впрочемъ, не прекратилась и та линія старчества, во главѣ которой стоялъ о. скитоначальникъ Анатолій. Его преемникъ по должности скитоначальника, о. Венедиктъ, замѣнилъ для многихъ о. Анатолія. О. Венедиктъ былъ воспитанникомъ Смоленской Духовной Семинаріи и нѣкоторое время былъ мірскимъ священникомъ въ своей Смоленской Епархіи. Онъ отличался благоговѣйною жизнью и, овдовѣвъ, по совѣту о. Амвросія, поступилъ въ Оптину Пустынь, гдѣ исполнялъ обязанности письмоводителя при старцѣ. Подъ руководствомъ о. Амвросія и о. Анатолія онъ самъ пріобрѣлъ духовную опытность, и сталъ полезнымъ руководителемъ для своихъ духовныхъ дѣтей. Еще при жизни старца Амвросія онъ исполнялъ обязанности духвника Шамординскихъ сестеръ, и остался имъ и впослѣдствіи. Окончилъ онъ свою жизнь,

въ санѣ архимандрита, настоятелемъ Боровскаго Пафнутіева монастыря.

Другимъ ученикомъ скитоначальника о. Анатолія былъ іеромонахъ Нектарій, о которомъ говорили, какъ объ опытномъ дѣлателѣ умной Іисусовой молитвы. Онъ поступилъ въ скитъ еще мальчикомъ, и большую часть своей жизни провелъ въ глубокомъ уединеніи, подъ руководствомъ о. Анатолія. Лишь въ послѣдніе годы, уже по кончинѣ о. Іосифа, онъ, съ благословенія настоятеля Оптиной Пустыни, поселился въ кельѣ о. Амвросія и сталъ принимать посѣтителей. По примѣру перваго оптинскаго старца Льва, и о. Нектарій не чуждъ былъ нѣкотораго юродства. О. Іосифъ скончался въ маѣ 1911 года и былъ похороненъ на общемъ кладбищѣ у ногъ старца Амвросія, какъ его вѣрный и преданный ученикъ. Послѣ его кончины изъ всѣхъ бывшихъ учениковъ о. Амвросія особенно выдѣлился іеромонахъ о. Анатолій (младшій), который и сдѣлался вскорѣ главнымъ и общепризнаннымъ старцемъ Оптиной Пустыни. Когда-то онъ былъ келейникомъ у о. Амвросія и жилъ въ скиту. Будучи еще въ санѣ іеродіакона, въ 1905 г., онъ уже привлекалъ къ себѣ вниманіе и сердца богомольцевъ своимъ внимательнымъ, любовнымъ выслушиваніемъ ихъ печалей и жалобъ. Особенно льнули къ нему старухи-крестьянки. Мнѣ пришлось быть у него въ 1905 году въ его маленькой, тѣсной келліи въ глубинѣ скита. Рядомъ съ нимъ, въ другой келліи, помѣщался о. Нектарій. Мы сидѣли

втроемъ, за самоваромъ, у о. Анатолія. Небольшого роста, немного сгорбленный, съ чрезвычайно быстрою рѣчью, увлекающійся, любовный, о. Анатолій уже тогда оставилъ во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе.

Шесть лѣтъ спустя я снова увидѣлъ о. Анатолія, уже въ санѣ іеромонаха. Онъ жилъ уже не въ скиту, а въ монастырѣ, при церкви Владимірской иконы Божьей Матери, и пользовался уже большою извѣстностью, какъ общепризнанный старецъ. Около него уже создалась та особенная духовная атмосфера любви и почитанія, которая окружаетъ истинныхъ старцевъ, и въ которой нѣтъ ни ханжества, ни истеричности. О. Анатолій и по своему внѣшнему согбенному виду, и по своей манерѣ выходить къ народу въ черной полумантіи, и по своему стремительному, радостно-любовному и смиренному обращенію съ людьми напоминалъ преп. Серафима Саровскаго. Обращала на себя вниманіе его особенная, благоговѣйная манера благословлять, съ удерживаніемъ нѣкоторое время благословляющей руки около чела благословляемаго. Въ немъ ясно чувствовались духъ и сила первыхъ великихъ Оптинскихъ старцевъ. Съ каждымъ годомъ возрастала его слава и умножалось число его посѣтителей.

О. Анатолію пришлось переживать всѣ бѣдствія военнаго времени, революціи и большевизма. Несмотря на всѣ эти испытанія и на собственную тяжелую болѣзнь, о. Анатолій оставался неизмѣнно живымъ, отзывчивымъ и любвеобильнымъ. Онъ

скончался, повидимому, въ 1922-мъ году, и съ его смертью закончилось четвертое тридцатилѣтіе въ исторіи Оптиной Пустыни. Изъ настоятелей Оптиной Пустыни, управлявшихъ ею послѣ о. архимандрита Исаакія, болѣе другихъ былъ намъ извѣстенъ о. архимандритъ Ксенофонтъ, управлявшій обителью около двадцати лѣтъ. На видъ суровый, строгій, молчаливый, съ блѣднымъ болѣзненнымъ лицомъ, онъ былъ вѣрнымъ хранителемъ оптинскихъ преданій и заботливымъ хозяиномъ. Происходилъ онъ изъ крестьянъ. —

X.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы перечислили далеко не всѣхъ тѣхъ иноковъ Оптиной Пустыни, которые обращали на себя вниманіе своею выдающеюся жизнью и своими высокими качествами. Можетъ быть, иныхъ, не менѣе замѣчательныхъ, мы даже и не упомянули. Составляя настоящій очеркъ исключительно по памяти, мы естественно могли упустить многое, даже существенное. Въ заключеніе нашей статьи мы не можемъ воздержаться отъ невольно напрашивающагося сравненія жизни Оптиной Пустыни, съ перемѣнами, происходящими въ жизни видимой, окружающей насъ, природы.

Послѣ долгой, холодной и безпросвѣтной зимы XVIII в. оживаетъ и возрождается Оптина Пустынь въ началѣ XIX в. подъ воздѣйствіемъ лучей согрѣвающей теплой любви внимательнаго и заботливаго сердца Московскаго митрополита Платона начинается въ Оптиной Пустыни ранняя

весна — дѣятельность игумена Авраамія, переселяются въ Оптину Пустынь юные подвижники— Моисей и Антоній, возникаетъ скитъ.

Весна все болѣе и болѣе входитъ въ свои права. Природа все болѣе и болѣе расцвѣтаетъ. Въ Оптиной Пустыни начинается дѣятельность о. Моисея, какъ настоятеля обители, о. Антонія, какъ начальника скита, и о. Леонида, какъ монастырскаго старца.

Приходитъ лѣто. Прибываетъ въ Оптину Пустынь о. Макарій. Старчество все болѣе крѣпнетъ и развивается. При содѣйствіи Кирѣевскихъ развивается издательская дѣятельность: извлекаются изъ-подъ спуда писанія Великаго Старца Паисія Величковскаго, опубликовываются въ печати и широко распространяются по Россіи.

Возрастаетъ слава и извѣстность Оптиной Пустыни.

Лѣто становится все жарче и роскошнѣе. Поспѣваютъ травы. Созрѣваютъ хлѣба. Фруктовыя деревья даютъ плоды свои. Такъ и Оптинское старчество въ лицѣ старца Амвросія приноситъ свой наиболѣе зрѣлый, наиболѣе обильный плодъ. Дѣятельность старца переходитъ далеко за предѣлы обители, становится извѣстной всей Россіи, возникаетъ трудами и заботами старца новая пустынь — Казанская Амвросіевская Шамординская обитель, основываются по его благословенію и другія обители — въ Воронежской, Саратовской и Полтавской епархіяхъ.

Но вотъ лѣто кончается. Природа еще прекрас-

на, еще хранить въ себѣ остатки прошлаго богатства и красоты, но уже новыхъ созрѣваній нѣтъ. Наступила ранняя осень. Это жизнь Оптиной Пустыни по смерти о. Амвросія и о. Исаакія. Еще не забыты преданія старцевъ, еще память о нихъ жива и въ сердцахъ, и на устахъ всѣхъ, еще растутъ прекрасные осенніе цвѣты духа — старцы Антоній, Іосифъ, Венедиктъ, Анатолій (младшій), но уже нѣтъ въ нихъ лѣтней силы, лѣтняго аромата. Наконецъ, наступаетъ слякоть поздней осени, развертывается русская революція, а за нею начинается суровая, жестокая, холодная, безпросвѣтная зима — царство большевиковъ. Оптина Пустынь замираетъ, погружается въ глубокій зимній сонъ. Кругъ ея жизни, цвѣтенія и плодоношенія закончился. Придетъ ли опять весна. Повѣетъ ли опять тепломъ и любовью? Проснется ли снова къ жизни Оптина Пустынь? — Это вѣдомо Единому Богу!.-

Протоіерей
Сергій Четвериковъ.

1925. 6. 19. XII.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Переписка разныхъ лицъ съ оптинскими старцами по поводу, главнымъ образомъ, издательской дѣятельности Оптиной Пустыни.

ПИСЬМА ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА КИРѢЕВСКАГО КЪ ОПТИНСКОМУ СТАРЦУ ІЕРОСХИМОНАХУ МАКАРІЮ.

I.

Ваше Преподобіе, Достопочтеннѣйшій и многоуважаемый о. Макарій!

Наталья Петровна уже писала къ Вамъ съ нашими подводами, отправившимися вчера въ обратный путь. Теперь я хочу сообщить Вамъ нѣсколько словъ о Вашемъ изданіи. Я видѣлъ Шевырева еще на короткое время и узналъ отъ него, что теперь печатается 13-й листъ.*) 10 листовъ уже совершенно отпечатаны, изъ нихъ 8 уже находятся у Васъ, а 2 будутъ къ Вамъ отправлены съ завтрашнею почтою. Листикъ опечатокъ, Вами замѣченныхъ, я посылаю къ Вамъ съ отмѣтками Шевырева, который проситъ возвратить его ему обратно съ Вашимъ рѣшеніемъ. Дѣло въ томъ, что между замѣченными Вами опечатками, мелкія не опечатки, а измѣненія противъ рукописнаго текста; другія же исправлены самимъ цензоромъ, третьи, дѣйствительно, опечатки и обозначены имъ знакомъ X. Эти послѣднія будутъ вставлены въ погрѣшностяхъ. Измѣненія сдѣлан-

*) Жизнеописаніе Старца Паисія Величковскаго.

ныя цензоромъ, надобно оставить такъ, какъ онъ сдѣлалъ, а перемѣны противъ рукописи, сдѣланныя Вами, надобно опять представить въ цензуру. Потому Шевыревъ проситъ Васъ пересмотрѣть ихъ, и если что найдете дѣйствительно нужнымъ, то извольте обозначить на листкѣ, а безъ какихъ перемѣнъ можно обойтись, то тѣ извольте вычеркнуть, для скорѣйшаго хода дѣла въ цензурѣ. Впрочемъ, Ѳеодоръ Александровичъ *) не задерживаетъ и принимаетъ доброжелательное участіе въ изданіи Вашемъ.

Митрополитъ**), къ которому Шевыревъ относился еще при началѣ дѣла, не только принялъ это извѣстіе доброжелательно, но и обѣщалъ самъ покровительствовать ему, и дѣйствительно самъ писалъ о томъ, къ Голубинскому, который тогда же увѣдомилъ объ этомъ Шевырева. Прошу Вашихъ Святыхъ молитвъ и благословенія. Спѣшу на почту. Преданный Вамъ съ любовью Вашъ нижайшій сынъ И. Кирѣевскій. 19 Сент. 1846.

2.

Многосердечно уважаемый Батюшка! Я давно уже не слѣжу за нашею литературою, и потому не знаю, что дѣлается съ нашимъ языкомъ, и какіе законы онъ принимаетъ. Поэтому я въ этомъ случаѣ имѣю счастіе имѣть сходство съ Вами, Милостивый Батюшка, то, что также какъ и Вы не понимаю, почему по русски нельзя сказать: вопросъ того-же къ тому же. Но если о. Амвросій, Авва Іоаннъ и Левъ Александровичъ держатся этого мнѣнія, то, конечно, оно имѣетъ какое-нибудь основаніе.

---

*) Голубинскій, Протоіерей, профессоръ Московской духовной Академіи.

**) Филаретъ Московскій.

Впрочемъ, Ст. Петровичъ Шевыревъ, который былъ у Васъ, вѣроятно разрѣшилъ Ваши сомнѣнія своимъ профессорскимъ авторитетомъ. Очень любопытно мнѣ будетъ видѣть переводъ Вашъ первой главы С. Исаака,*) также и замѣчанія Ваши на переводъ Лаврской. Въ присланной Вами рукописи Св. Григорія Паламы есть нѣкоторыя мѣста очень темныя. Я сличалъ нѣкоторыя изъ нихъ съ греческимъ подлинникомъ въ Филокаліи,**) и нашлось, что эта темнота иногда происходитъ отъ пропусковъ, а иногда отъ неправильныхъ знаковъ препинанія. Въ одномъ мѣстѣ я осмѣлился вставить пропущенное слово *умъ*, безъ чего смыслъ совсѣмъ терялся, въ другихъ же мѣстахъ я не рѣшился этого сдѣлать. Впрочемъ, я сличалъ не все. Лексиконъ греческій нынче отправился къ Вамъ (съ м. Аѳанасіею и Магдалиною) тотъ, какой мнѣ показался лучшимъ. Но Ѳерапонтовъ говоритъ, что въ Саратовѣ издашъ еще греческо-русскій лексиконъ однимъ ученымъ Смарагдовымъ, изъ духовнаго званія, и если Вамъ будетъ угодно то предлагаетъ его выписать. Поэтому если Вы не будете довольны лексикономъ Косовича, то извольте прислать его ко мнѣ, а лексиконъ Смарагдова приказать выписать. Одинъ мой знакомый далъ мнѣ просмотрѣть находящійся у него переводъ нѣкоторыхъ книгъ Добротолюбія на русскій языкъ. Я просилъ сестру мою списать ихъ и сообщу Вамъ. Видно, что переводчикъ владѣетъ хорошо русскимъ языкомъ и переводилъ съ перевода Паисія, однакоже имѣлъ и греческій подлинникъ предъ глазами. Потому читать эту книгу и легко и пріятно. Однакоже при томъ видно и то, что ученый переводчикъ не

---

*) «Иже во свитыхъ отца нашего Исаака Сирина-Слова духовно-подвижническія».

**) Добролюбіе—сборникъ статей о духовномъ подвигѣ, написанныхъ св. отцами подвижниками—духовно-подвижническая христоматія.

обращалъ большого вниманія на тѣ оттѣнки выраженіи, которыя въ нравственномъ и въ духовномъ смыслѣ имѣютъ большую важность. Потому иногда бездѣлица опущенная или бездѣлица прибавленная измѣняетъ всю силу рѣчи. Потому этотъ переводъ нужно бы было просмотрѣть Вамъ и поправить, — тогда онъ вышелъ бы прекрасный. Слово греческое *гнозисъ*, которое Паисій переводитъ *разумъ*, въ русскомъ Добротолюбіи, также какъ и въ Лаврскомъ Исаакѣ Сиринѣ, переводится *познаніе*. Испрашиваю Вашихъ молитвъ и благословенія и съ сердечною преданностью остаюсь Вашъ покорный слуга и духовный сынъ И. К.

3.

Отъ всего сердца уважаемый батюшка,! Вчера ввечеру получили мы письмо Ваше и рукопись перевода Исаака Сирина съ Болховскимъ купцомъ В.Н. К., а сегодня еще письмо по почтѣ отъ 8 Августа. Но сегодня я не могъ просмотрѣть замѣчаній Вашихъ на переводъ Троицкой Академіи, и только половину Вашего перевода 1-й главы Исаака Сирина успѣлъ прочесть и сличить съ переводами Лаврскимъ и Паисіевскимъ. До сихъ поръ мнѣ кажется, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Вы отступаете отъ перевода Лаврскаго, Вы совершенно правы, и смыслъ у Васъ вѣрнѣе. Но, не смотря на это, мнѣ кажется, что переводъ Паисія все еще остается превосходнѣе, и хотя смыслъ въ немъ иногда не совсѣмъ ясенъ съ перваго взгляда, но эта неясность поощряетъ къ внимательнѣйшему изысканію, а въ другихъ мѣстахъ въ Словенскомъ переводѣ смыслъ полнѣе не только отъ выраженія, но и отъ самого оттѣнка слова. Напримѣръ, у Васъ сказано: *сердце, вмѣсто божественнаго утвержденія, увлечется въ служеніе чувствамъ.*

Въ словецскомъ переводѣ: *разсыпается бо сердце отъ сладости Божія въ служеніе чувствъ.* Слово: *разсыпается отъ сладости*, можетъ и неправильно по законамъ наружной логики, но влагаетъ въ умъ понятія истинныя а, между прочимъ это дастъ разумѣть, что сладость Божественная доступна только цѣльности сердечной, а при несохраненіи этой цѣльности сердце служитъ внѣшнимъ чувствамъ. Также выраженіе: *иже истиною сердца своего уцѣломудряетъ видѣніе ума своего*, даетъ не только понятіе о *исправленіи* сердечномъ, но еще и о томъ, что пожеланіе нечистое есть *ложь сердца*, которою человѣкъ самъ себя обманываетъ, думая желать того, что въ самомъ дѣлѣ не желаетъ. Впрочемъ, можетъ быть, я вижу въ этихъ выраженіяхъ и излишнее; Главное было въ прямомъ смыслѣ, а оттѣнки — вещь постороняя. Прочтя все слово и всѣ замѣчанія, я скажу Вамъ мое мнѣніе, потому что Вы приказываете мнѣ это сдѣлать.

Митрополиту думаемъ мы отвезти Ваши рукописи завтра, если Богу будетъ угодно. О вопросѣ Вашемъ: можно ли писать по-русски *отъ того же къ тому же*, Н. П. уже сообщила мнѣніе митрополита. Я же думалъ, что написалъ Вамъ въ послѣднемъ письмѣ, что никакъ не вижу, почему бы нельзя было сказать этого. По моему мнѣнію это столько-же возможно по-русски, сколько и по словенски.

Сомнѣніе Ваше о томъ, не повредитъ ли нѣкоторымъ то мнѣніе, которое Исаакъ Сиринъ имѣлъ о положеніи земли, если это мнѣніе оставить безъ примѣчанія, я представлю на разсужденіе митрополита, также какъ и то, что Вы изволите писать о переводѣ слова *разумъ*. Я съ своей стороны въ этомъ послѣднемъ случаѣ совершенно согласенъ съ Вами. Что касается до того, что Вы изволите писать мнѣ, чтобы *я вникъ и уразумѣлъ и сказалъ Вамъ свое мнѣніе* (!) о тоїй, не совсѣмъ понятноїй, матеріи,

которая заключается между 16 и 20 строк. 28-го листа на оборотѣ, то это приказаніе Ваше не потому удивило меня, что требовало отъ *меня* объясненія *для Васъ*, но потому показалось мнѣ поразительнымъ, что въ самомъ дѣлѣ Богъ устроилъ такъ, что я могу Вамъ сообщить на это отвѣтъ. Ибо тому 16 лѣтъ, когда я въ первый разъ читалъ Исаака Сирина, Богу угодно было, чтобы я именно объ этомъ мѣстѣ просилъ объясненія у покойнаго о. Филарета Новоспасскаго, который сказалъ мнѣ, что это мѣсто толкуется такъ, что подъ словами Глава и Основаніе всея твари понимается Михаилъ Архангелъ. Видно, надобно, было, о. Филарету передать это Вамъ; но какъ Вы не были тогда при немъ, то Богъ вложилъ мнѣ въ мысль спросить его именно объ этомъ... Испрашиваю Вашихъ св. молитвъ, и св. благословенія, и съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностью остаюсь Вашъ покорный слуга и духовный сынъ И.К

4.

1849 г. 10 Генваря. Почтеннѣйшій батюшка! Голубинскій былъ у насъ 7-го числа. Онъ обѣщалъ много, но не знаю, найдетъ ли время и силы исполнить. Второе слово *Марка Подвижника о крещеніи* хотѣлъ прислать въ слѣдующую Пятницу. *Ѳеодора Студита* хотѣлъ тоже просмотрѣть, и если тамъ найдется немного ошибокъ, въ орфографіи и знакахъ препинанія (потому что другихъ поправокъ онъ, не имѣя подлинника, дѣлать не думаетъ), обѣщалъ прислать къ намъ для того, чтобы печатать безъ цензуры, а ему въ цензуру посылать корректурные листы. Это было бы гораздо скорѣе. Печатаніе Устава *Нила Сорскаго* онъ очень одобряетъ, но говоритъ, что надобно спросить предварительно позволеніе у митрополита. Сверхъ того, онъ хотѣлъ

справится, находится ли эта книга въ числѣ тѣхъ, которыя Синодъ объявилъ своею собственностью. Если не находится, то печатать можно безъ затрудненій. Если находится, то надобно будетъ просить Синодъ. Относительно отвѣта Патріархова папѣ онъ сказывалъ намъ слухъ очень огорчительный и почти невѣроятный. Но какъ онъ самъ отвѣта этого не читалъ, а только слышалъ, то мы и думаемъ что тутъ есть какая-нибудь ошибка. Онъ говоритъ, будто тамъ сказано о происхожденіи Св. Духа, что православная церковь хотя и принимаетъ это происхожденіе отъ Отца и Сына *по Существу*, но не принимаетъ его по ѵпостаси.

Такое отступленіе отъ одного изъ первыхъ догматовъ православія кажется невозможнымъ. Но если это правда, тогда русской церкви слѣдуетъ протестовать громко и поддержать истину, къ которой, вѣроятно, пристанетъ и весь востокъ. Испрашивая Вашего святого благословенія остаюсь и проч.

5.

Приношу Вамъ, многоуважаемый Батюшка, мое искреннее поздравленіе съ наступающимъ великимъ днемъ Свѣтлаго Христова Воскресенія и прошу Бога, чтобы Онъ за Ваши святыя молитвы принялъ и мои недостойныя, исполненныя сердечныхъ желаній Вамъ всякаго блага. Прошу Васъ также передать мои поздравленія почтеннѣйшему о. игумену*) и тѣмъ изъ св. братіи Вашей, которые соблаговолятъ обо мнѣ вспомнить. Прекрасная икона, присланная мнѣ Вами, почти несходитъ съ глазъ моихъ, и доставляетъ мнѣ много сердечнаго утѣшенія. На дняхъ получилъ я письмо отъ того пріятеля мое-

*) Настоятелю Оптиной Пустыни Моисею.

го (великаго математика и астронома), о которомъ говорилъ съ Вами 3 Февраля въ Оптинѣ, и который имѣлъ странныя мысли о воплощеніи Сына Божія на звѣздахъ. Я сообщилъ ему нашъ разговоръ и Ваши слова, сколько могъ припомнить, и какъ умѣлъ, и теперь, сверхъ всякаго ожиданія моего, онъ пишетъ ко мнѣ, что это сообщеніе произвело на него такое дѣйствіе, что въ невольномъ изліяніи чувствъ во время чтенія онъ мысленно повергался къ стопамъ Вашимъ, и что впечатлѣніе отъ этихъ словъ до самой смерти не изгладится изъ его памяти. Испрашивая Вашихъ св. молитвъ и св. благословенія остаюсь и проч. 18 Апрѣля 1850.

5.

1852. Милостивый Государь, сердечно уважаемый батюшка! Это письмо, вѣроятно, придетъ къ Вамъ въ Свѣтлый праздникъ.. потому прошу Васъ принять мое искреннее поздравленіе вмѣстѣ съ радостнымъ привѣтствіемъ: «Христосъ воскресе!».. я прошу Васъ, милостивый Батюшка, когда Вы будете по благосклонности Вашей ко мнѣ читать статью мою, то возьмите на себя еще и тотъ трудъ, чтобы исправить въ ней то, что Вы найдете требующимъ исправленія. Каждое замѣчаніе Ваше будетъ для меня драгоцѣнно. Въ томъ пропускѣ, который я не могъ прислать къ Вамъ, находятся мои разсужденія о просвѣщеніи западномъ. Я показываю, что оно вышло изъ трехъ источниковъ: изъ Рима языческаго, изъ Римской церкви и изъ насилій завоеванія, и что всѣ три источника эти направляли умъ западнаго человѣка къ наружности и къ предпочтенію разсудка (который разбираетъ внѣшнюю сторону мысли и формальное сцѣпленіе понятій) передъ разумомъ, который стремится къ цѣльной истинѣ. Потому, я

думаю, для Вамъ понятна будетъ моя мысль и не смотря на пропуски.

Для меня же особенно важны будутъ Ваши замѣчанія о томъ, что я говорю о св. отцахъ восточной церкви, и о Россіи, какъ она была въ древнія времена. Хотя я думаю, что говорю истину, однакоже чувствую въ тоже время, что судить объ этомъ могутъ только такіе люди, какъ Вы, А мнѣ не хотѣлось бы сказать ничего неистиннаго или невѣрнаго, особливо объ ученіи св. отцовъ.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ Вамъ я писалъ къ Вамъ о нѣкоторыхъ пустыхъ тревогахъ, которыя были у насъ отъ пустыхъ мыслей. Послѣ письма моего Вамъ, какъ то обыкновенно бываетъ, это безпокойство, благодаря Бога, утихло, — по крайней мѣрѣ, по наружности.

6.

Многоуважаемый Батюшка! Я прочелъ и сличилъ Вашъ переводъ первой главы Исаака Сирина и просмотрѣлъ также Ваши замѣчанія на переводъ Лаврскій, и большую часть изъ нихъ сличилъ съ Паисіемъ. Мнѣ кажется, что почти вездѣ Вы совершенно правы.

Мѣстахъ въ двухъ, и то незначительныхъ, казалось мнѣ, что еще возможно сомнѣніе между Лаврскимъ переводомъ и Вашимъ исправленіемъ. Но вообще я думаю, что Вы были слишкомъ снисходительны къ этому переводу, и въ немъ осталось, сверхъ Вашихъ поправокъ, еще очень многое, требующее исправленія. Очень любопытно мнѣ будетъ слышать мнѣніе митрополита. Ваши рукописи и письмо я доставилъ ему только сегодня, и то черезъ Александра Петровича*). Прежде митрополитъ не принималъ по нездоровью или уѣзжалъ въ Лавру. Теперь же онъ готовится къ завтрашнему

*) Секретарь митрополита.

служенію, и также по причинѣ нездоровья не принимаетъ. Если возможно будетъ мнѣ видѣть его завтра, то я постараюсь представить ему Ваше мнѣніе о словѣ *разумъ* и о переводѣ вообще. Разумѣется слова его тотчасъ же сообщу Вамъ. Между тѣмъ позвольте мнѣ сказать мое мнѣніе о двухъ словахъ въ Вашемъ переводѣ: *созерцаніе* и *доброе*. Для чего Вы предпочитаете слово *созерцаніе* слову *видѣніе* или *зрѣніе?* Первое новое, любимое западными мыслителями, и имѣетъ смыслъ болѣе *разсматриванія*, чѣмъ *видѣнія*. Потому нельзя, напримѣръ, сказать, что умъ отъ состоянія молитвы возвышается *къ степени созерцанія*, также какъ нельзя сказать, что онъ возвышается къ степени *разсматриванія*. Если же одинъ разъ необходимо греческое слово Θеоріа перевести *видѣніе*, то не худо бы, кажется, и всегда одному слову усвоить одинъ смыслъ.

Такимъ образомъ можетъ у насъ составиться вѣрный философскій языкъ, согласный съ духовнымъ языкомъ словенскихъ и греческихъ духовныхъ писателей. Второе слово *доброе*, которое на словенскомъ языкѣ, кажется, значитъ тоже, что на русскомъ *прекрасное*. Вы изволите вездѣ и на русскомъ языкѣ переводить словомъ *доброе*. Отъ этого мнѣ кажется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выходитъ неполный смыслъ. Напримѣръ, въ концѣ 27 слова Исаакъ Сиринъ, кажется, приписываетъ второму чину, разума совершеніе и *добраго* (по естеству) и *изящнаго*. По словенски первое названо *благое*, а второе *доброе*. Поэтому всю дѣятельность изящныхъ искусствъ можно отнести къ области разума этой степени. Если же слово *изящное* или *прекрасное* замѣнить словомъ *доброе*, то весь этотъ смыслъ пропадетъ. Прошу Васъ, милостивый Батюшка, сказать мнѣ, ошибаюсь ли я, и въ этомъ случаѣ простить со свойственнымъ Вамъ благодушіемъ. Осмѣливаюсь же я говорить свои замѣчанія вслѣдствіе Вашего при-

казанія. Посланную къ Вамъ тетрадь русскаго перевода Ѳеоклипта прошу Васъ прочесть и исправить. Языкъ, кажется, хорошъ, но вездѣ ли вѣрно переведено, не знаю. Послѣ Вашего исправленія мнѣ бы хотѣлось Кошаровскому и еще кой-кому не могущему читать по-словенски, чтобы они получили какое-нибудь понятіе о томъ ученіи нашей церкви, которое незнакомо западу. Письмо это, начатое 21, окончено 22 Августа. Думаю нынѣ около 5 часовъ поѣхать къ митрополиту. Испрашиваю Вашихъ св. молитвъ и св. благословенія...

7.

... У митрополита я былъ на другой день послѣ того, какъ доставилъ ему Ваши рукописи. Онъ въ этотъ день служилъ, не смотря на зубную боль, и рукописей разсмотрѣть еще не успѣлъ, а только взглянулъ на нихъ, и изъ того, что видѣлъ, замѣтилъ многое такое, въ чемъ неправильность перевода Лаврскаго бросается въ глаза. «Очень бы жаль было, сказалъ онъ, если бы съ этими ошибками рукопись пошла въ печать. Но о другихъ замѣчаніяхъ оптинскихъ я еще ничего не могу сказать, покуда не сличу съ подлинникомъ».

О словѣ *разумъ* онъ тоже сказалъ, что ничего не можетъ сказать, не сличивши съ греческою книгою. Когда же я сказалъ ему, что по всей вѣроятности это по гречески *гнозисъ*, то онъ отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ мудрено переводить иначе, какъ *вѣдѣніе*. Впрочемъ, надобно справиться съ текстомъ. О 17 словѣ, въ которомъ выражается понятіе того времени объ устройствѣ солнечной системы, Владыка сказалъ, что, кажется, примѣчанія къ тому мѣсту не нужно. Но болѣе объ этомъ не распространялся. Когда же я сказалъ ему, что въ той же главѣ есть

мѣсто темное, которое даже и Васъ затрудняетъ, то онъ пошелъ за книгой, принесъ тотъ самый экземпляръ, который онъ, еще бывши архимандритомъ, нашелъ въ библіотекѣ Амвросія и попросилъ себѣ, и прочелъ то мѣсто, о которомъ шла рѣчь, и задумался. — «Какъ Ваше Высокопреосвященство изволите понимать это?» спросилъ я. «А вотъ, отвѣчалъ онъ, показывая на поле книги, когда я еще въ первый разъ читалъ это, то поставилъ вопросительный знакъ, который стоитъ еще и теперь.»

Тогда я сказалъ ему, какъ покойный о. Филаретъ объяснялъ это мѣсто, какъ относящееся къ Михаилу Архангелу. Я только хотѣлъ сказать это самъ, прервалъ онъ меня. «Если таково было мнѣніе о. Филарета, и такое же Вашего Преосвященства, сказалъ я, то для меня кажется уже нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ значеніи этого мѣста». Сейчасъ перерываютъ меня. Прошу Вашихъ св. молитвъ и св. благословенія. 26 Авг.

8.

Искренно любимый и уважаемый Батюшка! Еще нынѣшнею весною зашелъ ко мнѣ одинъ разъ старинный мой знакомый, нѣмецкій пасторъ Зедергольмъ, и привелъ ко мнѣ познакомить своего сына Карла, который тому года два вышелъ изъ университета однимъ изъ первыхъ кандидатовъ и о которомъ его отецъ говоритъ, что онъ былъ бы дѣльнѣе другихъ его дѣтей, если бы только не былъ слабаго здоровья. Этотъ молодой человѣкъ вскорѣ послѣ перваго знакомства открылся мнѣ, что чувствуетъ превосходство нашего вѣроисповѣданія передъ лютеранскимъ и даже не прочь отъ того, чтобы принять нашу вѣру. Однакоже онъ это надѣется сдѣлать современемъ, а прежде отправляется въ Смоленскую губернію на нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ думаетъ ѣхать путешествовать въ Грецію и можетъ быть

тамъ совершитъ это дѣло. Я совѣтовалъ ему это дѣло не откладывать, если онъ уже убѣжденъ, а лучше поѣхать въ Грецію уже православнымъ. Но чтобы болѣе узнать нашу церковь и окончательно укрѣпить свои убѣжденія, я совѣтовалъ ему поѣхать въ Вамъ въ Оптинъ. Онъ принялъ мой совѣтъ и хотѣлъ поѣхать въ Вамъ послѣ пребыванія въ Смоленской губерніи, а между тѣмъ будетъ подготовлять свое семейство къ этому поступку, который тѣмъ тяжелѣе долженъ быть для его отца что онъ самъ пасторъ, и кромѣ того еще страдалъ за свою вѣру, ибо отставленъ отъ своихъ должностей именно за то, что въ проповѣдяхъ своихъ не совѣтовалъ нѣмцамъ перемѣнять свою вѣру на нашу..

Теперь, тому дней десять, онъ возвратился изъ Смоленской губерніи и сообщилъ мнѣ, что отецъ его, наконецъ, если не благословляетъ его на это дѣло, то и не противится ему, но предоставляетъ полную свободу поступить по своему убѣжденію, требуя только, чтобы онъ прежде повидался съ нимъ въ деревнѣ близъ Серпухова, гдѣ онъ проводитъ лѣто.

Потому молодой Зедергольмъ хотѣлъ ѣхать къ отцу, а потомъ къ Вамъ. Но между тѣмъ, оставаясь еще нѣсколько дней въ Москвѣ, просилъ меня познакомить его съ какимъ нибудь русскимъ священникомъ, который бы могъ приготовить его еще прежде Оптина и по знакомству съ которымъ онъ могъ бы сколько-нибудь узнать хорошую сторону нашего бѣлаго духвенства. Я назвалъ ему Сергѣя Григорьевича Терновскаго, какъ человѣка, котораго я хотя мало знаю лично, но о которомъ я слышалъ много хорошаго, и который вѣрно не откажется заняться съ нимъ. Въ этомъ смыслѣ я написалъ Сергѣю Гр...чу письмо, которое онъ доставилъ самъ. Сер. Гр. точно занялся съ нимъ нѣсколько разъ и произвелъ на него хорошее дѣйствіе; однакоже мнѣ

поручилъ сказать съ Облецковымъ, что почитаетъ лучшимъ кончить это дѣло здѣсь, а не ѣздить къ отцу, ни въ Оптинъ.

Однако-же молодой человѣкъ не могъ и не хотѣлъ измѣнять своего обѣщанія, даннаго имъ отцу, видѣться съ нимъ прежде, чѣмъ совершить этотъ великій и невозратный шагъ, и потому отправился въ Серпуховъ вчера. Оттуда же онъ поѣдетъ черезъ недѣлю къ Вамъ, если найдетъ, что не затруднительно проѣхать изъ Серпухова въ Калугу. Въ противномъ же случаѣ онъ воротится въ Москву и окончитъ уже дѣло это здѣсь, а къ Вамъ поѣдетъ послѣ поговѣть и познакомиться съ Вами, многоуважаемый Батюшка, и видѣть обитель Вашу, и между прочимъ познакомится съ о. Іоанномъ*), о которомъ я ему говорилъ, какъ о человѣкѣ, который находился нѣсколько въ подобныхъ ему обстоятельствахъ. Я не боялся затруднить Васъ этимъ, батюшка, ибо дѣло идетъ о спасеніи души. Можетъ быть, то, *какимъ образомъ*, съ какой полнотой убѣжденія совершитъ онъ этотъ рѣшительный шагъ, рѣшитъ судьбу всей остальной его жизни. Можетъ быть, отъ этого и для другихъ, его поступокъ будетъ или камнемъ назиданія, или претыканія. Если же я въ этомъ случаѣ поступилъ не такъ, какъ должно было, то прошу Васъ простить мнѣ. Съ истиннымъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностью, испрашивая Вашихъ молитвъ и благословенія, имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугой и духовнымъ сыномъ И. К. 28 Іюля 1853 г.**)

*) Перешедшимъ изъ раскола въ Православіе.

**) Настоящее письмо интересно тѣмъ, что описываетъ первые шаги обращенія въ Православіе К. К. Зедергольма, впослѣдствіе іеромонаха Оптинскаго Скита, письмоводителя старца Амвросія и составителя жизнеописанія старца Льва, о. Климента. Замѣчательная переписка о. Климента съ его отцомъ по поводу его перехода въ Православіе была издана Оптиной Пустынью.

Искренно любимый и безпредѣльно уважаемый Батюшка!... Въ трехъ отпечатанныхъ листахъ Максима Исповѣдника Вы изволите усмотрѣть многія перемѣны противъ рукописи. Изъ нихъ, тѣ, которыя сдѣланы въ толкованіи на Отче нашъ, кажутся мнѣ совершенно согласными съ смысломъ перевода С. Паисія и много объясняющими темноту нѣкоторыхъ реченій. Также и примѣчанія нѣкоторыя мнѣ кажутся весьма драгоцѣнными; напрм. примѣчаніе на стр. 16. и на стр. 25. Въ рукописи нѣкоторыя слова были поправлены рукою самого М-та. Видно, что онъ занимался этимъ дѣломъ. Но послѣ того, какъ рукопись была у митрополита, Голубинскій сдѣлалъ нѣкоторыя прибавленія, и кажется напрасно. Напр. онъ вставилъ въ текстъ слова на 16-й стр.: «глаголя: да пріидетъ Духъ Твой Святый и да очиститъ насъ». Что было драгоцѣнное поясненіе въ примѣчаніи, то дѣлается порчей книги, когда вставляется въ текстъ и приписываются святому писателю такія слова, которыхъ онъ не говорилъ. Но съ этимъ было дѣлать нечего. Однако-же другую вставку я взялъ на себя смѣлость вычеркнуть, потому что мнѣ кажется, что она можетъ навести на ложное пониманіе. Голубинскій взялъ ее изъ рукописи латинской, изданной Бернардинскими монахами. Для чего же изъ этихъ латинскихъ изданій брать речѐнія, которыхъ нѣтъ въ переводѣ Паисія и приписывать ихъ Паисію? Это реченіе, о которомъ я говорю, находится на стр. 29. У Паисія было сказано: *ниже яко иною ину; не бо по производству отъ Единицы Троица, небытна (несозданна) суща и самоизъявлена.* Голубинскій поправилъ: *ниже видѣти яко ину чрезъ ину; небо посредствуется коимъ либо соотношеніемъ тожде-ственное и безотносительное, аки бы произведеніе*

къ вины своей относящееся: ниже яко отъ иныя вину: не бо по производству отъ Единицы Троица, незаимствовано бытіе имуща и самоизъявлена суща: здѣсь, какъ Вы изволите видѣть, слова, подчеркнутыя два раза*) у Паисія не находятся, а вставлены Голубинскимъ изъ латинскаго изданія. Но державши корректуру, я думалъ, что мы не имѣемъ права приписывать Паисію то, что онъ не писалъ, и что сомнительно даже, написалъ ли бы онъ и было ли въ какомъ либо текстѣ Максима; ибо латинскіе монахъ въ такихъ случаяхъ не знаютъ совѣсти и легко присочиняютъ реченіе, чтобы приводить его въ подтвержденіе противъ ученія о Единой Винѣ Св. Троицы. Основываясь на этомъ чувствѣ, я вычеркнулъ слова, прибавленныя Голубинскимъ. Онъ можетъ ихъ поставить въ опечаткахъ, если захочетъ. Но Васъ, батюшка, прошу сказать мнѣ, такъ ли я поступилъ, или слишкомъ самовольно.

Въ другомъ же писаніи св. Максима, въ Словѣ Постническомъ, Голубинскій многое перемѣнилъ въ рукописи и, кажется, очень часто напрасну, а иногда даже поставилъ и смыслъ (какъ мнѣ кажется) неправильный; дѣлать было нечего. Потому, кажется, что рукопись была написана дурнымъ почеркомъ и съ ошибками грамматическими, онъ предубѣдился противъ всего сочиненія и увѣрился, что это переводъ не Паисія, а какого-то переводчика неопытнаго ни въ греческомъ, ни въ русскомъ языкѣ. Мнѣ же кажется, что онъ ошибается, и что переводъ носитъ характеръ Паисіевской системы, *до слова*, и что поправки Голубинскаго не совсѣмъ удачны. Напр. слово: *смотрѣніе* онъ напрасно замѣняетъ словами *цѣль* или *намѣреніе*, мысль, что Господь *терпѣлъ дѣйствія лукаваго изъ любви къ людямъ*,

*) Въ настоящемъ изданіи подчеркнутое одною чертой.

которыми тотъ дѣйствовалъ, Голубинскій неправильно, кажется, замѣнилъ другою мыслью, говоря, что Господь *наказывалъ лукаваго любовію къ людямъ*. Не это, кажется, есть то наказаніе, которое опредѣлено лукавому. Тамъ многое Голубинскій измѣнилъ по своему предубѣжденію. Все однако-же эта брошюрка, съ двумя писаніями св. Максима, есть по моему мнѣнію одна изъ самыхъ глубокомысленныхъ или самыхъ важныхъ, или самыхъ полезныхъ книгъ, которыя когда либо были у насъ печатаны.

На 15 стр. сдѣлана одна непростительная опечатка Греческаго Слова, и потому эта страничка будетъ перепечатываться. Въ Исаакѣ Сиринѣ мнѣ кажется очень нужно сдѣлать еще предисловіе отъ Васъ, въ которомъ сказать, что Паисій, желая придать возможную ясность своему переводу, не нарушая его буквальной вѣрности, обозначалъ въ своихъ рукописяхъ различнаго рода точками различныя отношенія между словами, которыя въ греческомъ языкѣ очевидны сами собою, въ словенскомъ сами собою не выражаются.

О значеніи этихъ точекъ Паисій распространяется подробно въ концѣ своего предисловія, что русскіе издатели не почли за нужное повторять, ибо въ предлагаемомъ изданіи объясненіе посредствомъ надсловныхъ точекъ замѣнено объясненіями внизу страницы. Такого рода предисловіе, мнѣ кажется необходимо сдѣлать для того, чтобы во 1-хъ оправдать Паисія, котораго разсужденія о различіи языковъ греческаго и словенскаго иначе покажутся ни къ чему не ведущими, а во 2-хъ для того, чтобы оправдать себя: ибо печатая предисловіе Паисія, и выбросивъ изъ него что-либо, нельзя неоговориться въ этомъ дѣйствіи, чтобы избѣгнуть упрека въ невѣрности и въ неполнотѣ изданія. Это предисловіе можно будетъ напечатать послѣ Паисіевскаго и передъ его жизніію. И. К. 8 окт. 1853.

Искренно любимый и безпредѣльно уважаемый Батюшка! Это письмо, вѣроятно, Вы получите въ день Свѣтлаго праздника: прошу Васъ принять мое искреннее поздравленіе вмѣстѣ съ сердечнымъ подтвержденіемъ радостной и всегда новой вѣсти: Христосъ воскресе! Печатаніе Исаака Сирина, слава Богу, окончено; но по неисправности типографіи не могли мы до сихъ поръ получить готовыхъ экземпляровъ для посылки къ Вамъ. Къ тому же въ послѣднемъ листѣ, который печатался (это былъ конецъ оглавленія), сдѣланы нѣкоторыя очень непріятныя ошибки, а именно счетъ страницъ перепутанъ (вмѣсто XXV, XXVI и проч. поставлено V, VI и проч); и кромѣ того нѣкоторыя ошибки въ словахъ: вмѣсто «находящихся» — «находятся» и т.п. Такъ какъ этотъ листъ уже былъ отпечатанъ, но не разосланъ, то мы велѣли поправить и напечатать еще 600 экземпл. правильно. А для остальныхъ, неправильныхъ, поставить исправленіе въ опечаткахъ, которыя были только до половины завода отпечатаны, когда мы открыли эти неисправности. Если же бы всѣ перепечатывать, то книга не вышла бы къ празднику, кромѣ того, что стоило бы дорого. А требовать, чтобы это было сдѣлано насчетъ наборщика и корректора, ибо они въ этомъ случаѣ виноваты и по закону должны отвѣчать, — этого сдѣлать мы не рѣшились.

Впрочемъ, если Вы прикажете, то и послѣ праздниковъ можно будетъ перепечатать одинъ листъ. Вотъ, уже вторая Пасха наступаетъ съ тѣхъ поръ, какъ мы надѣялись праздновать ее подъ звонъ большого колокола Софіи. Видно, времена начинаются труднѣе, чѣмъ мы предполагали. Парижскій Архіерей открыто говорилъ въ рѣчи своей, что война не за турокъ, а противъ восточной Церкви, и что прежніе

крестовые походы были не противъ магометанъ,а противъ раскольнической церкви, какъ они называютъ нашу святую, православную Церковь. Въ самомъ дѣлѣ, похоже что-то на послѣднія времена, какъ они предсказаны въ Апокалипсисѣ... И. К. 9 Апрѣля 1854 г.

11.

Искренно любимый и уважаемый батюшка! Вы пишете, что страдаете отъ безсонницы и что уже четыре ночи не можете совсѣмъ заснуть...Я думаю и то, что сонъ Вашъ отнимаютъ заботы о насъ всѣхъ грѣшныхъ, которые съ нашими страданіями и грѣхами къ Вамъ относимся. Вы думаете, какъ и чѣмъ пособить требующимъ Вашей помощи, и это отнимаетъ у Васъ спокойствіе сердечное, но подумайте, батюшка, что душевное здоровье всѣхъ насъ зависитъ отъ Вашего тѣлеснаго. Смотрите на себя, какъ на ближняго. Одного вздоха Вашего обо всѣхъ насъ вообще къ Милостивому Богу довольно для того, чтобы Онъ всѣхъ насъ прикрылъ Своимъ теплымъ крыломъ. На этой истинной вѣрѣ почивайте, милостивый батюшка, на здоровье всѣмъ намъ. Отгоните отъ себя заботныя мысли, какъ враговъ, не только Вашего, но и нашего спокойствія, и ложась на подушку поручите заботы о насъ Господу, который не спитъ. Ваша любовь, не знающая границъ разрушаетъ тѣло Ваше... Прошу Васъ благословить меня написать и окончить сочиненіе, и чтобы оно было на пользу другимъ и мнѣ самому. Мнѣ хочется обозначить незамѣтныя нити, которыми связываются наши понятія религіозныя со всѣми другими понятіями нашими о наукахъ и о жизненныхъ отношеніяхъ, и показать, какія понятія соотвѣтствуютъ исповѣданію латинскому и какъ изъ него произошли, какія соотвѣтствуютъ протестантскимъ... (неокончено).

Искренно любимый и уважаемый Батюшка! Я до сихъ поръ не могъ собраться съ духомъ, чтобы отвѣчать Вамъ на письмо Ваше отъ 1 Іюня, въ которомъ Вы изволите отказывать мнѣ въ благословеніи, просимомъ мною на возобновленіе оставленнаго куренія табаку, ибо, признаюсь Вамъ, отказъ этотъ глубоко меня огорчилъ и поставилъ въ очень затруднительное положеніе. Съ одной стороны я чувствую необходимость возвратиться умѣренно къ старой неумѣренной привычкѣ, слишкомъ закоренѣлой и слишкомъ рѣзко прерванной, съ другой, я знаю что и самая полезная вещь, сдѣланная противъ Вашего благословенія, должна мнѣ обратиться во вредъ. Потому, прежде чѣмъ рѣшусь на что-нибудь, прошу милостиво обратить еще разъ вниманіе на этотъ предметъ, который не такъ ничтоженъ для меня, какъ можетъ казаться. Прежде всего прошу Васъ припомнить, милостивый батюшка, что при самомъ начальномъ рѣшеніи моемъ оставить куреніе, *я ясно и опредѣлительно оговаривался противъ всякаго заклятія или обѣта*, оставлять куреніе навсегда.

Я даже рѣшительно не принялъ Вашего благословенія, когда Вы мнѣ хотѣли дать его на совершенное оставленіе трубки навсегда. Потому въ этомъ отношеніи я не могу почитать себя ничѣмъ связаннымъ. Оставлялъ же я куреніе не по причинѣ физическаго здоровья моего. Ибо не смотря на всю неумѣренность моей привычки, я не замѣчалъ отъ нея никакого вреда. Къ тому же эта привычка была такъ сильна, что кажется, я не нашелъ бы силъ въ себѣ оставить ее для такой бѣдной причины, каково физическое здоровье. Я курилъ съ 13 лѣтняго возраста до 46 лѣтъ безпрерывно и такъ много, какъ можетъ быть, никто, кромѣ меня, не курилъ. Я ни на минуту не дышалъ другимъ воздухомъ, кромѣ

табачнаго дыма. Ночью, когда просыпался на 10 минутъ, то закуривалъ трубку и спалъ съ нею. Днемъ ни при какихъ занятіяхъ не оставлялъ ее. Я не ѣздилъ въ тѣ дома, гдѣ не могъ курить. Если же въ рѣдкіе случаи когда-нибудь долженъ былъ оставаться безъ трубки, то не только физически страдалъ, но и умъ мой былъ связанъ, мысли не двигались свободно и память ослабѣвала. Такъ постоянно я возбуждалъ свои нервы табачнымъ дымомъ въ продолженіе болѣе 30 лѣтъ. Наконецъ, послѣ болѣзни, въ которой я курить не могъ, я вознамѣрился воздержаться отъ трубки, съ тою мыслью, что дыханіе чистымъ воздухомъ, можетъ быть, будетъ полезно для внутренней дѣятельности ума моего, тѣмъ болѣе, что и Вы и митрополитъ и другіе старцы говаривали противъ излишняго и неумѣреннаго моего куренія; а мнѣ казалось легче совсѣмъ прервать привычку, чѣмъ ограничить ее умѣренностью. Но о физическомъ здоровьѣ при томъ я почти не думалъ. Теперь же послѣ двухлѣтняго опыта я вижу, что ошибся въ своемъ ожиданіи. Моя привычка была такъ сильна, что уже обратилась мнѣ въ природу. То состояніе умственной сдавленности, которое я испытывалъ прежде, когда на время оставилъ трубку и теперь, послѣ двухъ съ лишкомъ лѣтъ чувствуется мною, я нахожусь обыкновенно въ состояніи человѣка, на котораго, какъ говорится, нашелъ тупикъ. Я затрудняюсь въ мысленныхъ движеніяхъ. Часто ищу самого обыкновеннаго слова. Иногда, начиная говорить, я съ трудомъ удерживаю въ памяти конецъ того, что хочу сказать. Иногда замѣчаю, что посреди разговора и задумался, не отъ увлеченія какой-либо сильной мыслью, а отъ слабости, съ которою переворачиваю обыкновенныя. Ежедневно почти собираясь писать задуманное сочиненіе, я до сихъ поръ не написалъ ничего, съ трудомъ собирая мысли.

Но въ тоже время, какъ умственная моя дѣятельность слабѣла, страстная сдѣлалась еще раздражительнѣе. Вотъ причины, милостивый Батюшка, по которымъ я вознамѣрился опять возвратиться къ куренію, тѣмъ болѣе, что надѣюсь послѣ двухлѣтняго воздержанія Господь дастъ мнѣ силы сохранить ся въ границахъ умѣренности, при помощи Вашей св. молитвы. Но не только это, я ничего не хотѣлъ бы сдѣлать важнаго безъ Вашего благословенія, отъ того и просилъ Вашей милости и теперь усердно прошу, т. е. св. благословенія Вашего, но не разрѣшенія, ибо не считаю себя въ этомъ дѣлѣ связаннымъ.

Если же мой умъ и память ослабѣли не отъ рѣзкаго перелома 30-лѣтней привычки, но независимо отъ того, какъ прежде, наказаніе Божіе за худое употребленіе Его даровъ, и при возобновленіи куренія не возвратится въ прежнюю живость, то умоляю Васъ, милостивый Батюшка, помолиться обо мнѣ, чтобы Господь простилъ грѣхи мои. Съ нетерпѣніемъ ожидая отвѣта Вашего и испрашивая Вашихъ св. молитвъ, остаюсь преданный Вамъ...

13.

Многоуважаемый и сердечно любимый Батюшка! Я думаю въ началѣ наступающаго поста, если Богу будетъ угодно, говѣть... Прошу Васъ милостиво благословить на это дѣло, и помолиться, чтобы Господь сподобилъ неосужденно и на пользу души и на укрѣпленіе въ добромъ дѣйствованіи и внутренней жизни сообщиться Его святыхъ и животворящихъ Таинъ. Прошу Васъ также помолиться Господу и о томъ, чтобы дѣло рекрутства, которое теперь, по моему предписанію, совершается въ Долбинѣ, было исполнено безъ несправедливости, съ возможно меньшимъ зломъ и вредомъ для несчастныхъ се-

мействъ и для имѣнія. Это лежитъ у меня на совѣсти, потому что я самъ не могъ поѣхать туда..

Ежедневно, и въ день нѣсколько разъ чувствую я Ваше видимое заступленіе передъ Господомъ за меня грѣшнаго и недостойнаго. Въ тревожныя минуты я молюсь Вашими молитвами, и при многихъ искусительныхъ мысляхъ, мысль о Васъ останавливаетъ дурное направленіе моей воли. Помолитесь, чтобы Господь очистилъ меня отъ грѣховъ моихъ милосердіемъ Своимъ, и пошлите мнѣ Ваше святое благословеніе. Съ глубочайшимъ почтеніемъ пребуду Вашъ слуга и духовный сынъ. И. К. 27 Іюля 1854.

14.

Многоуважаемый и искреннолюбимый Батюшка! Глубоко тронули меня разсказы Нат. Петр. о тѣхъ отеческихъ ласкахъ, которыми Вы такъ щедро и милостиво осыпали ее, во время ея пребыванія у Васъ. Не нахожу словъ, чтобы выразить Вамъ мои чувства. Но особенно желалъ бы высказать Вамъ благодарность мою за Ваше милостивое воспоминаніе обо мнѣ и за прекрасную икону Успенія Божьей Матери, которою Вы благословили меня, лишивъ себя этого прекраснаго изображенія Кіевской чудотворной иконы. Въ моихъ сердечныхъ глазахъ она будетъ имѣть особенно высокую цѣну отъ того, что дана мнѣ Вами. Мои молитвы къ Святой и Милосердной Царицѣ Небесной будутъ, можетъ быть, менѣе недостойными ея милосердія, руководимыя мыслію о Вашемъ споспѣшествующемъ посредничествѣ.

Отъ самой глубины души благодарю Васъ. Не малымъ также утѣшеніемъ и ободреніемъ будетъ мнѣ мысль, что надъ ней работалъ, конечно, съ молитвеннымъ доброжелательствомъ, Вашъ достойный

ученикъ, высокоуважаемый мною о. Іоаннъ. Прошу Васъ взять на себя трудъ передать ему искреннюю благодарность, тѣмъ болѣе, что онъ работалъ надъ иконою еще съ больною рукою. Очень желаю, чтобы эта христіанская услуга ему не повредила здоровья. Прошу Васъ также передать мое почтеніе многоуважаемому Льву Александровичу и о. Амвросію.

Примите увѣренія... и проч. И. К. 21 октября 1854 г.

15.

Многоуважаемый и искренно любимый Батюшка! Митрополитъ взялъ у меня для просмотра нѣкоторыя рукописи изъ представленныхъ въ цензуру, т.е. сотницы Аввы Ѳалассія и главы Каллиста Антиликуды. Вчера я былъ у него съ Зед-рг-омъ, желавшимъ получить его благословеніе, и онъ между прочимъ сказалъ мнѣ, что прочиталъ сотницы А. Ѳалассія и думаетъ, что они должны бы быть изданы особою книжкою, что въ нихъ много полезнаго, но что читатели вообще лѣнивы на духовное чтеніе и большой книги испугаются, а маленькую скорѣе прочтутъ. Но что въ переводѣ есть много темнаго, и онъ желалъ бы, чтобы вы поступили съ нимъ также, какъ съ книгою Исаака Сирина, т.е. приказали бы переписать ее четкимъ шрифтомъ и, сличивъ съ подлинникомъ, приложили бы краткія поясненія внизу страницы, а гдѣ найдутся явныя ошибки, переписчика Словенской рукописи или переводчика, тамъ поправили бы въ самомъ текстѣ. Вообще кажется онъ очень доволенъ изданіемъ Исаака Сирина и желалъ бы, чтобы и другія книги были изданы такимъ же образомъ. Что же касается до Каллист. Антиликуды, то онъ еще не успѣлъ прочитать, а только началъ, и судя по началу сомнѣвается, полезно ли будетъ его напечатать, потому что онъ кажется ему очень

трудень для пониманія, мысли сжаты и собраны многія въ одинъ клубокъ такъ, что не каждый распутаетъ ихъ. Я не знаю, прибавилъ онъ, для чего печатать много: не лучше ли ограничиться немногимъ, явнополезнымъ.

Свѣтская литература представляетъ намъ невыгоды многаго печатанія.

Тамъ врагъ человѣческаго рода постарался устроить такъ, что хорошія книги задавлены грудою безполезныхъ такъ, что до нихъ и не доберешься. Не надобно ли остерегаться, чтобы и духовная литература не подверглась такой же участи? Я отвѣчалъ ему, что Ваше желаніе преимущественно то, чтобы изданы были рукописи, переведенныя старцемъ Паисіемъ, какъ человѣкомъ, который, бывши глубоко знакомъ съ духовною литературою, выбиралъ изъ всѣхъ книгъ самыя полезныя. Но на этомъ мѣстѣ нашъ разговоръ былъ прерванъ пріѣхавшими посторонними посѣтителями и я спѣшу покуда сообщить его Вамъ, чтобы знать Вашъ отвѣтъ объ А. Ѳалассіи прежде, чѣмъ буду у св. Владыки. При этомъ случаѣ и спрашиваю Вашихъ св. молитвъ и благословенія... И.К. 5 ноября 1854 г.

16.

Многоуважаемый и искренно любимый Батюшка! Нат. Петр. сообщила мнѣ письмо Ваше къ ней отъ 6 ноября, въ которомъ Вы изволите писать о Максимѣ Исповѣдникѣ, и я вижу изъ Вашихъ словъ мое крайнее неразумѣніе въ пониманіи этого высокаго духовнаго писателя и прошу Васъ простить меня въ этомъ. Я полагалъ, что главная трудность въ пониманіи его писаній заключается не столько въ духовной высотѣ, сколько въ формахъ языка, занятыхъ, какъ я думалъ, у философскихъ системъ

того времени, и особенно новоплатониковъ. Вотъ почему я такъ былъ дерзокъ, что осмѣлился предложить Вамъ даже свои услуги въ дѣлѣ перевода предполагая въ мѣстахъ неудобопонятныхъ искать объясненій въ философскихъ терминахъ и оборотахъ мыслей древнихъ школъ,. Но по истинѣ, батюшка, я думалъ только о буквальномъ смыслѣ, а не о духовномъ, и если бы зналъ, что дѣло идетъ о послѣднемъ, то не смѣлъ бы предложить своего участія. Я очень хорошо знаю и глубоко чувствую какъ слѣпъ я въ этомъ послѣднемъ отношеніи и не только тамъ, гдѣ мысль выражена неясно, но даже и тамъ, гдѣ она сказана просто и удобопонятно даже для дѣтей, какъ напр. въ Евангеліи,—я безпрестанно нахожу для себя темноты, которыхъ не могу проникнуть, и въ этихъ случаяхъ обыкновенно рѣшаю мои недоумѣнія предположеніемъ просить объясненія у Васъ; хотя въ тоже время чувствую, что даже и Ваши объясненія могутъ только указать, *куда* смотрѣть, а не дадутъ *глазъ*, которыми видѣть. Что же касается до того высшаго умозрѣнія, о которомъ Вы пишете, и которое открывается по дѣяніи, — то кому же дастъ его Господь, если не Вамъ?

Это умозрѣніе жизненное и живое, которое горитъ, какъ свѣча передъ Господомъ, и освѣщаетъ все вокругъ себя и зажигаетъ свѣтильникъ въ чистыхъ лампадахъ Васъ окружающихъ, — это свѣтъ, на который мы, далекіе отъ Васъ, смотримъ съ благоговѣніемъ и любовью, какъ на Божій даръ, посланный Имъ на пользу, вразумленіе и утѣшеніе людей, Вамъ современныхъ. Потому простите меня, Батюшка, если я думаю, что св. Максимъ едва ли говорилъ такія вещи, которыя въ духовномъ смыслѣ могли бы быть для Васъ невразумительными; хотя въ смыслѣ буквальномъ и наружно философскомъ онъ сказалъ многое такое, что можетъ быть и навсегда и для

всѣхъ останется не вполнѣ объясненнымъ. Впрочемъ опять повторяю, что не понимая въ этомъ дѣлѣ почти ничего, я вполнѣ покоряю мое сужденіе Вашему и прошу меня простить за мое безразсудное мнѣніе... И. К. 13 ноября 1854 г.

17.

Многоуважаемый и искренно любимый Батюшка! Я имѣлъ счастіе получить Ваше письмо отъ 9 ноября, въ которомъ Вы изволите писать, что съ главами Каллиста, кажется, надобно будетъ поступить также, какъ со стишною книгою св. Симеона Новаго Богослова, потому что эти главы не для всѣхъ понятны. Признаюсь Вамъ, милостивый батюшка, что мнѣ было бы крайне жаль, если бы это случилось. Слова Марка Подвижника еще менѣе понятны и потому также не для всѣхъ доступны; но за то для тѣхъ, кто можетъ ими пользоваться, они могутъ объяснить многое существенное и оградить ихъ понятія отъ западныхъ лжетолкованій. Тѣ-же, кто поймутъ, могутъ передать другимъ. Вы сами тоже желали напечатать Каллиста. Митрополитъ же, когда говорилъ о немъ, еще не прочелъ его, а только началъ читать. Къ тому-же, неговоряуже о другихъ достоинствахъ, эта книга важна уже и потому, что она не находится ни на какихъ другихъ языкахъ, и даже издателю греческой филокаліи была неизвѣстна, какъ видно изъ тѣхъ главъ Каллиста Катафигіота, которыя тамъ напечатаны, и о которыхъ сказано: *оставшіяся или уцѣлѣвшія изъ писаній Каллиста*. Печатать же одно общепонятное и, слѣдовательно, общеизвѣстное имѣетъ, кажется, тоже свой вредъ, Многіе именно отъ того не берутся за наши духовныя книги, а ищутъ иностранныхъ, что наши по большей части повторяютъ всѣмъ

извѣстныя истины, которыя можно знать и не читая, говорятъ они. Простите меня, батюшка, что я взялъ смѣлость сказать Вамъ это мнѣніе мое, къ которому, впрочемъ, нужнымъ считаю прибавить, что я не съ тѣмъ выразилъ его, чтобы имѣть вліяніе на Ваше; я далекъ отъ такой самонадѣянности; но только хотѣлъ высказать то, что у меня было на сердцѣ... И. К. 16 ноября 1854 г.

18.

Благодарю Васъ, милостивый Батюшка, что вы вспомнили обо мнѣ въ день моего рожденія. Благословите меня хотя въ этомъ 50-мъ году моей жизни начать жить лучше и цѣльнѣе, и помолитесь обо мнѣ. Такъ какъ до сихъ поръ еще не полученъ Алфавитъ къ книгѣ Варсануфія, то, можетъ быть, въ немъ можно еще сдѣлать вставки. Потому прошу Васъ обратить вниманіе на то, не полезно ли будетъ въ Алфавитѣ указать на тѣ мѣста, которыя относятся къ *Іисусовой непрестанной молитвѣ?*

Такъ какъ есть нѣкоторые изъ западныхъ, которые отвергаютъ древность этой молитвы, то, кажется не худо было бы во всѣхъ древнихъ св. отцахъ указать на тѣ мѣста, которыя прямо или подразумѣвательно къ ней относятся. У Варсануфія, сколько я нашелъ, сюда можно отнести отвѣтъ 39 о призваніи имени Іисусова при каждомъ искушеніи. Отвѣтъ 126, должно ли поучаться въ Божественномъ Писаніи, или въ Іисусовой молитвѣ: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя. Отвѣтъ 423, о томъ, что имя Божіе должно призывать во время искушеній, что непрестанное именованіе Бога есть не только врачеваніе страстей, но и дѣянія, и что какъ лѣкарство дѣйствуетъ на больного непонятнымъ для него образомъ, такъ и призваніе

имени Божія убиваетъ страсти образомъ, намъ невѣдомымъ: Отвѣтъ 424, что имя Іисусово должно призывать не только во время искушеній, но и тогда, когда повидимому помыслы безмолствуютъ и сердце мирно, и что непрестанное призываніе имени Божія есть собственно молитва.

425, что призываніе имени Божія отгоняетъ злые помыслы, возникающіе во время псалмопѣнія, или молитвы, или чтенія. (Слѣдовательно, молитва Іисусова не должна останавливаться во время произнесенія другихъ молитвъ. Тоже сказалъ о. Серафимъ о. Архимандриту). 429, не только призываніе имени Божія устами, но и воспоминаніе Его въ сердцѣ, таже молитва, ибо Богъ сердцевѣдецъ и внимаетъ сердцу. Затворяющій уста и именующій Бога въ сердцѣ исполняетъ заповѣдь, глаголющую: «Затвори двери твоя и помолися Отцу Твоему, иже въ таіищѣ» и проч.

430, углубляться молитвою въ сердце, не произнося слова, приличио только совершеннымъ,могущимъ управлять свой умъ, не совращаясь въ мечтанія. Начинающій же такое художество, какъ не умѣющій плавать по глубокому морю, долженъ, когда ощутитъ глубину, выходить на берегъ, и, отдохнувъ, опять пускаться въ пучину, покуда совершенно познаетъ художество сего плаванія и достигнетъ въ силу вѣдущихъ. И еще есть много мѣстъ, которыя сюда же относятся, но я ихъ теперь не умѣлъ найти. Если вы одобрите это, то можно будетъ эту вставку въ Алфавитъ послать особенно къ цензору... И. К. 22 Марта 1855 г.

19.

Отъ всей души благодарю Васъ, сердечно любимый и безпредѣльно уважаемый Батюшка, за милостивое писаніе Ваше и за Ваше истинно отечское участіе...

Сегодня, передъ тѣмъ, какъ хотѣлъ писать къ Вамъ, прочелъ случайно въ церковной исторіи, какъ Григорій Двоесловъ разсказываетъ, что у одного плѣнника свалились цѣпи въ ту минуту, какъ за него въ отдаленіи вынимали части въ литургіи. Потому, припадая къ стопамъ Вашимъ, прошу Васъ помолиться за В. и вынуть за него часть. Ему очень трудно и тяжело и отъ положенія своего, и отъ характера, и, можетъ быть, отъ нашихъ ошибокъ въ воспитаніи... отъ всей души благодаю Васъ за благосклонное напоминаніе Ваше о моемъ намѣреніи написать продолженіе моей первой статьи. Это занятіе точно было бы для меня и полезно и утѣшительно, и по Вашему св. благословенію я думаю начать на этихъ дняхъ... И. К. 6-го февраля.

20.

Милостивый Государь, сердечно уважаемый Батюшка!. Благодарю Васъ отъ всего сердца за участіе, которое вы изволите принимать въ пишущейся мною статьѣ для Московскаго Сборника. Я желалъ сообщить Вамъ ее прежде печати, Вамъ и Митрополиту. Въ Четвергъ надѣюсь послать къ Вамъ, если-не всю, то почти всю. Благословите ее быть на пользу.

Если что сказано мною противно истинѣ, или не вѣрно, или излишне, прошу Васъ вычеркнуть или измѣнить. Попросите Господа, чтобы Онъ далъ мнѣ разумъ и силы окончить ее хорошо, чтобы она настраивала мысли читателей къ тому направленію, которое доводитъ до истины. Особенно же прошу Васъ, батюшка, помолитесь Милосердному Богу, чтобы въ семействѣ нашемъ было все мирно, согласно, любовно и благополучно. У насъ, благодаря Бога, нѣтъ того, что называется несчастіемъ или

бѣдою, но есть какія-то паутины, которыя непримѣтно напутываетъ какой-то мракъ на незамѣтные оттѣнки сердечныхъ движеній, изъ которыхъ мало по малу слагаются цѣлыя ткани, мѣшающія прямо смотрѣть и отдаляющія людей. Стоитъ, кажется, дунуть святому дыханію, и все разлетится, какъ не было. А между тѣмъ это ничто дѣйствуетъ существенно... И. К.

21.

Не успѣлъ написать Вамъ на прошедшей почтѣ, Мил. Бат. Спѣшу теперь принести Вамъ искреннюю и сердечную благодарность за тѣ дни и часы, которые Вы удостоили провести у насъ. Пребываніе Ваше у насъ привлечетъ намъ благословеніе Божіе, и каждое слово, сказанное Вами, останется навсегда въ нашей памяти. Посылаю при семъ книжку Хомякова на французскомъ языкѣ о нашей церкви. Ее прислалъ Кошелевъ нарочно для Васъ и пишетъ ко мнѣ такъ: «я слышалъ, что въ Оптиной Пустыни желаютъ прочесть брошюру Хомякова, потому прошу доставить отъ меня ее въ даръ о. Макарію. Хотя я его не знаю лично, но надѣюсь вскорѣ имѣть возможность съ нимъ познакомиться». Когда Кошелевъ пріѣдетъ къ Вамъ, то сдѣлайте одолженіе, Мил. Бат., извѣстите меня объ этомъ съ нарочнымъ. Я бы желалъ быть въ то же время въ Оптинѣ... И. К. 30 Авг. 1855 г.

22.

Милостивый Батюшка! Прилагаю письмо инспектора Сергія,*) полученное мною въ отвѣтъ на то, которое я ему писалъ по Вашему приказанію о

*) Впослѣдствіи митрополитъ Московскій.

послѣднихъ главахъ Аввы Ѳалассія, и прошу вразумить меня, что ему отвѣчать? Составить ли примѣчаніе здѣсь и послать ему на одобреніе, или просить его самого составить его? Въ указаніи на I. Дамаскина онъ ошибся: я писалъ ему объ 11-й главѣ и 3-мъ параграфѣ, разумѣя первую часть, въ которой говорится о Пр. Троицѣ. А онъ вмѣсто 3-го параграфа прочелъ 3 часть, и въ ней искалъ 11-й главы, гдѣ идетъ рѣчь о другомъ. Въ указанномъ же мною мѣстѣ говорится именно о безначальности и небезначальности Сына. Для усмотрѣнія Вашего выписываю это мѣсто и при семъ прилагаю. Выписываемый о. Инспекторомъ ирмосъ кажется мнѣ тоже не довольно ясенъ. Не имѣется ли въ церковныхъ пѣсняхъ что-либо еще ближе къ предмету? Въ книгѣ I. Дамаскина еще указана ссылка на Григорія Назіанзина слово 29 и 39. Но я ихъ не смотрѣлъ. Въ примѣчаніи же, думаю, къ выпискѣ изъ I. Дамаскина достаточно прибавить нѣсколько словъ о томъ, что слово *начало* имѣетъ нѣсколько смысловъ. Иногда означаетъ оно черту, отъ которой возникаетъ что-либо во времени или пространствѣ; иногда означаетъ основаніе чего-либо; иногда означаетъ основаніе чего-либо; иногда причину или вину. Здѣсь небезначальный употреблено въ семъ послѣднемъ смыслѣ, и, собственно, значитъ имѣющій вину своего Сыновняго бытія въ Отцѣ, совѣчно ему и безначально пребывая какъ Божество, Ему одиносущное, но отъ Него прежде всѣхъ вѣковъ рожденное, какъ свѣтъ отъ свѣта, Богъ истинный отъ Бога истиннаго. Когда будете разсматривать переводъ Филиппова Максима Исповѣдника, то на первой страницѣ его, гдѣ говорится о томъ, что любовь составляется изъ *вожделѣнія и страха*, не найдете ли приличнѣе замѣнить слово *вожделѣніе* словомъ *влеченіе*?... И. К. 20-го Сентября.

23.

Благодарю Васъ, Милост. Бат., за присланную выписку изъ письма Башилова. Очень отрадно видѣть, что статьи Хомякова находятъ у насъ цѣнителей.

Мнѣ кажется, самъ Господь избралъ его быть поборникомъ нашей православной вѣры. Во всю свою жизнь онъ былъ ей преданъ душею, тѣломъ и дѣломъ, всегда исполнялъ ея предписанія, и во всю свою жизнь безпрестанно защищалъ ее противъ невѣрующихъ и иновѣрцевъ. Статьи его такъ умны, учены, глубокомысленны и проникнуты сердечнымъ убѣжденіемъ, что врядъ ли въ Европѣ найдется писатель ему подобный, а отъ Муравьева онъ отличается какъ звѣзда отъ мишурнаго золота. Очень бы желалъ, чтобы Башиловъ скорѣе перевелъ и доставилъ Вамъ его вторую статью...

24.

Достопочтеннѣйшій и многоуважаемый Батюшка! Вамъ угодно приступить ко второму изданію книги Вашей, житія старца Паисія, съ прибавленіемъ тѣхъ книгъ, которыя были исправлены или вновь переведены старцемъ Паисіемъ. Само собою разумѣется, что покуда мы въ Москвѣ, то для насъ будетъ большое счастье содѣйствовать, сколько мы можемъ, этому полезному дѣлу. Степану Петровичу*) я уже говорилъ объ этомъ, и онъ съ своей стороны тоже радъ, и если успѣетъ, то завтра пошлетъ прошеніе въ цензурный Комитетъ отъ имени Шевырева. Но кажется, что если печатать: Симеона, Новаго Богослова, Максима Исповѣдника по вопро-

*) Проф. Шевыревъ.

су и отвѣту, Ѳеодора Студита, житіе Григорія Синаита, и 8 или даже 5 словъ Марка Подвижника, то этотъ томъ будетъ болѣе перваго. А между тѣмъ все еще не всѣ труды Св. Паисія будутъ напечатаны, т.е. останутся еще Максима Исповѣдника толкованіе на «Отче нашъ», Іустина Философа о Св. Троицѣ, Аввы Ѳалассія 4 сотницы, и Симеона Евхаитскаго слово о безмолвіи. Не лучше ли уже будетъ напечатать все въ 3-хъ частяхъ? А что эти послѣднія книги, точно, переведены старцемъ Паисіемъ, то на это доказательствомъ можетъ служить находящійся у насъ экземпляръ этихъ книгъ, данный намъ покойнымъ о. Филаретомъ, гдѣ по сторонамъ выставлены листья греческой Филокаліи, и гдѣ соблюдается правописаніе старца Паисія и выставлены надъ словами точки, какъ въ Исаакѣ Сиринѣ. Я уже говорилъ объ этомъ съ Ѳеодоромъ Александровичемъ.*) Онъ обѣщалъ пропустить скоро, только опасался за нѣкоторыя темноты въ толкованіи на «Отче нашъ». Во избѣжаніе затрудненій отъ этой темноты, я думалъ сдѣлать одно изъ двухъ: или напечатать противъ словенскаго подлинника русскій перифразисъ, какъ сдѣлано съ книгою Лоре *О любви* или въ выпискахъ приложить переводъ только однихъ темныхъ мѣстъ, сообразаясь съ переводомъ латинскимъ, приславъ и то и другое на Ваше предварительное разсмотрѣніе и исправленіе. Это казалось мнѣ нужнымъ для того, чтобы не поправлять самого текста, писаннаго Паисіемъ, а сохранить его, какъ вещь священную. Потому прошу Васъ увѣдомить меня, угодно ли Вамъ будетъ мое предложеніе, и поспѣшить присылкою рукописей если не всѣхъ вдругъ, то хотя *частями*, потому что и Голубинскій говорилъ мнѣ, что онъ скорѣе и охотнѣе можетъ просматривать рукопись *частями*, т. е. по нѣскольку

*) Протоіерей Голубинскій, цензоръ.

листовъ, а не все вдругъ. Что касается до предисловія, то я думаю, не лучше ли будетъ его опять печатать послѣднее для того, что между этимъ временемъ, вѣроятно, Вы получите многія свѣдѣнія о лицахъ, тамъ упоминаемыхъ, отъ разныхъ читателей Вашей книги, и потому многое можно будетъ прибавить. Кстати, прилагаю Вамъ письмо Ѳ. А. Голубинскаго къ Шевыреву, писанное въ Мартѣ прошлаго года. Но Шевыревъ вспомнилъ о немъ при самомъ окончаніи печатанія, потому я и не успѣлъ послать его къ Вамъ тогда, а вставилъ самъ въ предисловіе ту перемѣну объ о. Аѳанасіи, какую предлагалъ Голубинскій. Но мнѣ кажется по нѣкоторымъ соображеніямъ, что Голубинскій напрасно приписываетъ такое полезное участіе Якову Димитріевичу въ исправленіи Добротолюбія. Вѣроятнѣе, кажется, предположить, что онъ пришадлежалъ къ тѣмъ ученымъ исправителямъ, о которыхъ говорилъ митрополитъ Гавріилъ, и которые больше мѣшали, чѣмъ помогали. Впрочемъ, Вамъ это должно быть извѣстнѣе. Что же касается до Филарета Глинскаго, то я говорилъ о немъ замѣчаніе Ваше Ѳеодору Александровичу, но онъ отвѣтилъ мнѣ, что Филаретъ, точно, былъ очень долго игуменомъ, но при концѣ жизни былъ сдѣланъ архимандритомъ. Если при второмъ изданіи Вамъ угодно будетъ приложить портретъ старца Паисія, то прошу Васъ написать объ этомъ поскорѣе, покуда онъ еще не стертъ съ камня. Это будетъ дешевле, чѣмъ снова рисовать его. Также и о снимкѣ съ почерка. Окончивъ о книгѣ, позвольте мнѣ предложить Вамъ просьбу о себѣ самомъ: я желалъ бы говѣть въ этомъ постѣ и пріобщиться св. Таинъ, но не смѣю этого слѣлать безъ Вашего разрѣшенія. Благословите ли Вы мнѣ, батюшка, или прикажете отсрочить? Съ нетерпѣніемъ буду ожидать Вашего отвѣта и съ покорностію. Душевно Вамъ преданный... И. Кирѣевскій.

25.

Посылая Вамъ этотъ первый экземпляръ книги Вашей, почтеннѣйшій и многоуважаемый батюшка, спѣшу сказать Вамъ о ней два слова: печатаніе кончено; завтра на почту пошлется 6 экземпляровъ въ цензуру при письмѣ къ Ѳеодору Александровичу, который, вѣроятно, возвратитъ ихъ съ первою почтою; тогда только можно будетъ получить книгу всю изъ типографіи. Въ прилагаемомъ экземплярѣ обертка будетъ другая, и сзади виньетка перемѣнится; удивительно, что въ русской университетской типографіи кресты все латинскіе. Снимокъ съ почерка Ст. Паисія литографируется. Въ этомъ экземплярѣ ошибочно переплетчикомъ пропущено окончаніе предисловія. Оно пришлется потомъ послѣ; теперь же время почты не позволяетъ откладывать... Прошу Вашихъ св. молитвы... И. К.

26.

Высокопочтеннѣйшій и многоуважаемый о. Макарій! Вчера я получилъ письмо отъ Шевырева вмѣстѣ съ однимъ мѣстомъ корректуры житія ст. Паисія: и то и другое препровождаю къ Вамъ для разсмотрѣнія. Хорошо бы было, если бы Вы успѣли отправить корректуру обратно къ Шевыреву въ понедѣльникъ съ экстра-почтою. На поляхъ корректуры Вы найдете замѣтки Шевырева карандашемъ: онъ спрашиваетъ, какого правописанія угодно Вамъ держаться въ словахъ *славянскій*, *словянскій* или *словенскій*, и въ словѣ *отнудъ* или *отнюдь?* По моему мнѣнію въ послѣднемъ словѣ несомнѣнно долженъ быть на концѣ ъ, т. е. *отнюдъ;* первое же слово пишутъ каждый своимъ образомъ. Я обыкновенно пишу *Словенскій*, производя *словене*, отъ *слова*, въ противо-

положность *нѣмцамъ*. Впрочемъ, извольте выбрать, какое Вамъ кажется правильнѣе, и по немъ исправить другія, выставляя поправку *на поляхъ*, такъ, какъ на послѣдней страницѣ исправлено слово *разумъ*. Адресъ Вашъ Шевыревъ уже имѣлъ, и по немъ одинъ разъ уже и писалъ къ Вамъ, но, вѣроятно, потерялъ. Не скорѣе ли будетъ дѣло, если вмѣсто того, чтобы посылать корректурные листы изъ напечатаннаго уже текста по почтѣ, — исправить предварительно по напечатанной книжкѣ тѣ ошибки, — которыя найдутся тамъ сверхъ замѣченныхъ опечатокъ, и послать книжку Шевыреву. Въ случаяхъ сомнѣнія о правописаніяхъ, кажется, можно положиться на него. А что будетъ печататься вновь съ рукописей, то пусть онъ присылаетъ въ корректурѣ. Впрочемъ, извольте сдѣлать, какъ найдете лучшимъ. Я говорю это предположеніе только для сокращенія времени. Видно, они оцѣнили тамъ Ваше дѣло настоящимъ образомъ и приняли его къ сердцу. Очень бы желательно было, чтобы исполнилось предположеніе Голубинскаго, и Московскій Митрополитъ съ своей стороны прибавилъ что-нибудь къ предисловію. Кромѣ достоинства его пера, онъ можетъ болѣе всѣхъ другихъ имѣть драгоцѣнныя свѣдѣнія о многомъ и о многихъ, упомянутыхъ въ предисловіи...

...Душевно Вамъ преданный И. Крѣевскій.

II.

ПИСЬМА НАТАЛІИ ПЕТРОВНЫ КИРѢЕВСКОЙ КЪ ОПТИНСКОМУ СТАРЦУ ІЕРОСХИМОНАХУ О. МАКАРІЮ.

I.

20 сент. 1846 г. Доставляю Вамъ два корректурныхъ мѣста и прошу милостиваго Вашего благословенія и святыхъ молитвъ. Мнѣ очень тяжело на сердцѣ, что-то грустное гнететъ меня... Цѣлую Ваши ручки отъ всего искренняго уседія и прошу Вашего благословенія на утвержденіе въ извѣстномъ Вамъ благомъ пути насъ обоихъ и со всею семьею.

2.

Милостивый отецъ мой! 19-й корректурный листъ посылаемъ къ Вамъ, 20-й печатается и книга 20-мъ листомъ окончится. Предисловіе набирается въ типографіи... Всѣ средства употребимъ, чтобы къ новому Году книга вышла; если Господь благословитъ успѣхомъ, очень будемъ рады....

Душа моя часто страдаетъ, сердце смущается и

болитъ о всемъ и о всѣхъ насъ. Прошу св. Вашихъ молитвъ и милостиваго благословенія всему семейству нашему... 13 Дек. 1846.

3.

Милостивый отецъ мой! Письмо Ваше отъ 14 Дек. получено мною вчера 18-го числа.

Душою благодарю Васъ за милостивое Ваше о насъ попеченіе. Здоровье мое еще не совсѣмъ исправилось, что мнѣ прискорбно только потому, что сама дѣйствовать и выѣзжать не могу и не позволяетъ докторъ, а кажется какъ будто еслибъ я могла ѣздить, то дѣло печатанія шло бы несравненно скорѣе. Впрочемъ, теперь 20-й листъ печатается, предисловіе набирается, оглавленіе также. Сейчасъ посылаемъ за наборщиками, чтобы уговорить ихъ извѣстными средствами окончить печатаніе къ новому году... Тогда останется или отправить къ Голубинскому для подписи къ выпуску книги, или еще бы лучше, еслибы Голубинскій, когда будетъ въ Москвѣ, рѣшился подписать къ выпуску книгу, а онъ всегда бываетъ на 3-ій день праздника, ибо онъ благочиннымъ въ Вознесенскомъ монастырѣ. Послѣ же его подписи останется перепечатать, сколько прикажете экземпляровъ и какъ? И тогда прошу Васъ, батюшка, выслать мнѣ реэстръ назначенія: кому и сколько экземпляровъ доставлять...

Прошу Вашего святаго благословенія на скорое и благополучное окончаніе сего дѣла, — равно благословите и мое усердіе исполнить все согласно желанію Вашему, это единственное желаніе моего сердца... Здоровье Ивана Васильевича посредственно, но кажется онъ скрываетъ, что у него бываетъ боль въ сердцѣ. Прошу Вашихъ святыхъмолитвъ о немъ. Да, духомъ воистину страдаю, и

есть причины — не рѣзкія, но для любящаго сердца иногда тяжелыя.

Простите мое малодушіе, отецъ мой! Со слезами молю любовію Васъ, помолитесь къ Господу объ утвержденіи его въ супружеской любви и вѣрности, и благословите воспитаніе дѣтей. Я сама ничего не умѣю, боюсь, что упускаю время и ихъ пользу; словомъ, я ни на что не гожусь, батюшка! Не оставьте меня, грѣшную, молю Васъ усердно, Вашими молитвами, — вѣрую, что и Господь меня не оставитъ! Научите, вразумите меня, и простите, что много утруждаю Васъ, но по душѣ имѣю Васъ больше, чѣмъ роднымъ отцомъ. — Преданная Вамъ по Господѣ Недост. дочь Ваша N. K.

1.

Милостивый отецъ мой! Письмо Ваше отъ 17 Декабря имѣла утѣшеніе получить и роспись экземпляровъ. Съ радостью буду стараться по желанію Вашему все исполнить. Теперь хлопочетъ Иванъ Васильевичъ, чтобы завтра окончили печатаніе 20-го листа, эти наборщики плутуютъ ужасно. Останется одно предисловіе съ оглавленіемъ и опечатками. Это надѣемся силою монеты заставить ихъ отпечатать на праздникахъ, и тогда уже будемъ ожидать Ф. А. Голубинскаго для подписи къ выпуску книги, или пошлемъ нарочнаго въ Лавру, для этого, если онъ на праздникахъ не будетъ... Болѣе теперь не пишу, а усердно благодарю Васъ всей душою за записку: она, какъ живтворный бальзамъ, доставила мнѣ утѣшеніе. Батюшка, не оставьте меня, грѣшную, въ святой молитвѣ Вашей!...

Простите, мой милостивый отецъ! Молю Господа о Васъ всегда усердно. Прошу Васъ, благословите насъ всѣхъ на новый годъ, провести оный въ запо-

вѣдяхъ Божіихъ, мирѣ, любви и вѣрности другъ другу. Дѣтей и весь домъ нашъ съ домочадцы благословите, батюшка! Вѣрую, что благословеніемъ Вашимъ насъ Господь помилуетъ!... 23 Дек. 1846 г.

5.

Милостивый отецъ Мой! Слава Богу! Вотъ и 20-й листъ къ Вамъ посылаю, это послѣдній... Голубинскаго ожидаютъ на дняхъ и онъ, говорятъ, остановится въ Петровскомъ монастырѣ, — это недалеко очень отъ насъ, и потому болѣе удобно будетъ его видѣть. Въ усердіи и стараніи нашемъ не усумнитесь, батюшка! Отъ души желаемъ Вамъ сдѣлать угодное.

Вчера вечеромъ Иванъ Васильевичъ лишился одного изъ друзей своихъ: поэта Николая Михайловича Языкова: смерть его всѣхъ насъ огорчила, но онъ кончилъ какъ истинный христіанинъ: самъ просилъ исповѣди и причащенія св. Таинъ. Прошу Васъ, отецъ мой, помяните его предъ престоломъ Божіимъ.

О себѣ мнѣ совѣстно уже безпокоить Васъ, батюшка! Я чувствую, что не умѣю благодарить Господа за Его великія ко мнѣ, недостойной, милости. Много, много согрѣшаю во всемъ, но сердце сильно и часто страдаетъ. Простите Бога ради, можетъ все это малодушіе, не оставьте меня, окаянную! N. K.

6.

3 янв. 1847 г. Милостивый отецъ мой!.. Вотъ что имѣю сообщить Вамъ: Голубинскій пріѣхалъ въ Москву 26-го числа Декабря. По милости Божіей я тотчасъ о семъ узнала, и написала къ нему, приг-

лашая его къ намъ. Онъ обѣщался быть 28-го, но не пріѣхалъ. Я опять послала его просить и онъ 31-го въ два часа пополудни пріѣхалъ къ намъ, а въ 11 вечера уѣхалъ. Пріятно было провести съ нимъ этотъ день, онъ всѣ замѣчанія Ваши въ опечаткахъ не только одобрилъ, но и поручилъ благодарить Васъ за оныя, подписалъ оныя къ печатанію, и еще подписалъ мнѣ бланку, на случай присылки Вами еще новыхъ замѣчаній, чтобы я вписала ихъ на подписанномъ имъ уже листѣ, дабы избѣжать замедленія. Вчера онъ долженъ былъ отправиться въ Лавру и желалъ взять съ собою книгу, отпечатанную и выслать съ сегодняшнею почтою *билетъ* на выпускъ ея, но сего не состоялось отъ лѣнивой типографіи, въ которой низачто не хотѣли работать въ новый Годъ, но за то, слава Богу, сегодня все послѣднее должно быть отпечатано. Шевыревъ долженъ пріѣхать вечеромъ на совѣщаніе и съ помощію Божіею на слѣдующей недѣлѣ книга выпустится и ее тотчасъ будутъ переплетать. Вотъ въ какомъ видѣ наше дѣло, батюшка!

Письмо Ваше отъ 31-го сейчасъ получила и сегодня посовѣтуемся съ Шевыревымъ.

Если можно еще, то отдадимъ въ литографію снять вѣрный снимокъ съ подписи блаженнаго старца Паисія и помѣстимъ. Если же это замедлитъ дѣло, позвольте отложить: впрочемъ, видно будетъ, что можно успѣть сдѣлать, то все съ усердіемъ постараемся сдѣлать. Вотъ все, что относится къ дѣлу.

Теперь скажу о своемъ. Иванъ Васильевичъ такъ огорчился кончиною Языкова, что сдѣлался нездоровъ. Докторъ запретилъ ему выѣзжать, но онъ поѣхалъ не только на отпѣваніе въ церковь, но и въ Даниловъ, гдѣ похоронили Языкова. И еще разстроился и простудился: глаза очень болятъ, спина, бокъ и, кажется, сердце опять болитъ, хотя онъ скрываетъ и не ложится. Доктора говорятъ про него,

что онъ не хорошъ, что ему должно очень беречься, и полѣчиться, но онъ ничего не хочетъ дѣлать. Это меня сильно огорчаетъ, часто боюсь за него, и прошу Васъ, милостивый Отецъ мой, помолитесь ко Господу о исцѣленіи и сохраненіи его жизни. Сдѣлайте милость, не оставьте моей душевной просьбы: мнѣ очень, очень грустно... недост... дочь Ваша N.K.

7.

Милостивый и глубоко-уважаемый отецъ мой! Кажется, все по отпечатанію великой книги блаженнаго старца приходитъ къ окончанію... Теперь ожидаемъ билета для выпуска книги и надѣемся оный получить сегодня. Объ одномъ только очень сожалѣю, что напечатано не 2400 экземпляровъ— денежная прибавка была бы незначительная... Вотъ уже болѣе 10 человѣкъ, разныхъ лицъ и званій приходили въ типографію — все справляются, когда выйдетъ книга старца Паисія, ожидаютъ ее съ нетерпѣніемъ. Теперь прошу Васъ назначить цѣну за экземпляръ, но предупреждаю Васъ, батюшка, что рубль серебромъ слишкомъ мало назначить, такъ даже и типографщики говорятъ, что слѣдуетъ ее продавать дороже по ея содержанію. Какъ мнѣ было пріятно это слышать отъ простого народа, который и простыми чувствами умѣетъ оцѣнить великое.

Теперь скажу Вамъ объ насъ: грусть, уныніе и печаль насъ не покидаютъ отъ смерти Языкова. Иванъ Васильевичъ еще не можетъ оправиться и, самъ хотя скрываетъ, но, видно, что нездоровъ и страдаетъ... Не оставьте насъ всѣхъ Вашею святой молитвою, благословите милостиво и помолитесь о насъ грѣшныхъ!

Я никуда не гожусь, у меня сердце безпрестанно страдаетъ: страхъ возникаетъ и производитъ печаль.

Иногда молитва облегчаетъ, а иногда и молиться силъ нѣтъ. Иногда въ *настоящемъ* вижу *прошедшее* и произшедшее неизвѣстное или скрытое, сбиваюсь отъ этого мыслью: страданія душевныя прибавляются, силы же душевныя и физическія умаляются... Вотъ, батюшка, моя негодная грѣшность, исповѣдую Вамъ, какъ милостивому отцу моему, и надѣюсь получить отъ Васъ исцѣленіе моей немощи душевной. Простите, Бога ради! Цѣлую Ваши ручки усердно и съ глубокимъ уваженіемъ остаюсь нед. д. в. N. Кирѣевская.

8.

13 Генв. 1847 г. Милостивый отецъ мой! Пишу теперь къ Вамъ немного: только желаю, чтобы Вы изволили видѣть, что у меня съ помощію Божіею все готово, и въ доказательство этого позвольте поднести Вамъ одинъ экземпляръ изъ нашихъ. Такой точно отъ Васъ пошлется гр. Орловой. Еще лучше вышелъ зеленаго стальнаго цвѣта для митрополита. Только доставить оные ожидаемъ *билета* отъ Ѳ. А. Голубинскаго. Онъ еще не прислалъ билета на выпускъ книги, и за нимъ единственная остановка. Если завтра еще не получимъ, то рѣшимся послать за билетомъ эстафету. Это замедленіе мнѣ представляется дѣйствіемъ врага, препятствующаго въ дѣлѣ полезномъ, какова эта книга, но, конечно, милостію Божіею, сокрушатся препятствія и восторжествуетъ то, что на пользу человѣкамъ христіанамъ. Три экземпляра мною выданы изъ типографіи и безъ билета, а больше теперь достать нельзя, и эти до полученія на выпускъ билета просятъ не показывать... Что скажу Вамъ, отецъ мой, у насъ то дѣти, то кормилицы — безпрестанно больны. Иванъ Васильевичъ также еще не здоровъ глазами, сердцемъ и кашляетъ сильно.

Я же отъ частой холодности и невнимательности — страдаю духомъ и очень, очень тяжело мнѣ бываетъ. О всемъ усердно прошу св. молитвъ Вашихъ, как помощи крѣпкой на утвержденіе мира, любви и согласія. О, отецъ мой, помолите Господа о семъ! Но да будетъ воля Его святая во всемъ!

Простите Бога ради и благословите насъ всѣхъ. Нед. дочь ваша N. Кирѣевская.

9.

20 января 1847 г. Милостивый отецъ мой! Слава Богу, билетъ въ Пятницу получили! Въ Пятницу же мы востребовали 150 книгъ и пригласили Кирилла Ивановича, которому вручили письмо и книги для митрополита. Онъ обѣщалъ оныя доставить самъ на другой же день, т.е. въ субботу 18-го числа. Теперь у насъ всѣхъ до 500 экземпляровъ, сегодня еще привезутъ и въ теченіе этой недѣли всѣ получимъ. Не въ продолжительномъ времени у насъ будетъ подвода: изъ деревни привезутъ кормилицу для маленькой. Я думаю съ этою подводою доставить къ Вамъ книги...

Теперь прошу Васъ надписать Шевыреву на бѣломъ листкѣ — въ величину книги. По полученіи надписаннаго листка, его можно будетъ вклеить искусно въ книгу, которую я отъ Вашего имени доставлю Степану Петровичу. Это, кажется, удобнѣе, чѣмъ пересылать всю книгу...

Болѣе теперь не пишу къ Вамъ, отецъ мой! Ибо спѣшу ѣхать въ Симоновъ къ отцу архимандриту похлопотать, не уступитъ ли онъ мнѣ за деньги писаную для меня книгу Симеона Новаго Богослова... Благословите, батюшка! Простите... прошу усердно Вашихъ святыхъ молитвъ и цѣлую Вашу руку. Недост. дочь Ваша N. Кирѣевская.

10.

24 января, пятница, 1847 г. Милостивый отецъ мой! Не заслуживаю ни единаго слова благодарности не только отъ Васъ, но и ни отъ кого, за усердіе мое. Оно по Господѣ къ Вамъ искренно и истинно, и если ревностно участвовала своимъ малымъ умѣніемъ ускоренію сего полезнаго изданія, то желаю общаго, Вами желаемаго блага, для усердныхъ подвижниковъ, и вознаграждена сторицею Вашимъ удовольствіемъ. Спасетъ Васъ Господь, и молю Его благость — утѣшить Васъ за Ваше милосердіе ко мнѣ грѣшной. Не смѣю озабочивать Васъ, отецъ мой, сердечною, или вѣрнѣе сказать, душевною моею грустью. Мнѣ часто, очень часто, да и въ самое это время весьма тяжело. Что-то не твердое въ нашихъ отношеніяхъ: иногда хорошо довольно, но видно въ этомъ хорошемъ — принужденіе; но иногда, какъ и теперь, вдругъ холодность, невниманіе и болѣе, непріятность такая, которая не имѣетъ мѣста въ любви. Даже къ болѣзни не только невниманіе, но еще много самъ и причиняетъ. Когда я была въ опасности, тогда его забота была великая, но теперь, если онъ думаетъ только для меня нужное или къ спокойствію что-либо нужно сдѣлать самое ничтожное, хотя бы, напримѣръ, пораньше лечь, т.е. не въ 2 часа по полуночи, то уже ни за что этого не сдѣлаетъ, и всегда еще за это наградитъ тяжелой непріятностью. Сердце у меня, ей-ей, надсажено отъ грусти, не знаю какъ быть?... Самой ли похолоднѣе съ нимъ, или... но право не знаю — и холодность перетолкуется, можетъ быть, въ капризъ, и больше отдалитъ его. Легче бы мнѣ было если бъ меньше его любила. По домашней же части ни въ чемъ ни помочь, ни облегчить не хочетъ, доходитъ уже у насъ до воровства: кафтанъ кучерской пропалъ —это такъ прошло

Потомъ 23 пуда сѣна,— оно по 50 к., и на это промолчалъ.

Все въ безпорядкѣ и по конюшнѣ, и по дому; расходъ не по доходу, и ни о чемъ попеченія нѣтъ. Если даже дружески ласково предложишь или напомнишь ему, то онъ промолчитъ и только, а если обыкновеннымъ разговоромъ скажешь, тогда разсердится, наговоритъ колкостей, и опять непріятность. Истинно не знаю, что дѣлать, только невыносимо тяжело. Вся моя надежда на Ваши святыя молитвы, отецъ мой! Онѣ сильны измѣнить тяжелые обычаи и вредные и для семьи, и для подчиненныхъ. Прошу усердно, не оставьте, помолитесь ко Господу, да устроитъ полезное для души, и миръ и согласіе... Я слышала, что Митрополитъ отмѣнно хорошо пришялъ (книги). Онъ вѣрно напишетъ о. Игумену объ этомъ. Вчера я желала быть у Митрополита, но онъ 3 дня какъ нездоровъ сдѣлался, и никого не принимаетъ... Прошу усердно Вашихъ св. молитвъ и милостиваго благословенія всему семейству Недост. д. в. N. Кирѣевская.

11.

Милостивый отецъ мой! Сегодня пишу къ Вамъ немного, только для того, чтобы объяснить Вамъ, что у комиссіонера Медвѣдева отправка разстроилась, и съ недѣлю еще въ Козельскъ случая не будетъ, посему мы отправляемъ къ Вамъ на подводѣ моей свекрови, которая здѣсь была для покупокъ. Это, кажется, будетъ много вѣрнѣе... Если успѣю, то съ этою же почтою отправлю къ Вамъ лучшій экземпляръ для Кіевскаго Митрополита... Шевыреву отдамъ изъ своихъ, но отъ Вашего имени, и тогда, когда получу листокъ для вклейки въ оный, съ надписью, т. е. если Вамъ это угодно... У насъ все хлопоты: маленькая нездорова, привозили изъ

деревни на днях кормилиц, ибо у ея кормилицы — молока нѣтъ, но къ сожалѣнію въ деревнѣ выбрали изъ самыхъ безпутныхъ семействъ и дурныхъ, почему сегодня ихъ обратно отправили. Господь же такъ милостивъ, утѣшилъ насъ неожиданно. Кормилица Сережина захотѣла сама остаться для маленькой. Слава Богу! Она хорошая женщина, только опасается, достаточно ли будетъ у нея молока на годъ, но это видно будетъ. Сережу отняли въ Субботу 25-го числа день праздника утоленія печали. Онъ однако очень груститъ. Прошу Васъ благословить его, батюшка, и маленькую Машу также, и всѣхъ насъ. Усердно прошу св. молитвъ Вашихъ и остаюсь душою по Господѣ преданная Вамъ N. Кирѣевская.

12.

31 янв. 1847 г. Милостивый отецъ мой! Благодаримъ Васъ отъ всего сердца за надписанные намъ листки. Вполнѣ цѣнимъ выраженное въ нихъ расположеніе Ваше, — благодаримъ Васъ и о. Игумена усерднѣйше. Шевыреву доставлю немедля; онъ самъ собирается писать Вамъ. Въ среду у насъ былъ вечеръ, на которомъ былъ также и Шевыревъ, и съ помощію и благословеніемъ Божіимъ положили начать печатать второе изданіе; покуда мы тутъ, это будетъ лучшая забота. Когда же уѣдемъ въ деревню, то Шевыревъ по дружбѣ своей паки принимаетъ на себя весь трудъ. Къ утѣшенію моему и предложеніе мое принято на тройственномъ нашемъ союзѣ, чтобы не терять времени, и *тотчасъ* при прошеніи представить покуда экземпляръ для второго изданія, который будетъ набираться, а Вы извольте покуда прислать все, что угодно Вамъ назначить для печатанія и поскорѣе черезъ почту пришлите, батюшка, оглавленіе назначаемыхъ въ прибавленіе статей на 2-й томъ, для того, чтобы ихъ,

если нужно, прописать въ прошеніи въ цензурный комитетъ.

Надобно Вамъ сказать, отецъ мой, что очень недавно, обдумывая и говоря съ Иваномъ Васильевичемъ о сочиненіяхъ старца Паисія, намъ пришла на сердце мысль издать его переводы съ греческаго какія у насъ имѣются по милости покойнаго старца Филарета. А именно: толкованіе на Отче нашъ, Аввы Ѳаласcія и проч. Гдѣ же языкъ теменъ и по словамъ Ѳ. А. Голубинскаго смыслъ неудобенъ, и потому затруднительно и медленно будетъ изданіе, по потребности имъ самимъ поправки для ясности, то Ив. Вас. хотѣлъ самъ прежде исправить, не утрачивая ни одного слова въ сихъ великихъ книгахъ, и тѣмъ облегчить и ускорить, съ помощію Божіею, ихъ изданіе. Можете себѣ представить, отецъ мой, какъ намъ было радостно видѣть изъ письма Вашего одинаковое съ сердцами нашими желаніе и намѣреніе. Благодарю за сіе Господа отъ души! Извольте же присылать, не теряя времени, все, что у Васъ готово. Мы покуда пріищемъ переписчика для списанія у насъ имѣющихся книгъ, Правду сказать, мы оба уже было и начали сами переписывать, но время все разорвано у насъ. и дѣло пойдетъ мѣшкотно; лучше думаемъ нанять переписчика. Прошу Вашего и отца Игумена благословенія на приступъ къ началу сего великаго дѣла, которое совершиться только можетъ помощію Божіею черезъ святыя молитвы Ваши, коими прошу насъ не оставить. Иванъ Васильевичъ самъ желаетъ писать къ Вамъ, это будетъ аккуратнѣе, а между тѣмъ проситъ объяснить Вамъ, что такъ какъ толкованіе *на Отче нашъ* Максима Исповѣдника очень темно, то онъ не исправлять его вознамѣривается, ниже касаться единой буквы, а ему обѣщали экземпляръ изъ университетской типографіи, гдѣ подобный имѣется на греческомъ и латинскомъ языкахъ и

Ив. Вас. желаетъ, гдѣ не ясно, тамъ поставить подъ страницами то, что найдетъ яснымъ въ настоящей книгѣ, съ которой и переводъ сдѣланъ, но текста касаться или измѣнять ни единой буквы не будетъ. Вотъ подробное донесеніе его добраго намѣренія. Да совершитъ оное Господь Вашимъ святымъ благословеніемъ. Батюшка, сдѣлайте милость, скажите, какъ мнѣ отвѣчать Шевыреву. Онъ совѣтуется со мною: ему хочется дать одинъ экземпляръ раскольнику Преображенскаго скита, и спрашиваетъ умения: какъ ему сдѣлать? Я оставила на его волю, а сама не знаю: полезно ли такимъ людямъ давать? Почему и прошу Васъ мнѣ сказать, какъ Вы о семъ изволите думать... Нед. дочь ваша N. Батюшка, благословите насъ всѣхъ вкупѣ поговѣть на 1-й недѣлѣ, что-то Ив. Вас. не очень располагается на сіе, говоритъ: лучше на послѣдней.

13.

Милостивый отецъ мой! Милосердіемъ Божіимъ и за Ваше святое благословеніе мы пріѣхали благополучно въ Москву вчера въ 10 часовъ вечера. Еще ни съ кѣмъ не видались но во время вечерни ѣздили, Ив. Вас-чъ и я, къ святой иконѣ Иверской Божіей Матери, и ко святымъ мощамъ, которые были уже заперты, и мы только успѣли приложиться къ святой иконѣ Владимірской Б. М., и такъ отложили до возможности быть у св. мощей... Не сказала Вамъ, отецъ мой, что мы наняли изъ Калуги сдаточныхъ лошадей, и условились заѣхать въ Малый Ярославецъ на два часа, хотя это много въ сторону. Пріѣхали туда въ 6 часовъ вечера; я прямо пошла къ отцу игумену. Потомъ пришелъ и Ив. Вас-чъ, и выпивши у него по чашкѣ чаю, пошли вмѣстѣ съ нимъ къ намъ на гостинницу допивать по другой. Съ пріятностью мы познакомились съ нимъ, возвышенное простодушіе и всеобъемлющая любовь въ

немъ особенно отличаются. Дай Богъ, чтобы онъ не забылъ насъ грѣшныхъ въ святой, чистой своей молитвѣ. Боровскій Архимандритъ сказывалъ о. Антонію секретно, что митрополитъ Московскій писалъ къ преосвящ. Николаю, чтобы уволить отца Антонія изъ Малоярославца, — не по этой ли причинѣ Преосвященный говорилъ Вамъ, чтобы въ скитъ не принимать его? Теперь о. Антоній ожидаетъ Преосвященнаго, который вѣрно поѣдетъ провожать Преосвящ. Иліодора и въ бытность свою, конечно, будетъ говорить объ этомъ съ о. Антоніемъ.

Какъ хорошо бы воспользоваться этимъ случаемъ о. Антонію, подобнаго, конечно, уже не повторится. Это — собственная мысль митрополита, никто его не просилъ объ увольненіи, и потому эта мысль, какъ вдохновенная ему самимъ Господомъ. Слава Богу! Если же теперь этотъ случай милосердный пропустить, то право, кажется, преосвященный радъ будетъ прижать и никогда уже не выпуститъ, а о. Антоній не знаетъ и сомнѣвается о томъ только, угодно ли будетъ о. Моисею, чтобы онъ воспользовался этимъ и перешелъ въ Оптинъ. Считаю нужнымъ все это передать Вамъ, тѣмъ болѣе, что это письмо дойдетъ до Васъ вѣрно... Изъ Малоярославца поѣхали въ 3 часа по полуночи...

ПИСЬМО НАТАЛЬИ ПЕТРОВНЫ КИРѢЕВСКОЙ КЪ ОТЦУ ИГУМЕНУ МОИСЕЮ, НАСТОЯТЕЛЮ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ.

Ваше Высокопреподобіе, Достопочтеннѣйшій о Господѣ отецъ Игуменъ!

Скорбь души, произведенная немилостивымъ отказомъ Вашимъ, столь же жестока, сколь и неожиданна мною. Не стану выражать Вамъ моей глубо-

кой печали, обращаюсь со смиреніемъ и любовью къ Вашему отеческому сердцу, къ Вашей справедливой совѣсти, и со слезами у ногъ Вашихъ умоляю и ожидаю, если не сегодня, то не въ продолжительномъ времени, милостиваго исполненія даннаго Вами мнѣ слова и обѣщанія, въ бытность мою въ святой обители Вашей, отпустить почтеннѣйшаго старца, нашего роднаго батюшку — благодѣтеля души — отца Макарія къ намъ, на нѣсколько недѣль. Милостивый, душевно-уважаемый, отецъ игуменъ!

Вѣрую, что Вы не измѣните Вами даннаго отраднаго для насъ обѣщанія, по Бога самаго ради, не отдаляйте времени исполненія онаго. Господь воздастъ и Вамъ, и святой обители Вашей за милость и пользу, доставленныя Вами — нашимъ скорбнымъ душамъ. Иванъ Васильевичъ съ грустью передалъ мнѣ и бесѣду и опасенія Ваши. Смѣю откровенно, какъ отцу, и келейно сказать Вамъ, что спокойствіе, которымъ Вы предполагаете оградить батюшку, не приложитъ ли ему, всей обители и вмѣстѣ и намъ скорбь на скорбь, отъ которой да избавитъ Господь!

Опасенія же истинно простекаютъ болѣе и безпокоютъ Васъ — по мнительности. Ограждение отъ всего и близко и сильно, въ Вашихъ же святыхъ молитвахъ заключается—ихъ, и святаго благословенія Вашего испрашивая усердно, усердно отъ всей души прошу и умоляю Васъ, милостивый отецъ мой, для сегодняшняго дня, дня милосердаго источника, утѣшенія плачущихъ, не лишите окормленія духонаго преданную Вамъ сердцемъ по Господѣ и ожидающую исполненія даннаго Вами обѣщанія, какъ радостнаго Воскресенія страждущей душѣ. Простите Бога ради и примите увѣреніе въ совершенномъ и глубочайшемъ почтеніи покорной къ услугамъ Вашимъ Наталіи Кирѣевской. 5 Февраля 1850 г. С. Долбино.

ПИСЬМО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО, НАТАЛЬѢ ПЕТРОВНѢ КИРѢЕВСКОЙ.-

Милостивая Государыня Наталья Петровна!

Вы, конечно, не ожидаете отъ меня письма, и я не думалъ, что буду писать, и особенно въ сіи дни.*) Но до меня дошли свѣдѣнія изъ Вашего края и сужденія о нихъ такія, по которымъ опасаюсь, чтобы не согрѣшить молчаніемъ.

Помнится, отъ Васъ самихъ я слышалъ, что Вы устроили уединенную келлію для принятія странствующихъ изъ монашествующихъ. Теперь слышится мнѣ, что Вы приглашаете въ нее о. Макарія, и не только при посѣщеніи Васъ, для отдыха въ ней на нѣсколько часовъ, или на день, но и на мѣсяцъ, и болѣе. Позвольте Вамъ сказать, что доброе намѣреніе не всегда вѣрно ручается за доброту дѣла и его послѣдствій. Какъ о. Макарій многимъ въ обители духовный отецъ и наставникъ, а также и посѣщающихъ обитель: то его удаленіе на долгое время многихъ можетъ затруднить и разстроить. И какъ такое удаленіе было бы не въ обыкновенномъ законномъ порядкѣ, то оно можетъ подать случай къ разнымъ сужденіямъ, не чуждымъ даже соблазна. Можетъ случиться, что и начальство обратитъ на сіе такое вниманіе, которое не будетъ благопріятно ни о. Макарію ни настоятелю, ни обители. Есть ли бы случилось, что Ваше приглашеніе уже дано и принято, не колеблюсь предложить, чтобы Вы показали сіе письмо о. Моисею и о. Макарію, и чтобы они положили на вѣсы безпристрастнаго разсужденія, съ одной стороны, безмолвное успокоеніе, вѣроятно, желательное для о. Макарія, съ другой, тѣ послѣдствія, о которыхъ выше сказано, и посмотрѣли бы, которая

*) Дни Великаго Поста.

сторона должна взять перевѣсъ. Провидѣніемъ Божьимъ устроено, и послушаніемъ ограждено нынѣшнее положеніе о. Макарія: и трудъ на пользу душъ братіи, безъ сомнѣнія, Господь обратитъ во благо и душѣ трудящагося. Простите меня, если Вамъ покажется, что я вмѣшиваюсь въ Ваши дѣла и мѣшаю дѣлу доброму и пріятному душѣ Вашей. Богъ, видящій сердце, принялъ Ваше служеніе рабамъ Его, если оно и не такъ, или не тогда исполнится, какъ Вы предполагаете.

Впрочемъ, Господь да внушитъ и старцамъ и Вамъ то, что Ему истинно благоугодно и душамъ полезно. Божіе благословеніе и миръ Вамъ, и супругу Вашему, и чадамъ усердно призываю. Вашъ смиренный богомолецъ Филаретъ, М. Московскій. Въ Москвѣ. Марта 7-го 1850 г.

ОТВѢТЪ Н. П. КИРѢЕВСКОЙ НА ПИСЬМО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО ФИЛАРЕТА МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивый Архипастырь!

Съ благоговѣніемъ и живою признательностью приняла я къ сердцу святыя строки Вашего Высокопреосвященства, сквозь которыя такъ прекрасно свѣтится милостивое и отеческое попеченіе Ваше о старцахъ Оптиной Пустыни, о нашемъ духовномъ отцѣ Іеромонахѣ Макаріи, и даже обо мнѣ, недостойной. Это — спасительный голосъ добраго пастыря, который я имѣла счастіе слышать.

Благодѣтельное участіе Ваше даетъ мнѣ смѣлость и даже обязанность представить Вамъ дѣло, о которомъ изволите писать, съ нѣкоторою подробностью, какъ оно есть, поистинѣ.

Маленькій домикъ, или точнѣе сказать, 12-ти аршинная комната, раздѣленная перегородками на четыре, дѣйствительно, поставлена нами въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нашего дома съ мыслію, что она можетъ служить мѣстомъ для принятія и успокоенія уважаемыхъ нами старцевъ, которымъ случится навѣстить насъ. Въ нынѣшнемъ году *думали* мы съ мужемъ просить о. Макарія отдохнуть въ ней на нѣкоторое время, слышавъ о разстройствѣ его здоровья, и что онъ сильно страдаетъ болью въ груди и плечѣ, и отъ излишняго утомленія проводитъ ночи безъ сна. Для этого мужъ мой нарочно поѣхалъ въ Оптинъ, и, дѣйствительно, предлагалъ и просилъ о. Макарія пріѣхать къ намъ для отдохновенія на мѣсяцъ. Но просьба наша была не принята, а о. Игуменъ при этомъ случаѣ *рѣшительно отказалъ*, сказавъ, *что это дѣло* навсегда невозможное, что признаюсь Вамъ, Св. Владыка, тогда очень огорчило насъ.

Однакоже, черезъ нѣкоторое время послѣ, уже не для отдохновенія о. Макарія, но по встрѣтившейся для насъ душевной необходимости и по моей болѣзни, мы просили о. Макарія навѣстить насъ на короткое время, и о. Игуменъ отпустилъ его изъ монастыря на три дня. Но этотъ отпускъ къ намъ не былъ *исключеніемъ* для насъ, ибо кромѣ насъ о. Макарій посылается иногда о. Игуменомъ въ нѣкоторые дома для пользъ монастырской. Такимъ образомъ, то, что былъ *только одинъ разговоръ* въ келліи о. Игумена, представлено Вашему Высокопреосвященству какъ самое дѣло, и въ такомъ видѣ, который можетъ подать поводъ сужденіямъ, не чуждымъ даже соблазна. Не постигая, какими путями разговоръ этотъ могъ выйти изъ келліи о. Игумена, и дойти даже до слуха Вашего Высокопреосвященства, я вижу однако надъ этими темными путями — другой свѣтлый путь спасительной милости Божіей:

ибо лице, очевидно, враждебно расположенное къ Оптину, которое хотѣло очернить обитель въ глазахъ Вашихъ, конечно, не безъ Промысла Божіяго, ослѣпилось до того, что не предвидѣло, что Ваше Высокопреосвященство прямымъ дѣйствіемъ своимъ откроете истину, усмотрите злонамѣренность клеветы, и слѣдовательно, въ случаѣ несправедливаго обвиненія, защитите обитель Вашимъ высокимъ покровительствомъ.

Теперь, объяснивъ Вашему Высокопреосвященству все дѣло, какъ оно есть по истинѣ и совѣсти, я уже совершенно спокойна на счетъ святой обители, зная ее подъ охранительною защитою Вашею. Но признаюсь Вамъ, Святый Владыка, что относительно меня самой я боюсь, что когда покажу письмо Ваше старцамъ, то они по безпредѣльной преданности къ Вамъ, могутъ принять его за совершенное запрещеніе о. Макарію когда-либо навѣстить насъ, или даже пріѣхать къ намъ для исповѣдыванія насъ, въ случаѣ, если здоровье мое не позволитъ мнѣ самой быть въ обители. Потому за особенное благодѣяніе почла бы я если бы Вашему Высокопреосвященству угодно было какимъ-либо образомъ объяснить это для меня и для старцевъ.

Позвольте мнѣ еще разъ повторить Вашему Высокопреосвященству выраженіе чувства сердечной благодарности, которою проникнута душа моя, вмѣстѣ съ чувствомъ глубочайшаго уваженія, и неограниченной преданности. Мужъ мой, раздѣляя со мною эти чувства, такъ же вмѣстѣ со мною испрашиваетъ Вашихъ св. молитвъ и милостиваго Архипастырскаго благословенія для насъ и для всего семейства нашего. Повергая себя къ стопамъ Вашимъ, имѣю честь быть Вашею Высокопреосвященства покорнѣйш. слуга.....

ПИСЬМО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО, КЪ ІЕРОМОНАХУ О. МАКАРІЮ.

Преподобный отецъ Макаріи! Первѣе всего благодарю Васъ за доброе посѣщеніе. Надѣюсь, что трудъ Вашъ не безплоденъ. Жалѣю, что не довольно съ Вами бесѣдовалъ. Но слава Богу о всемъ. Благодарю за книги. Вы очень щедры и мнѣ совѣстно было пользоваться щедростію Вашею: но меня убѣдили не прекословить. Польза, которую обрѣтутъ читающіе, Богу тайнодѣйствующу, да обратится къ Вамъ въ духовное пріобрѣтеніе.

Цѣлованіе моего смиренія всему Братству Вашему. Благодать, и миръ Господень съ Вами. Прошу не лишать меня благой помощи молитвъ Вашихъ.

Филаретъ М. Московскій. Ав. 13. 1852 г.

ПИСЬМО Н. В. ГОГОЛЯ КЪ ОПТИНСКИМЪ СТАРЦАМЪ.

Ради самого Христа молитесь обо мнѣ, о. Филаретъ. Просите Вашего достойнаго настоятеля, просите всю братію, просите всѣхъ, кто у Васъ усерднѣе молится, и любитъ молиться, просите молитвъ обо мнѣ. Путь мой труденъ, дѣло мое такого рода, что безъ ежеминутной, безъ ежечасной и безъ явной помощи Божіей не можетъ двинуться мое перо, и силы мои не только ничтожны, но ихъ нѣтъ безъ освѣтленія Свыше. Говорю Вамъ объ этомъ не ложно. Ради Христа обо мнѣ помолитесь. Покажите эту записочку мою о. Игумену и умоляйте его вознести свои мольбы обо мнѣ грѣшномъ, чтобы удостоилъ Богъ меня недостойнаго повѣдать Славу

Имени Его, несмотря на то, что я всѣхъ грѣшнѣйшій и недостойнѣйшій.

Онъ силенъ, Милосердный, сдѣлать все, и меня, чернаго, какъ уголь, убѣлить и возвести до той чистоты, до которой долженъ достигнуть писатель, дерзающій говорить о святомъ и прекрасномъ. Ради самого Христа молитесь. Мнѣ нужно ежеминутно, говорю Вамъ, быть мыслями выше житійскаго дрязгу и *на великомъ мѣстѣ своего странствія* быть въ Оптинской Пустыни. Богъ да воздастъ Вамъ всѣмъ сторицею за Ваше доброе дѣло. Вашъ всею душею Николай Гоголь. Получено изъ села Долбина помѣщ. И. В. Кирѣевскаго. 26 Іюня 1850 г.

ПИСЬМА КЪ СТАРЦУ О. МАКАРІЮ СТЕПАНА ПЕТРОВИЧА ШЕВЫРЕВА.

I.

Ваше Преподобіе, Достопочтеннѣйшій о. Макаріи! Письмо Ваше отъ 26 Февраля и при немъ письма отца Архимандрита Игнатія, а въ слѣдъ за тѣмъ и сочиненіе Старца Паисія о умной Іисусовой молитвѣ я имѣлъ счастіе получить и спѣшу отвѣчать Вамъ съ первою почтою.

Во-первыхъ, долженъ принести Вамъ мое покорнѣйшее извиненіе въ томъ, что замедлилъ отсылкою образца шрифта болѣе крупнаго. Сегодня отсылаю его къ Ивану Васильевичу, который сообщитъ его Вамъ. Буду ожидать Вашего одобренія — и прошу покорнѣйше не замедлить возвращеніемъ. Корректуру посылаю исправленную, единственно для того, чтобы Вы взглянули на шрифтъ и сказали Ваше мнѣніе. Потеря за наборъ двухъ первыхъ листовъ не такъ будетъ велика, но при новомъ шрифтѣ

количество бумаги потребно будетъ большее, равно и печатаніе станетъ нѣсколько дороже. Послѣ мы увидимъ издержки, которыхъ опредѣлить заранѣе нельзя; на эту пору денегъ слишкомъ довольно, и присылать новую сумму не для чего. Изъ духовной цензуры, я до сихъ поръ получилъ только самый текстъ житія и портретъ, а прибавленія еще не вышли.

Отъ Васъ я получилъ печатную книжку житія, по которой буду править. Но въ этой книжкѣ Вы изволили сдѣлать новыя вставки противъ того текста, который уже подписанъ духовною цензурою. Объ этихъ вставкахъ надобно вновь относиться къ Ѳ. А. Голубинскому, чѣмъ опять замедлится дѣло. Но я это исполню, чтобы вполнѣ соотвѣтствовать желаніямъ Вашимъ. Типографія никакъ не рѣшится сдѣлать какого-бы то ни было прибавленія противъ текста, одобреннаго цензурою. Строгость эта соблюдается въ отношеніи къ сочиненіямъ свѣтскимъ, тѣмъ болѣе еще наблюдаютъ ее относительно сочиненій духовныхъ. Сего дня же отправлю къ Ѳ. А. Голубинскому сочиненія Паисія объ умной Іисусовой молитвѣ. По моему мнѣнію, необходимо, чтобы отецъ Архимандритъ Игнатій исходатайствовалъ о томъ у Высокопреосвященнѣйшаго, равно и у свѣтскихъ властей. Всего бы лучше было, если бы Митрополитъ принялъ на себя предварительное разсмотрѣніе всѣхъ прибавленій. Если желаете ускорить дѣло, необходимо такъ устроить. Надобно оградить самаго Ѳеодора Александровича и избавить его отъ отвѣтственности. Послѣднее прибавленіе какъ мнѣ кажется, по своему содержанію, еще болѣе вызываетъ необходимость такой мѣры.

Письма о. архимандрита Игнатія при семъ возвращаю.

Перваго корректурнаго листа я отъ Васъ не получалъ. Печатное житіе дошло исправно, но коррек-

турный листъ, вѣроятно, затеряпъ на почтѣ. Это было отчасти причиною моего замедленія; но еще болѣе я самъ виновать. Желаніе отца архимандрита касательно перемѣны шрифта не могло меня оскорбить нисколько. Прошу Васъ быть увѣрену, что я вполнѣ готовъ исполнить желаніе Вашей обители. Дѣло, Вами мнѣ порученное, такъ богоугодно, что я считаю себя счастливымъ, если хотя мало буду содѣйствовать къ его исполненію. Поручая себя святымъ молитвамъ Вашимъ.... имѣю честь быть... покорнѣйшимъ слугою Шевыревъ... 5 марта 1846.

2.

Милостивый Государь, Достопочтеннѣйшій о. скитоначальникъ Макарій!

Не знаю, гдѣ найти словъ чтобы принести Вашему Высокопреподобію мое покорное извиненіе въ томъ, что такъ замедлилъ исполненіемъ порученія Вашего. Были причины и отъ меня не зависѣвшія: долго не получалъ отъ товарища заглавій лучшихъ лексиконовъ. Но потомъ и недосуги мои, и мое нерадѣніе.

Простите меня, великодушный отецъ, Вашею всепрощающею любовью.

Посылаю Вамъ, наконецъ, лексиконъ Греко-Латинскій для Новаго Завѣта и лексиконъ Латино-русскій Кронеберга. Словаря собственно для Отцевъ Церкви нѣтъ у западныхъ ученыхъ. Это дѣло предлежитъ нашимъ духовнымъ — и мнѣ что-то чается, что оно совершится въ Вашемъ скиту. Словарь для Греческаго языка, на которомъ писанъ Новый Завѣтъ, можетъ, какъ предполагаю, быть показанъ и для уразумѣнія Отцовъ. Избранный мною есть лучшій. Есть другіе, имѣющіе догматическій характеръ, но тѣ намъ не нужны. Посылаемый мною имѣетъ филологическій характеръ, по крайней мѣрѣ,

такъ по объясненію самаго Автора. Прошу покорнѣйше Ваше Высокопреподобіе принять отъ меня эти книги, какъ скудный даръ мой для библіотеки Вашего скита. Постараюсь и впослѣдствіи снабжать ее подобнымъ чѣмъ-нибудь отъ моихъ трудовыхъ денегъ.

Пустыня Ваша у меня и въ сердцѣ и въ умѣ. Изъ письма моего къ достопочтеннѣйшему о. игумену Моисею, Вы усмотрите, что я памятовалъ объ ней, и готовъ всегда служить, чѣмъ могу. Еще разъ простите меня великодушно за мое замедленіе. И недосуги таки виною, но и самъ виноватъ... Степанъ Шевыревъ. Окт. 25. 1852. Москва.

ПИСЬМО СТ. ПЕТР. ШЕВЫРЕВА КЪ ИВ. ВАС. КИРѢЕВСКОМУ.

Іюня 30. Сокольники. 1846 г. Посылаю тебѣ, любезный Кирѣевскій, съ братомъ твоимъ 7 на бѣло отпечатанныхъ листовъ въ которыхъ содержится житіе Паисія и начато печатаніе сочиненій Василія. 8-й также почти отпечатанъ. Изъ этого старцы увидятъ, по крайней мѣрѣ, что идетъ дѣло, хотя медленно. Послѣднее же не отъ меня зависитъ. Я не имѣю никакихъ средствъ дѣйствовать на типографію. Посылаемые листы прошу перечесть и если окажутся какія важныя опечатки, сообщите мнѣ для припечатанія къ концу книги. Есть нѣкоторыя, проистекающія отъ невѣжества типографіи. Онѣ сдѣланы уже послѣ того, какъ листы были подписаны. Свѣжій глазъ лучше усмотритъ промахи важнѣйшіе. Еще было мнѣ маленькое затрудненіе насчетъ порядка статей. Голубинскій назначилъ предисловіе на Исихія печатать прежде, чѣмъ предисловіе на Филоѳея. Отецъ Макарій въ послѣднемъ письмѣ

далъ обратное опредѣленіе. (Я поступилъ по указанію послѣдняго), во-1-хъ потому, что послѣдній законъ уничтожаетъ предыдущій, во 2-хъ потому, что о. Макарій принимаетъ важнѣйшее участіе въ изданіи, въ 3-хъ потому, что типографія уже такъ набрала. Было также маленькое замедленіе отъ неисправности текста. Предисловіе на Григорія Синаита на первой страницѣ написано съ удареніями, но далѣе безъ удареній.

Наборщиковъ такой наборъ затрудняетъ. Потому листъ медленно шелъ, но потомъ въ корректурѣ я увидѣлъ, что эти ударенія только на первой страницѣ, а далѣе ихъ нѣтъ. Надо было и тѣ уничтожить, а время по пустякамъ потеряно. Если бы текстъ изготовленъ былъ въ лучшемъ порядкѣ, дѣло бы шло скорѣе. А то встрѣчается и лишнее затрудненіе. Заглавный листъ попроси старцевъ составить полный. Въ немъ надобно упомянуть о сочиненіяхъ Василія и Паисія. Перешли его мнѣ. Тутъ припишите, кѣмъ и издано. Теперь еще печатаю предисловіе Василія, а писать Паисія не начиналъ... Посылаю тебѣ мои лекціи, желаю знать твое мнѣніе. Скоро, недѣли черезъ двѣ, будетъ готова и 2-я часть — еще пять. Обнимаю тебя. Твой Шевыревъ.

Я, кажется, уже писалъ къ тебѣ, или отцу Макарію и просилъ о томъ, чтобы дали мнѣ порядокъ статей, въ какомъ ихъ печатать, но все не получилъ до сихъ поръ отвѣта. Согласись, что замедленіе въ этомъ случаѣ не отъ меня происходитъ. Главное, мнѣ надобно знать, гдѣ поставить сочиненіе объ умной молитвѣ... Вотъ всѣ статьи, которыя у меня. Предисловіе пойдетъ предъ житіемъ подъ римскими цифрами. Житіе. Далѣе по совѣту Ѳ. А. Голубинскаго будутъ слѣдовать предисловія къ книгамъ: 1)Григорія Синаита 2)Филоѳея 3)Исихія и 4)Нила Сорскаго. Потомъ 5)толкованіе на молитву: Господи помилуй — не здѣсь ли вставить сочиненіе объ ум-

ной молитвѣ? Потомъ письма къ Ѳеодосію, отцамъ обители поляномерульской, Іерею Димитрію, къ Маріи, и письмо Софронія къ Аѳанасію. Спроси поскорѣе и пришли мнѣ отвѣтъ, какъ можно скорѣе. Есть еще нѣкоторыя неисправности въ текстѣ предисловія, которыя Ѳ. А. поручаетъ мнѣ исправить, — всѣмъ этимъ я затрудненъ. Я не издатель, я только корректоръ текста, — и потому боюсь къ нему дотрагиваться. Если бы текстъ былъ весь надлежащимъ образомъ изготовленъ и приведенъ въ порядокъ — мнѣ бы не было никакихъ затрудненій. А то при моихъ многочисленныхъ занятіяхъ мнѣ становится труднѣе исполнять благочестивое желаніе старцевъ. Потому не сѣтуйте на меня: я дѣлаю, что могу — и дѣлалъ бы скорѣе, если бы все было исправнѣе.-

---

ПИСЬМА ТЕРТІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИППОВА КЪ СТАРЦУ О. МАКАРІЮ.

1.

Всечестнѣйшій о. Макаріи!.. Рукопись житія отдалъ я уже въ типографію и, такъ какъ она не болѣе 3 листовъ, то я возьму 12 стопъ бумаги, или сколько Поповъ найдетъ нужнымъ. Печатать ее можно, я думаю, и теперь: три листа не затруднятъ меня корректурою. Авва Дороѳей не выйдетъ, кажется, къ празднику, хотя я и прошу наборщиковъ потрудиться... Благодарю Васъ за Ваше милостивое вниманіе къ моей душѣ; имѣю причины быть собою недовольнымъ: но не дѣлаю того, что самъ знаю, что нужно дѣлать. Помолитесь обо мнѣ, батюшка, чтобы искра прежняго усердія возвратилась ко мнѣ милостію Господа Іисуса Христа. Вашъ покорнѣйшій

слуга и недостойный сынъ духовный Тертій. Москва 1856 г. 15 марта.

2.

Всечестнѣйшій о. Макарій... Печатаніе Аввы Дорооея идетъ по прежнему. На этой недѣлѣ мнѣ не подавали ни одной корректуры. Я былъ у Попова и велѣлъ доставить для житія преп. Симеона достаточное число бумаги, но къ святой, я полагаю, не поспѣютъ печатаніемъ ни слова Аввы Дорооея, ни житіе. Меня простите, батюшка, что не съ такимъ усердіемъ, какъ бы слѣдовало, я исполняю Ваши приказанія. Душею очень немощенъ, и потому не обрѣтаю спорости въ трудахъ. Поручаю себя Вашему милосердію, помолитесь о мнѣ. Вашъ пок. слуга и недост. сынъ Тертій. Москва 1856 г. 22 марта.

3.

Всечестнѣйшій отецъ Макарій! Какъ меня огорчило и изумило извѣстіе, что листы Аввы Дорооея Вамъ не посланы! Мнѣ сказали въ типографіи, что еще 7 листовъ разомъ отправлены къ Вамъ, и я радовался, что Ваше желаніе уже исполнено. Сей часъ поѣду въ типографію и узнаю, что это значитъ: потому что и отъ Ив. Вас. слышу, что и до сихъ поръ листовъ у Васъ еще нѣтъ. Простите меня ради Христа, что пишу къ Вамъ такъ кратко: есть спѣшныя дѣла. Простите меня. Я собираюсь поговѣть, если Богъ допуститъ, помолитесь о моихъ смущеніяхъ и благословите меня. Вашъ недостойный сынъ духовный Т. Филиппов. Москва. 1856 года 7 апрѣля.

4.

Всечестнѣйшій отецъ Макарій! Честь имѣю поздравить Васъ съ наступающимъ праздникомъ праздниковъ, и мое Христосъ Воскресе! пусть присоединится къ поздравленіямъ тѣхъ, которые будутъ имѣть счастье Васъ лично видѣть. Прошу Васъ также поздравить отъ меня и многолюбезныхъ отцовъ моихъ Ювеналія и Льва*)... Я посылалъ справиться въ Правленіе Типографіи, отосланы ли листы къ Вамъ, и получилъ въ отвѣтъ, что они отосланы въ четвергъ на 5-ой недѣлѣ... Сегодня, если Богъ дастъ, самъ тамъ побываю. Наборщики вчера приходили, сказывали, что наборъ ихъ конченъ, что вышло 17 листовъ всего; слѣдовательно, факторъ ошибся значительно. Затѣмъ прошу Васъ всепижайше простить мою неисправность и невниманіе; дѣлъ много, а порядка въ головѣ нѣтъ, и никому не умѣю угодить, хотяи желаю того. Вашъ покорнѣйшій слуга и недостойный сынъ духовный Тертій. Моква. 1856 г. 13 Апрѣля.

5.

Всечестнѣйшій отецъ Макарій! Огорчаетъ меня весьма то, что я не могъ издать Вашей книги въ болѣе краткій срокъ. Простите меня въ этомъ. Желаю служить, но не умѣю, какъ слѣдуетъ. Сегодня подписалъ остатокъ житія Преп. Симеона, а вчера остальныя строки Ав. Дорооея, которыя сегодня же пойдутъ къ цензору. Простите, что откладываю до Пятницы писать къ Вамъ подробнѣе; теперь только хотѣлось мнѣ Васъ увѣдомить, что обѣ книги кончены. Испрашиваю Ваше благословеніе на меня, дурного. Остаюсь Вашъ пок. слуга Т. Филипповъ. Москва 1856 г. Іюнь 3.

---

*) Половцева и Кавелина.

6.

Москва, 1856 г. 17 Іюля. Всечестнѣйшій о. Макарій! Честь имѣю увѣдомить Васъ, что билетъ на выпускъ Аввы Дороѳея полученъ; въ четвергъ я буду имѣть, наконецъ, счастье отправить къ Вамъ экземпляръ этого безцѣннаго творенія. Какъ Вы ни милостивы къ моей неловкости и къ моему неумѣнью исполнить, какъ должно, порученное мнѣ; но я не могу успокоиться при мысли о такомъ необыкновенномъ замедленіи. Билетъ на житіе Симеона Новаго до сихъ поръ еще не полученъ (это новое для меня горе), а О. Сергій, кажется, уѣхалъ въ отпускъ. Къ митрополиту я надѣюсь завтра свесть его экземпляры: они уже готовы. Книга наша выйдетъ не ранѣе 25 Іюля; тамъ будетъ статья Ивана Васильевича, 100 оттисковъ которой я перешлю Натальѣ Петровнѣ съ просьбою подѣлиться съ Вами. Тутъ же будетъ его некрологъ и слово о. Ѳеодора Сидонскаго, сказанное при отпѣваніи покойника. По выходѣ книги она немедленно будетъ къ Вамъ отправлена. За тѣмъ припадаю къ ногамъ Вашимъ и прошу Вашихъ святыхъ молитвъ: Помогите мнѣ. Я желалъ бы лучше умереть, чѣмъ впасть въ такое безчестіе, боюсь своей скверной слабости. Все больше и болѣе развязывается моя воля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и умъ: не оставьте меня... Всепокорнѣйшій слуга Вашъ Т. Филипповъ.

7.

Москва. 1856 г. 20 Іюля. Всечестнѣйшій о. Макарій! Честь имѣю Васъ увѣдомить, что съ вчерашнею почтою отправлено къ Вамъ на 10 фунт. (7 экз.) книгъ. Вчера же я былъ у Владыки и подалъ ему одинъ экземпляръ въ переплетѣ и 25 въ сорочкѣ. Когда ему представилась кипа Вашихъ книгъ, онъ

сказалъ: «Ахъ, да, зачѣмъ же они такъ много?» Потомъ спросилъ меня, отъ чего это поручено мнѣ; я ему сказалъ, что съ отъѣздомъ Натальи Петровны ея заботы объ изданіи переданы мнѣ, по Вашему милостивому вниманію. Тутъ онъ разговорился со мною о Натальѣ Петровнѣ, объ ея положеніи. Онъ узналъ о смерти Ивана Васильевича изъ вѣдомостей. Я ему объявилъ, что его похоронили рядомъ съ о. Леонидомъ; онъ на это сказалъ: «Ахъ! Гдѣ Богъ удостоилъ его лечь!» Наконецъ, онъ приказалъ благодарить Васъ: «благодарите старцевъ и скажите имъ, что они очень щедры». А я все не могу успокоиться, что задержалъ Вашу книгу такъ долго: простите меня ради Бога! 10 экзмпл. Преп. Симеона тоже посланы въ цензуру, но билета не высылаютъ; да я и не знаю, вышлютъ ли безъ о. Сергія. Потрудитесь мнѣ написать, какое заглавіе дать 600-мъ экземпл., которые будутъ содержать первыя два поученія Аввы Дороѳея. И какую обертку употребить для нихъ и для житія Преп. Симеона?

Въ ожиданіи прощенія и приказаній Вашихъ, честь имѣю пребыть Вашъ всепокорнѣйшій слуга Т. Филипповъ.

8.

Москва. 1856 г. 28 Іюля. Всечестнѣйшій о. Макарій! Человѣкъ Натальи Петровны, отъ котораго Вы получите это письмо, не засталъ здѣсь подводы и потому не можетъ взять болѣе 5 книгъ: пѣшему больше не снесть. Онъ пыталъ прицѣниться, что возьмутъ извощики, но цѣна ихъ превышаетъ почтовые издержки. И такъ, остается подождать другого удобнѣйшаго случая. А пока прошу покорнѣйше меня извинить, что сокращаю письмо свое: не позволяютъ дѣла. Прошу Вашихъ св. молитвъ... Недостойный сынъ духовный Тертій!

9.

Москва. 1856 г. 7 Авг. Всечестнѣйшій о. Макарій! Съ человѣкомъ Натальи Петровны я послалъ, какъ Вамъ уже извѣстно, 5 экз., съ почтою послалъ 1 пудъ (25 экз.) объ остальныхъ же 1400 экземплярахъ я просилъ Ѳерапонтова позаботиться, и онъ обѣщалъ мнѣ найти случаи. Всякій разъ, какъ я пишу къ Вамъ, или отъ Васъ получаю письмо, мнѣ бываетъ очень стыдно своего неумѣнія исполнять Ваши порученія къ Вашему удовольствію. Простите меня ради Бога! Желаю, но не умѣю. Оттиски статьи Ивана Васильевича еще не готовы, я перешлю ихъ Вамъ въ скорѣйшемъ времени, надѣюсь въ этотъ четвергъ, и впишу тѣ Четыре строчки, которыя вычеркнулъ Делицынъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось взглянуть на мѣсто покоя безцѣннаго и незамѣнимаго для насъ многихъ Ивана Васильевича! Вмѣстѣ съ тѣмъ и получить бы духовное утѣшеніе отъ словъ Вашей вѣры и открыть бы Вамъ немощи и страсти моей больной души.

Прошу Васъ не забыть меня и брата моего въ Вашихъ святыхъ молитвахъ. Вашъ всепокорнѣйшій слуга Т. Филипповъ.

10.

Москва. 1856 г. Авг. 10. Всечестнѣйшій о. Макарій! По Вашему приказанію я отправилъ къ Степану Михайловичу Головину 250 экз.... Оттиски статьи Ивана Васильевича перешлю къ Вамъ въ тотъ Четвергъ.

А теперь прошу покорнѣйше извинить меня, что такъ кратко пишу: некогда. Помолитесь о моей душѣ, милостивый Батюшка, она въ большой опасности и въ великомъ смущеніи. Вашъ всепокорнѣйшій слуга Т. Филипповъ.

11.

Москва. 1856 г. 2 окт. Всечестнѣйшій о. Макарій! Счетъ книгамъ отлагаю до слѣдующаго письма, а счетъ деньгамъ прилагаю здѣсь...

У меня остается Вашихъ денегъ 185 р. 73 к. Но изъ нихъ еще нужно будетъ уплатить за сорочку на брошюры Аввы Дороѳея и Абакумову. Когда всѣ работы будутъ кончены, такъ я оставшіяся деньги положу въ Ломбардъ и отошлю билетъ къ Натальѣ Петровнѣ... У насъ большая радость въ назначеніи Гр. Толстого Оберъ-Прокуроромъ. Неоставьте меня въ молитвахъ Вашихъ, батюшка, я не въ хорошемъ состояніи нахожусь... недостойный сынъ духовный Тертій.

12.

Москва. 1856 года 9 окт. Всечестнѣйшій о. Макарій! Честь имѣю представить Вамъ счетъ экземпляровъ Вашихъ изданій.

1. Брошюры Аввы Дорооея всѣ сполна я велѣлъ доставить Г. Головину. За вычетомъ цензурныхъ и конторскихъ ихъ будетъ 585.

2. Житіе Симеона 320 экземпл. взялъ Константинъ Карловичъ, 500 я велѣлъ отправить къ Зейде до времени, не прикажете ли отдать ихъ на комиссію Ѳерапонтову; 100 велѣлъ доставить къ себѣ для раздачи по Вашимъ предписаніямъ; остальные всѣ около 1480 велѣлъ отправить Головину. Извините, не пойму Вашего письма, въ которомъ распредѣлено, сколько кому въ даръ отнести или отослать. Потрудитесь написать вновь.

3. Авва Дороѳей. Счетъ тутъ посложнѣе (слѣдуетъ счетъ)... Куда дѣвались 30 экземпл., теперь не припомню, а постараюсь къ Пятницѣ припомнить... Изъ своихъ знакомыхъ я роздалъ не болѣе

5 и 6 экземпл., такъ что я не могу понять, куда дѣлись эти 30, которыхъ я не досчитываюсь. Къ Пятницѣ надѣюсь это разъяснить, и вмѣстѣ съ тѣмъ представить счетъ остальнымъ издержкамъ.... Не забудьте меня, батюшка, тѣмъ болѣе, что я самъ себя часто забываю. Вашъ недостойный сынъ духовный Т. Филипповъ.

ПИСЬМО М. МАКСИМОВИЧА КЪ СТАРЦУ О. ІЕРОСХИМОНАХУ МАКАРІЮ.

Ваше Высокопреподобіе, Достопочтеннѣйшій о. Макарій! Извините меня великодушно за мое долгое молчаніе и безотвѣтность, — въ чемъ я много виноватъ сталъ и передъ другими моими добрыми знакомцами, въ продолженіе сего 1859 г. Но виноватый передъ Вами за безсловесіе мое, я правъ передъ Вами на дѣлѣ — относительно книги св. Орсисія, которое шло безостановочно, и только въ счетѣ экземпляровъ съ моимъ стародавнимъ переписчикомъ, знакомымъ съ 1823 года, еще не свелъ концовъ для совершеннаго Вамъ отчета... До 30 экземпляровъ я считаю еще недоставленныхъ мнѣ переплетчикомъ изъ типографіи, а около 20 экземпл. я роздалъ, пользуясь на то Вашимъ позволеніемъ, разнымъ знакомымъ мнѣ лицамъ, начиная съ Натальи Петровны, о. Пафнутія, Хомякова, Кошелева, Гилярова, Самарина и т.д..... Имѣющіяся у меня росписки изъ типографіи, отъ переплетчика и Фераонтова при семъ прилагаю, и сердечно благодарю Васъ, что Вы доставили мнѣ случай послужить Вамъ и поучаствовать трудомъ своимъ хотя нѣсколько въ благомъ и душеполезномъ дѣлѣ Вашемъ. Письма Ив. Вас. Кирѣевскаго вскорости возвращу, хотя біографія его еще не написана мною; да къ

великому прискорбію моему и печатаніе со стороны типографіи въ послѣдніе два мѣсяца тянулось медленно и небрежно, такъ что едва ли 2-я часть поспѣетъ къ маю мѣсяцу; а я въ первыхъ числахъ хочу непремѣнно ѣхать отсюда прямо домой, въ Золотоношу, чтобы тамъ застать еще хоть конецъ Украинской весны, необходимой для моего натруженнаго здоровья; да и душевную потребность чувствую быть поскорѣе дома, гдѣ ожидаетъ меня жена, съ которою на столько мѣсяцевъ я разлучился... Глубокопочитающій Васъ и душевно преданный Вамъ М. Максимовичъ. 10 Апр. 1859 г. Москва.

ПИСЬМА В. АСКОЧЕНСКАГО КЪНАСТОЯТЕЛЮ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ О. АРХИМАНДРИТУ МОИСЕЮ.

1.

Ваше Высокопреподобіе! Мнѣ до крайности совѣстно, что я молчаніемъ моимъ причинилъ Вамъ нѣкоторое безпокойство: но это произошло отъ того, что я не считалъ необходимымъ писать Вамъ о полученіи денегъ до начатія самого дѣла. Въ настоящую пору, когда уже приступлено къ печатанію рукописи объ Оптиной Пустыни, я не смѣлъ бы долѣе молчать, несмотря на многочисленныя мои занятія. Съ Божьей помощью и за Вашими святыми молитвами все пойдетъ хорошо. Корректуру я буду держать самъ, пригласивъ только себѣ въ помощь фактора типографскаго, за труды котораго заплачу со временемъ. На этотъ счетъ покорнѣйше прошу Ваше Высокопреподобіе не безпокоиться: взявшись за дѣло разъ, я уже не отказываюсь отъ дѣла ни подъ

какимъ предлогомъ. Типографщикъ совершенно доволенъ полученными имъ 200 рублями и безпрекословно будетъ ждать полученія остальныхъ по окончаніи печатанія этого тома. Какъ скоро напечатаютъ листъ, я буду имѣть честь препровождать къ Вашему Высокопреподобію и къ о. Леониду, по одному экземпляру. Вотъ и весь отчетъ мой...

Обыщедше обыдоша мя, отецъ мой, *и именемъ Господнимъ противняхся имъ*. Именно, только именемъ Господнимъ, потому что нѣтъ никого, на кого бы я могъ понадѣяться въ случаѣ большихъ притѣсненій отъ враговъ истины Христовой. Трудно повѣрить, а такъ оно есть, что самый Синодъ противъ меня и моего журнала. Но я иду и буду идти непреклонно съ твердымъ упованіемъ, что Господь Богъ самъ помощникъ и заступникъ мой. На Него Единаго упова сердце мое, и вѣрю, что упованіе мое не постыдится. А если онъ, Правосудный, отброситъ меня за грѣхи мои, какъ нечистый сосудъ, то и тогда скажу: *Да будетъ воля Твоя.!*

Но предъ врагами св. Евангелія и церкви православной не преклонюсь ни за какія блага міра, ни для какого страха ради іудейскаго... О, помогайте мнѣ св. молитвами Вашими, да не найдетъ на меня духъ унынія. Благословите всей душей преданнаго Вамъ В. Аскоченскаго. 18 мая 1861 г.

2.

Ваше Высокопреподобіе, достопочтеннѣйшій о. Моисей! Честь имѣю препроводить къ Вамъ 10 экземпл. Исторіи Оптиной Пустыни и подробный счетъ изъ типографіи. Къ печатанію исторіи скита еще не приступлено, за неимѣніемъ денегъ. Простите ради Бога, что такъ много замедлилъ я исполненіемъ Вашего порученія. Испрашивая молитвъ

Вашихъ и въ ожиданіи дальнѣйшихъ Вашихъ распоряженій имѣю честь быть...покорнѣйшій послушникъ В. Аскоченскій. 10 Ноября 1861 г.

ПИСЬМА ОПТИНСКАГО СТАРЦА ІЕРОСХИМОНАХА МАКАРІЯ*) КЪ ИВ. ВАС. И НАТ. ПЕТР. КИРѢЕВСКИМЪ.

1.

М. с. о. и. Г. І. Х. С. Б. п. и.!**) Достопочтеннѣйшіе о Господѣ Иванъ Васильевичъ и Наталья Петровна! Поздравляю Васъ, Иванъ Васильевичъ, съ днемъ Вашего ангела, желаю, чтобы предстательствомъ Его у Господа Онъ даровалъ Вамъ здравіе и все благое ко спасенію Вашему, а Наталью Петровну и дѣтей поздравляю съ дорогимъ имянинникомъ, желая всѣмъ Вамъ радоваться вкупѣ о Господѣ. Послѣднее письмо Ваше получилъ въ Воскресенье, и въ тотъ же день писалъ къ Вамъ съ Константиномъ Карловичемъ: черезъ нѣсколько же часовъ послѣ его отъѣзда прибыла и Ваша подвода съ книгами; въ 4-хъ коробахъ — 315 книгъ — все доставлено въ великой исправности, за что также приношу Вамъ усерднѣйшую благодарность; также получилъ и двѣ книжечки въ конвертѣ съ

---

*) Письма старца о. Макарія къ монашествующимъ — въ 4-хъ томахъ, и къ мірскимъ особамъ — въ одномъ томѣ, были въ свое время изданы Оптиной Пустынью. Настоящія письма помѣщаются здѣсь для ознакомленія читателей съ характеромъ писемъ старца.

**) Молитвами святыхъ отецъ нашихъ Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ!

надписью на мое имя отъ Ростовскаго Архимандрита о. Поликарпа; я не имѣю чести его знать лично; и потому прошу Васъ увѣдомить меня, какимъ образомъ онѣ дошли до Васъ; думаю, надобно будетъ благодарить его за вниманіе. Какъ-то Ваше здоровье, почтенная Наталья Петровна? А я при отъѣздѣ Константина Карловича нѣсколько занемогъ, но на другой день послѣ обѣда совсѣмъ поправился, Слава Богу. Испрашивая на всѣхъ Васъ и дѣтей Вашихъ миръ и благословеніе Божіе, съ почтеніемъ моимъ остаюсь недостойный богомолецъ многогрѣшный іеромонахъ Макарій. Почтеннѣйшій Иванъ Васильевичъ, простите, что я особенно не пишу къ Вамъ, заѣзжихъ много, ихъ почтить пора и во многомъ уже рѣдко кому пишу. Предваряю Васъ поздравленіемъ потому, что почта иногда опаздываетъ. 25 мая 1854 года.

2.

М. С. о. и. Г. І. Х. С. Б. п. и! Достопочтеннѣйшая о Господѣ Наталья Петровна!

Дѣйствія Ваши о пустошѣ, просимой для надѣленія нашей пустыни, передалъ я о. игумену; онъ очень благодаренъ Вамъ за оныя; остальное предоставляемъ волѣ Божіей: какъ ему угодно, такъ и да устроитъ. Съ нашей стороны все устроено хорошо, а, какъ выйдетъ дѣло, неизвѣстно.

Васѣ Вашему дай Богъ съ успѣхомъ продолжать свое обученіе; вы много безпокоитесь, какъ прежде, такъ и теперь, объ немъ; но онъ, слава Богу, и доселѣ идетъ благополучно въ своемъ положеніи, а что дальше будетъ, предайте волѣ Божіей и молитесь о немъ. На прошедшей почтѣ я писалъ къ Вамъ о сдѣланной ошибкѣ: о. игуменъ посылалъ книги Московскому митрополиту! да еще и безъ письма:

это очень неловко. Но на другой почтѣ уже писалъ, что послалъ, не успѣвъ написать письмо, и просить удостоить простить... не знаю, поправится ли, или нѣтъ? Благодаримъ Васъ, что роздали по назначенію нашему экземпляры книги; только я не понялъ, послали ли къ о. намѣстнику 10 экземпл..? Вы пишите только объ одномъ. Еще кому найдете нужнымъ, давайте... О прибавленіи словъ въ книгу св. Симеона Новаго Богослова — мысль ваша очень хороша; но надобно, какіе благословитъ Владыка... Есть и у насъ другія книги св. Симеона Новаго Богослова, только не 17 словъ, а менѣе, и въ оной находятся слова, которыхъ нѣтъ въ 12, въ числѣ коей есть и изъ стишной помѣщены, но, кажется, оныя не старцева перевода, а иначе были бы помѣщены вмѣстѣ съ тѣми. Сличивъ нѣкоторыя изъ оныхъ, находимъ, что другой переводъ... А можетъ быть въ Вашей книгѣ и старцевъ переводъ, не могу заочно утверждать. О форматѣ, какъ найдете лучшимъ, такъ и сотворите. Почтеннѣйшаго Ивана Васильевича усерднѣйше благодаримъ за прочтеніе нашихъ словъ и за его замѣчанія, но теперь писать не имѣю время, а получа отъ него еще писаніе, какого мнѣнія Владыка о всемъ этомъ, напишу на будущей почтѣ, а теперь никакъ не могу успѣть: много пріѣзжихъ... Дай Богъ, чтобы дѣло ваше получило хорошее окончаніе и сохранилось ваше достояніе. Знаю, что трудна жизнь Ваша въ Москвѣ: что ни шагъ, то деньги; а къ этому еще и сердечные разные... жизнь наша трудъ и утружденіе. Земля произращаетъ терніе и волчецъ, и сердечная земля произростала бы оныя, когда бы небесный Дѣлатель не способствовалъ намъ скорбми и невольно свобождаться ветхаго человѣка. Воздадимъ ему о всемъ благодареніе! Колѣ желаю совершеннаго исцѣленія отъ болѣзни глазокъ его... Испрашивая на всѣхъ васъ и на дѣтей вашихъ Божіе благословеніе съ желаніемъ вамъ мира,

здравія и благоденствія остаюсь недостойный богомолецъ многогрѣшный іеромонахъ Макарій. 16 Авг. 1852 г.

3.

М. с. о. и. Г. І. Х. Б. и. п. и! Достопочтеннѣйшая о Господѣ Наталья Петровна!

Съ большимъ удовольствіемъ узналъ я изъ послѣдняго письма Вашего о присылкѣ къ Вамъ части рукописи св. Варсануфія и возблагодарилъ Господа, «исполняющаго во благихъ желаніе наше». Да будетъ Ему слава и благодареніе за всѣ Его великія милости къ намъ недостойнымъ.

Благодаю Васъ за покупку бумаги и прочія сдѣланныя вами распоряженія. О деньгахъ не безпокойтесь. Уповаю , что Господь пошлетъ намъ ихъ вскорѣ. Напомню Вамъ только о Ѳеропонтовѣ. Вы дали ему 300 экз. св. Исаакія. Можетъ быть, онъ уже успѣлъ выручить за нихъ что-нибудь? Потрудитесь узнать о семъ, и сообщите мнѣ, сколько Вы отъ него получите, а остальныя необходимыя деньги для печатанія я надѣюсь Вамъ доставить, конечно, при помощи добрыхъ людей, а Васъ покорнѣйше благодарю за готовность Вашу и усердіе — до времени помогать печатанію Вашими собственными деньгами.

О домашнихъ неустройствахъ Вашихъ и я не мало скорблю, но не нахожу иныхъ средствъ противъ нихъ, кромѣ тѣхъ, которыя уже предлагалъ Вамъ изустно и письменно. Господь многомилостивый да водворитъ въ домѣ Вашемъ миръ и спокойствіе — усердно желаю сего, и испрашивая на Васъ Божіе благословеніе остаюсь недостойный Вашъ богомолецъ... Ивану Васильевичу изъявляю мое почтеніе. Всѣмъ дѣтямъ Вашимъ мое благословеніе. 8 февраля. 1855 г.

4.

М. с. о. и. Г. І. Х. Б. и. п. и. Достопочтенѣйшая о Господѣ Наталья Петровна!

Вчера отправилъ я къ Вамъ съ крестьяниномъ вашимъ изъ Долбина письмо и деньги 1000 руб. сер. съ покорною просьбою положить ихъ въ Совѣтъ на два неизвѣстныхъ билета по 500 руб. с. каждый, и надѣюсь, что Вы получите эти деньги въ совершенной цѣлости и не отяготитесь исполненіемъ моего прошенія. Деньги эти принадлежатъ одной благодѣтельницѣ нашего монастыря. Субботу и Воскресенье провелъ у насъ Тертій Иваныч Филипповъ и очень понравился намъ по своей христіанской, пріятной простотѣ и не изысканному деликатно-свободному обращенію. Господь да укрѣпитъ его на пути благочестія, и да поможетъ ему неуклонно идти противъ теченія міра сего. И братъ Тертія Ивановича былъ вмѣстѣ съ нимъ у насъ. Оба они хотѣли быть сюда еще дня на три (около 29-го Іюня) и, можетъ быть, встрѣтимся здѣсь съ Вами? Вчера благодарилъ я Васъ за присланныя 4 книги св. Варсануфія, и сегодня паки благодарю усерднѣйше. Спаси васъ Господи! Если можно будетъ отправьте нѣсколько книгъ этихъ съ Вашими подводами, но только прошу Васъ, не затрудняйте себя исполненіемъ сей моей просьбы. Мы можемъ получить книги и съ другою оказіей, хотя не такъ скоро.

Испрашиваю на Васъ, Ивана Васильевича и всѣхъ дѣтей Вашихъ Божіе благословеніе и съ почтеніемъ моимъ остаюсь желающій Вамъ мира, здравія и спасенія недостойный богомолецъ Вашъ многогрѣшный Іеромонахъ Макарій. Не помню, благодарилъ ли я Васъ за покупку парчи; очень хороша, и приличка къ нашей матеріи. Простите, забылъ послать Вамъ деньги за оную. Дѣтямъ Вашимъ и всѣмъ семейнымъ съ Вами мое недостойное благословеніе.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
ПРЕДИСЛОВІЕ	.....	5
I.	Мѣстоположеніе и внѣшній видъ Оптиной Пустыни	9
II.	Внутренній укладъ жизни въ Оптиной Пустыни	21
III.	Прошлое Оптиной Пустыни, ея возобновленіе при Московскомъ Митрополитѣ Платонѣ и устройство при ней скита	27
IV.	Начало Оптинскаго Старчества: іеросхимонахъ Левъ	34
V.	Оптинскій старецъ о. Іеросхимонахъ Макарій и его труды по изданію писаній старца Паисія Величковскаго	44
VI.	Оптинскій старецъ о. Іеросхимонахъ Амвросій	55
VII.	Старецъ о. Амвросій — Устроитель Женской Казанской Шамординской Пустыни	80
VIII.	Послѣдніе Оптинскіе старцы	97

Приложенія:

Письма И. В. Кирѣевскаго Іеросхимонаху Макарію	.....	107
Письма Н. П. Кирѣевской Іеросхимонаху Макарію	.....	144
Письмо Н. П. Кирѣевской отцу Игумену Моисею	.....	157

Стр.

Письмо Митрополита Филарета Н. П. Кирѣевской 159
Отвѣтъ Н. П. Кирѣевской на письмо Митроп. Филарета 160
Письмо Митрополита Филарета Іеромонаху Макарію 163
Письмо Н. В. Гоголя къ Оптинскимъ старцамъ 163
Письма С. П. Шевырева старцу о. Макарію 164
Письмо С. П. Шевырева И. В. Кирѣевскому 167
Письма Т. И. Филиппова старцу о. Макарію 169
Письмо М. Максимовича старцу о. Макарію 176
Письма В. Аскоченскаго о. Архимандриту Моисею 177
Письма оптинскаго старца іеросхимонаха Макарія къ И. В. и Н. П. Кирѣевскимъ 179

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris.

20.–